

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ МОРИС И ЕГО УЧЕННЫЕ ГРЫЗУНЫ

*The Amazing Maurice
and His Educated Rodents*

«ЭТО ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ РОМАН!»

Нил Гейман

Annotation

Гениальный план, и всё продумано до мелочей. Сначала стая крыс наводняет город, устраивает его обитателям веселую жизнь, а потом является мальчик-простак с дудочкой (в сопровождении полосатого кота), за хорошие деньги выводит крыс из города, и все счастливы.

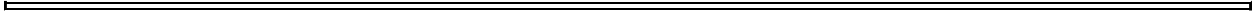
Деньги же потом делятся между котом по имени Изумительный Морис (на пенсию с домиком и добросердечной старушкой), Кланом крыс (на дело создания Крысиной Республики) и мальчиком, причем большую же часть прибирает к лапам эгоистичный котище, так как именно его криминальному таланту операция и обязана своим успехом.

Но однажды план идет наперекосяк.

В Дрянъ-Блинцбурге, что в землях Убервальда, они сталкиваются с Злокознией Грымм (внучкой тех самых Сестер Грымм), с Крысоловом № 1 и Крысоловом № 2 и на десерт – с настоящим Волшебным Дудочником. А в подвалах и подземельях обитает нечто темное и страшное. Тьма предъявляет свои права, и никто из Ученых Грызунов не знает, как ей противостоять, и кто-то должен пожертвовать своей жизнью...

-
- [Терри Пратчетт](#)
    -
    -
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Примечание автора](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)

- 2
- 3
- 4

Терри Пратчетт

Изумительный Морис и его ученые грызуны

Terry Pratchett

THE AMAZING MAURICE AND HIS EDUCATED RODENTS

Copyright © Terry & Lyn Pratchett, 2001.

First published as 'The Amazing Maurice and His Educated Rodents' by Random House Children's Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.

Серия «Терри Пратчетт»

Разработка серии Ильи Саукова

Иллюстрация на переплете Анатолия Дубовика

© С. Лихачева, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2018

* * *

*Посвящается Д'нис,
в благодарность за нужную книгу в нужный
момент*

Глава 1

В один прекрасный день мистер Зайка решил пошалить. Он заглянул через изгородь на поле Фермера Фреда и увидел, что там полным-полно свежего зеленого салата. А вот в животе у мистера Зайки салата совсем не было. Какая несправедливость!

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Крысы!

Они гоняли собак, они «всех кошек одолели, взбирались к детям в колыбели», и...

Но это еще не все. Как сказал Изумительный Морис, это просто история про людей и крыс. А самое сложное в ней – это решить, кто тут люди, а кто – крысы.

А вот Злокозня Грымм уверяла, что это история про истории.

И началась она – *отчасти* – в почтовом дилижансе, который ехал из-за гор, от далеких равнинных городов.

Эту часть пути возница терпеть не мог. Дорога петляла по лесам и по осыпям вдоль склонов гор. Между деревьев лежали густые тени. Иногда вознице мерещилось, будто за дилижансом, стараясь по возможности остаться незамеченными, крадутся какие-то твари. Его прямо в дрожь бросало.

А в *этом* путешествии – вот где самая жуть-то! – возница слышал голоса. Точно-точно! Голоса раздавались откуда-то сзади, с крыши дилижанса, а ведь там ничего не было, кроме туго набитых клеенчатых мешков с почтой да жалкого мальчишкиного багажа. Спрятаться там явно негде. Но возница готов был поклясться: он то и дело слышал, как перешептываются писклявые голоса.

На тот момент внутри ехал только один пассажир. Светловолосый парнишка сидел себе один-одинешенек в раскачивающемся дилижансе и читал книгу. Читал он медленно, вслух и водил пальцем по строкам.

– «Уббервальд», – прочел он.

– Не «Уббервальд», а «Убервальд», – возразил тоненький, писклявый, но вполне отчетливый голосок. – Точки над «у» означают, что тянуть звук

надо долго: «ууу». Но ты неплохо справляешься.

– Ууууубервальд, да?

– Не стоит злоупотреблять проносом, малыш, – полусонно откликнулся новый голос. – А знаешь, чем так хорош Убервальд? Тем, что он очень-очень далеко от Сто Лат. И от Псевдополиса тоже. И от любого другого места, где командор Стражи грозитя сварить нас заживо, если еще хоть раз увидит. А цивилизацией, между прочим, здесь и не пахнет. Скверные дороги. Повсюду – горы. Особо не попутешествуешь. То есть новости распространяются медленно, понимаешь? И полиции тут, скорее всего, вообще нету. Малыш, мы тут озолотимся!

– Морис? – опасливо спросил парнишка.

– Да, малыш?

– Как думаешь, то, что мы делаем, ну, в общем... ты не думаешь, что это нечестно?

Повисла пауза.

– Что значит «нечестно»? – наконец откликнулся голос.

– Ну... мы же берем с них деньги, Морис. – Дилижанс подпрыгнул, угодив колесом в выбоину.

– Допустим, – произнес невидимый Морис. – А теперь спроси сам себя: с кого мы берем деньги на самом-то деле?

– Ну... обычно это мэр, или члены городского совета, или кто-то в этом роде.

– Верно! А это значит... что? Мы с тобой эту подробность уже проговаривали.

– Эгм...

– Это пра-ви-тель-ствен-ные средства, малыш, – терпеливо объяснил Морис. – А теперь повтори. Пра-ви-тель-ствен-ные средства.

– Пра-ви-тель-ствен-ные средства, – послушно произнес мальчуган.

– Верно! А что правительство делает с деньгами?

– Эгм, оно...

– Оно платит солдатам, – сообщил Морис. – Оно ведет войны. На самом деле мы, вероятно, предотвратили немало военных конфликтов, забрав деньги и помешав использовать их во зло. Да если задуматься, нам памятник надо поставить! Монумент, вот!

– Морис, но некоторые города, как мне показалось, были ужасно бедными, – с сомнением произнес мальчуган.

– Именно в таких местах войны совершенно точно не нужны, так?

– А вот Фасоль Опасно-для-Жизни говорит... – Мальчуган сосредоточился, губы его задвигались, точно он попытался сперва

произнести сложное слово про себя. – Это не-э-тичи-но.

– Вот именно, Морис, – вклинился писклявый голосок. – Фасоль Опасно-для-Жизни говорит, нам не следует жить за счет обмана.

– Слушай, Персики, обман – это то, чем занимаются все человеки без разбору, – раздался голос Мориса. – Человеки только и делают, что друг друга обманывают, – а если не справляются сами, то выбирают правительство себе в помощь. А мы даем им качество по разумной цене. Приключается страшное нашествие крыс, люди платят дудочнику, все крысы следуют за мальчонкой вон из города, прыг да скок, конец нашествия, все рады-радехоньки, что никто больше не гадит в муку, благодарное население переизбирает правительство на новый срок, ура, всеобщее ликование. *Разумно* потраченные деньги, вот как я это называю.

– Да, но нашествие-то ненастоящее, это мы просто вводим всех в заблуждение, – раздался голос Персиков.

– Ну, милая, все эти мелкие органы власти, помимо прочего, выделяют деньги еще и на крысоловов, так? Взять не могу в толк, зачем я вообще с вами связался, вот прямо в толк взять не могу.

– Да, но мы...

Внезапно дилижанс остановился. Снаружи, под дождем, звякнула сбруя. Дилижанс слегка качнулся из стороны в сторону, послышался топот убегающих ног.

Из темноты раздался голос:

– *Волшебники* внутри есть?

Пассажиры озадаченно переглянулись.

– Нет? – отозвался парнишка, причем его «нет» прозвучало как «А почему вы спрашиваете?».

– А как насчет *ведьм*? – не отступался голос.

– Не, никаких *ведьм* нету, – заверил парнишка.

– Так-так. А нет ли внутри тяжеловооруженных *троллей*, специально нанятых почтовой компанией?

– Очень в этом сомневаюсь, – откликнулся Морис.

Повисла недолгая пауза. Тишину нарушал только дождь.

– О'кей, как насчет *вервольфов*? – наконец раздался все тот же голос.

– А как они выглядят? – уточнил парнишка.

– Ну, это, выглядят они вполне обычно, пока у них вдруг не отрастут шерсть, и клыки, и гигантские лапы, а тогда эти лохматые, зубастые твари ка-а-ак прыгнут в окно прямо на вас, – объяснил голос. Похоже, вопрошатель двигался строго по списку.

– Мы тут все лохматые и зубастые, – отозвался парнишка. – Это

считается?

– То есть вы все-таки вервольфы?

– Нет.

– Тогда ладно. – Снова повисла пауза, заполненная шумом дождя.

– О'кей, вампиры, – продолжал голос. – Ночь выдалась ненастная, в такую мокреть не полетаешь. Есть там внутри вампиры?

– Нет, что вы! – заверил парнишка. – Мы все совершенно безобидны!

– О нет, – пробормотал Морис и заполз под сиденье.

– Это радует, – произнес голос. – В наши дни осторожность не помешает. Столько подозрительных личностей вокруг шастает.

В окно просунулся арбалет, и тот же голос объявил:

– Кошелек и жизнь. Два по цене одного, так сказать.

– Деньги в сундуке на крыше, – сообщил Морис откуда-то с пола.

Грабитель оглядел темное нутро дилижанса.

– Это кто сказал?

– Эгм, я, – отозвался мальчишка.

– Так у тебя ж губы не двигались, малец!

– Тем не менее деньги на крыше. В сундуке. Но на твоём месте я не стал бы...

– Ха, да уж наверняка не стал бы, – хмыкнул грабитель. Лицо под маской, маячившее в окне, исчезло.

Мальчуган взял с соседнего сиденья дудочку. Дудочка была из тех, что до сих пор называют «свистульками за пенни», хотя никто уже и не помнит, когда это они стоили всего один пенни.

– Сыграй «Разбойное нападение», малыш, – тихо посоветовал Морис.

– А нельзя ли просто отдать ему деньги? – раздался голос Персиков. Очень тихий голос.

– Деньги – такая штука, которую люди должны отдавать нам, – сурово напомнил Морис.

Над их головами сундук со скрежетом заскользил по крыше дилижанса: грабитель стаскивал добычу вниз.

Мальчуган послушно взялся за дудочку и сыграл несколько нот. Вот теперь звуки слышались самые разные. Сперва скрип, затем глухой стук, какая-то возня и короткий вскрик. Очень короткий.

Когда все смолкло, Морис вновь вскарабкался на сиденье и высунул голову из окна в ночную темень и дождь.

– Хороший человек, – похвалил он. – Разумный. Чем больше сопротивляешься, тем больше они кусаются. Кожу еще не прокусили, нет? Вот и славно. Подойди чуть ближе, чтобы я мог тебя видеть. Но смотри, без

резких движений. Мы же не хотим, чтобы кто-нибудь запаниковал, правда?

В свете каретных фонарей вновь появился грабитель. Ступал он очень медленно и осторожно, широко расставив ноги. И тихонько поскуливал.

– А, вот и ты, – весело приветствовал его Морис. – Что, забрались в штаны и вскарабкались прямо вверх, да? Крысы, они такие. Ты просто кивни, их ведь лучше не злить лишний раз. А то как знать, чем все закончится.

Грабитель медленно кивнул. А в следующий миг изумленно сощурился.

– Ты – *кот*? – пробормотал грабитель. Затем закатил глаза и охнул.

– Я разве велел говорить? – мурлыкнул Морис. – По-моему, говорить я не велел, нет? Что, возница сбежал или ты его прикончил?

Грабитель отрешенно глядел прямо перед собою.

– А ты быстро учишься. Одобряю, – похвалил Морис. – На вопрос можешь ответить.

– Сбежал, – хрипло отозвался грабитель.

Морис втянул голову обратно в окно.

– Что думаете? – промолвил он. – Дилижанс, четверка лошадей, вероятно, в мешках с почтой найдется что-нибудь ценное. Эх, глядишь, целая тысяча долларов, а то и больше. Паренек может сесть за кучера. Попытка не пытка?

– Морис, это же *кража*, – отозвалась Персики. Она устроилась на сиденье рядом с мальчишкой. Персики была крысой.

– Ну, не то чтобы прямо *кража*, – запротестовал Морис. – Скорее... *находка*. Возница сбежал, так что это все равно что... о, спасение имущества! Точно, мы можем вернуть его за вознаграждение. Так *гораздо* лучше. Законно опять же. Ну что, согласны?

– Люди начнут задавать слишком много вопросов, – напомнила Персики.

– Если мы просто-напросто бросим все это добро на дороге, его все равно сопрет какое-нибудь *мур-р-рло*, – взвыл Морис. – Какой-нибудь ворюга все приберет к рукам! Может, пусть лучше оно нам достанется, а? Мы-то не воры.

– Морис, мы *ничего не возьмем*, – отрезала Персики.

– Ну тогда давайте украдем лошадь грабителя, – предложил Морис, так, словно для достойного завершения этой ночи необходимо было похитить хоть что-нибудь. – Если крадешь у вора, это не кража, потому что одно отменяет другое.

– Мы не можем просидеть здесь всю ночь, – заявил парнишка

Персикам. – Тут он прав.

– Точно! – с энтузиазмом подтвердил грабитель. – Вы же не можете просидеть здесь всю ночь!

– Точно, – подхватил хор голосов изнутри его брюк, – мы не можем тут всю ночь просидеть!

Морис вздохнул и снова высунулся в окно.

– О'кей, – протянул он. – Вот как мы поступим. Ты стоишь неподвижно, глядишь прямо перед собой, и чтоб мне без фокусов, а то мне стоит только словечко сказать...

– Не говори словечка! – взмолился грабитель.

– Идет, – согласился Морис. – В наказание мы заберем твою лошадь, а тебе достанется карета, потому что это кража, а воровать позволено только ворам. Согласен?

– Как скажешь! – откликнулся грабитель, но тут же, подумав, поспешно добавил: – Но только, пожалуйста, ничего не говори!

Бедолага по-прежнему глядел прямо перед собою. Он видел, как из дилижанса вышли мальчишка с котом. За спиной его слышались разнообразные звуки: эти двое забирали его лошадь. Грабитель подумал о мече. Ну да, ему, конечно, достанется целый почтовый дилижанс, но ведь есть еще такая штука, как профессиональная гордость!

– Ладно, – снова раздался кошачий голос. – Мы уходим, а ты пообещай, что с места не двинешься, пока мы не скроемся из виду. Обещаешь?

– Слово вора, – отозвался грабитель, медленно опуская ладонь на рукоять меча.

– Хорошо. Мы тебе, безусловно, доверяем, – откликнулся кот.

Грабитель почувствовал, как штаны его стали значительно легче – крысы высыпали наружу и порскнули прочь. Звякнула упряжь. Он выждал мгновение, затем стремительно развернулся, выхватил меч и кинулся вперед.

Ну, чуть-чуть вперед. Он бы, конечно, не грянулся оземь с таким грохотом, если бы кто-то не связал вместе шнурки его ботинок.

Все говорили, он просто изумителен. Изумительный Морис, вот как его прозвали. Но он вовсе не собирался никого изумлять. Просто так вышло.

Когда в один прекрасный день, сразу после обеда, он посмотрел на свое отражение в луже и вдруг понял: «Это ж я», он сразу догадался: что-то тут не так. Прежде он себя *не осознавал*. Конечно, вспомнить, что он там

про себя думал до того, как стал изумительным, было непросто. Кажется, прежде в голове его плескалось что-то вроде супа.

А потом еще эти крысы, которые жили под мусорной кучей в углу его законной территории. Морис понял, что крысы учености не чужды, когда напрыгнул на одну такую, а крыса возьми и скажи: «Послушайте, а может, сперва поговорим?» – и какая-то часть его изумительно нового сознания подсказала: нельзя жрать того, кто владеет даром речи. По крайней мере, не выслушав сперва до конца.

Крысой этой была Персики. Она оказалась совсем не такой, как все прочие крысы. Равно как и Фасоль Опасно-для-Жизни, Пончик Вход, Гуталин, Гуляш, Большие Скидки, Токси и все остальные. Но, в конце-то концов, и он, Морис, больше не был таким, как прочие коты и кошки.

Внезапно оказалось, что прочие коты и кошки ужасно глупые. Так что Морис теперь предпочитал держаться крыс. С ними хоть поговорить можно. Он отлично с ними ладил, пока помнил, что ни в коем случае нельзя жрать их друзей-знакомых.

Крысы постоянно изводились насчет того, с чего это они вдруг поумнели. Морис считал это пустой тратой времени. Как вышло, так вышло, чего уж там. Но крысы все судили да рядили, – может, они чего с мусорной кучи съели? – и даже Морис понимал, что это все равно не объясняет, с какой стати изменился он сам, ведь он-то никогда не ел никакой помоечной гадости. А с той мусорной кучи – тем более, памятуя о том, откуда она взялась...

Про себя Морис решил, что крысы, откровенно говоря, твари тупые. Ладно, пусть умные, но – *тупые*. Морис – дело другое, Морис – *ушлый*, он прожил на улице четыре года, нос его покрыт шрамами, а от ушей почитай что ничего не осталось. Он выступал так вальяжно, что, если бы не сбавлял шаг, того гляди опрокинулся бы. Когда он распушал хвост, прохожим приходилось обходить его по широкой дуге. Да уж, не будучи ушлым, поди продержись на улице четыре года – тем паче когда вокруг рыщут все эти собачьи своры и предприимчивые скорняки! Чуть зазеваешься – и станешь обедом и парой перчаток. Приходится быть ушлым, без этого – никак.

А еще надо быть богатым. Ему пришлось долго объяснять крысам, что это такое, но Морис исходил город вдоль и поперек и знал, как в нем все устроено. Деньги, втолковывал он, это ключ, отпирающий все двери.

И вот однажды он повстречал глуповатого на вид парнишку, который играл на дудочке, перед ним лежала кепка, а в кепке – монетки, – и Морису пришла в голову идея. Изумительная идея. Вот так нежданно-негаданно, бац! – и его осенило. Крысы, дудочка, глуповатый на вид парнишка...

И Морис сказал:

– Эй ты, глуповатый парнишка! Хочешь сколотить целое состоя... не туда смотришь, малыш, я тут, внизу...

Уже занимался рассвет, когда конь разбойника вышел из лесу, преодолел перевал и остановился в удобной рощице.

Ниже протянулась речная долина, а к скалам прилепился городишко.

Морис, потягиваясь, вылез из седельной сумы. Глуповатый парнишка помог крысам выбраться из второй. Грызуны всю дорогу ехали в тесноте, скорчившись на груде денег: вежливость не позволяла им признаться, что никто не хочет спать в одной суме с котом.

– Как называется город, малыш? – спросил Морис, усевшись на камень и глядя на крыши домов сверху вниз. Позади них крысы в очередной раз пересчитывали деньги и складывали их в аккуратные стопки рядом с кожаным кошельком. Они проделывали это каждый день. Даже притом что карманов у Мориса не было, ощущалось в нем что-то такое, отчего хочется пересчитывать наличность по возможности чаще.

– Дрянь-Блинцбург он зовется, – сообщил парнишка, сверившись с путеводителем.

– Кхе-кхе... а так ли нам туда надо, если городишко – дрянь? – спросила Персики, отвлекшись от счета.

– Ха, так ведь он зовется Дрянью вовсе не потому, что он такой плохой, – возразил Морис. – На самом деле это такое иностранное слово – «дрен», понимаете? Такие подземные трубки для осушения почвы.

– То есть на самом деле это Дрен-Блинцбург? – переспросил Пончик Вход.

– Ага, его назвали «Дрен», потому что... – Изумительный Морис замялся, но лишь на долю секунды, – потому что у них тут проложен этот самый подземный водоток, представляете? Здесьние края очень отсталые. Об осушении болот никто и не слыхивал. А вот в Блинцбурге есть самый настоящий дрен, жители им ужасно гордятся и хотят, чтобы все об этом знали. Небось, чтоб на этот дрен хотя бы одним глазком глянуть, билет покупать придется.

– Это правда, Морис? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни. Спросил очень вежливо, но понятно было, что на самом-то деле он имеет в виду: «Морис, я не думаю, что это правда».

Ох уж этот Фасоль Опасно-для-Жизни. Как с ним трудно иметь дело! Странно, но факт. Глядя сверху вниз на крысу-альбиноса с белоснежной шерсткой и розовыми глазками, Морис подумал о том, что в былые времена

такого мелкого, бледного задохлика он даже жрать бы не стал. Фасоль Опасно-для-Жизни не поймал его взгляда: слишком он был близорук. Разумеется, почти полная слепота – не то чтобы серьезный недостаток для биологического вида, который большую часть времени проводит во тьме и обладает тончайшим чутьем, вполне заменяющим, насколько представлял себе Морис, зрение, слух и речь, вместе взятые. Например, этот крыс, обращаясь к Морису, всегда поворачивался к нему мордочкой и смотрел прямо на него. Жуть, одно слово. Морис знал когда-то одну слепую кошку, так вот, она то и дело врезалась в двери, но Фасоль Опасно-для-Жизни – никогда.

Фасоль Опасно-для-Жизни вожаком не был. Вожаком считался Гуляш: крупный, свирепый, малость шелудивый крыс. Пользоваться новообретенными мозгами ему не слишком-то нравилось, а уж беседовать с котом и подавно. Когда крыс постигло Изменение, как они это называли, Гуляш был уже очень стар – слишком стар, чтобы меняться, говорил он сам. Вести переговоры с Морисом он предоставил Фасоли Опасно-для-Жизни, который родился сразу после Изменения. А уж этот крысеньш был умен. Невероятно умен. Даже слишком умен. Имея дело с Фасолью, Морис вынужден был пускать в ход все свои уловки и фокусы.

– Сам изумляюсь, сколько я всего знаю, – отозвался Морис, лениво прижмуриваясь. – Как бы то ни было, городок с виду симпатичный. И, похоже, богатый. Так вот, теперь мы действуем так...

– Кхе-кхе...

Морис терпеть не мог этот звук. Если и есть что похуже, чем Фасоль с его заковырыстыми вопросиками, так это Персики с ее покашливанием. Это значит, что сейчас она очень тихо скажет что-то такое, что выведет Мориса из душевного равновесия.

– Да? – рявкнул он.

– А так ли нам надо продолжать делать то, что мы делаем? – спросила крыса.

– Конечно *нет*, – отозвался Морис. – Я вообще не понимаю, зачем я с вами связался. Я ведь кот, так? Кот – и с моими-то талантами? Ха! Я ж всегда могу рассчитывать на непыльную работенку при фокуснике. Или, скажем, при чревовещателе. Да я чем угодно мог бы заняться, так? – ведь люди любят кошек. Но поскольку я, знаете ли, невероятно глуп и добросердечен, я решил помочь горстке грызунов, которых, посмотрим правде в глаза, люди не то чтобы обожают всем сердцем. А кое-кто из вас, – здесь кот уставился желтым глазом на Фасоль Опасно-для-Жизни, – вынашивает идею перебраться на какой-нибудь остров и основать что-то

вроде вашей собственной крысиной цивилизации; по мне, так план просто замечательный, но, чтобы воплотить его в жизнь, вам потребуются... что именно, не припомните?

– Деньги, Морис, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни, – но...

– Деньги. Правильно, ведь на них можно купить что? – Морис обвел взглядом крыс. – С буквы «К» начинается, – подсказал кот.

– Корабли, Морис, но...

– А потом еще вам понадобятся всевозможные инструменты, и, разумеется, еда...

– Но есть же кокосы, – встрял глуповатый парнишка, полируя дудочку.

– О, никак, кто-то что-то сказал? – вскинулся Морис. – И что же ты о них знаешь, малыш?

– На необитаемых островах есть кокосы, – отозвался парнишка. – Мне один человек рассказывал, который их продавал.

– И откуда же они там берутся? – не отступался Морис. Про кокосы он и сам мало что знал.

– Понятия не имею. Они там есть, и все.

– Ты еще скажи, они там на деревьях растут, – саркастически мурлыкнул Морис. – Ёшкин кот, прямо и не знаю, что бы вы делали без... без кого? – Он свирепо зыркнул на грызунов. – Первая буква «М».

– Без тебя, Морис, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Но, видишь ли, мы на самом деле считаем...

– Да?

– Кхе-кхе, – откашлялась Персики.

Морис застонал.

– Фасоль Опасно-для-Жизни хочет сказать, что воровать зерно и сыр и прогрызать дыры в стенах – это все, ну... – крыса поглядела прямо в желтые кошачьи глаза, – *аморально*.

– Но так поступают все крысы! – запротестовал Морис.

– А вот нам так поступать не следует, – отрезал Фасоль. – Мы должны отыскать свой собственный путь в жизни!

– Охо-хо-хо-хонюшки! – покачал головой Морис. – Значит, вперед, к острову? К Крысиному Царству! Нет, не то чтобы я смеялся над вашей мечтой, – поспешно добавил кот. – Маленькая мечта всем нужна. – Морис в это тоже свято верил. Если знать, чего люди по-настоящему хотят, хотят очень сильно, – ими можно вертеть как хочешь.

Порою Морис задавался вопросом, а чего на самом деле хочет глуповатый парнишка. Похоже, ничего – только играть себе на своей дудочке, да чтобы его оставили в покое. Но... вот как сейчас с кокосами, –

парнишка иногда неожиданно выдавал что-нибудь этакое, наводящее на мысль, что ушки у него на макушке. Такими манипулировать непросто.

А манипулировать людьми коты здорово наострились. Тут мяукнешь, там мурлыкнешь, ласково подцепишь коготком... а ведь прежде Морису об этом и задумываться не надо было. Кошкам вообще ни о чем не надо задумываться. Просто нужно знать, чего ты хочешь, вот и все. А думают пусть люди. Они ж для того и созданы.

Морису вспомнились добрые старые денечки, до того как мозг его взорвался фейерверками. Он с умильным видом являлся к двери университетской кухни, а кухарки пытались сообразить, чего ему надо. Просто изумительно! Кухарки приговаривали: «Кисонька хочет молочка? Кисонька хочет печеньку? Кисонька хочет вот эти вкусненькие обрезочки?» А Морису всего-то и оставалось, что терпеливо ждать, пока дело не дойдет до знакомых звуков вроде «индюшачья ножка» или «бараний фаршик».

Но ничего магического он не ел, это точно. Ведь зачарованных куриных потрошков не бывает, правда?

Это крысы жрали всякую магическую дрянь. Мусорная куча, которую они называли «домом», а заодно и «обедом», высилась на задворках университета, а университет-то, в конце концов, волшебнический! Прежний Морис почти не обращал внимания на людей, у которых в руках не было миски, но даже он понимал, что здоровенные дядьки в остроконечных шляпах заставляют случаться всякие странности.

А теперь он понял, куда девается весь их магический мусор. Его просто за стену выкидывают. Все эти старые потрепанные книги заклинаний, и подтаявшие свечные огарки, и остатки зеленой пузырястой гадости из котлов – все это сбрасывалось и выливалось на огромную мусорную кучу, вместе с консервными банками, старыми ящиками и кухонными отходами. Ну да, волшебники, конечно, ставили таблички с надписями «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ» и «ТОКСИЧНО», но в те дни крысы читать не умели, зато просто обожали подтаявшие свечные огарки.

То ли дело Морис: вот он-то ничего с мусорной кучи не ел. А что, неплохое жизненное кредо: не жрать ничего такого, что светится изнутри!

Но Морис тоже отчего-то поумнел, примерно в то же время, что и крысы. Загадка, да и только!

С тех пор он делал ровно то, что коты делали всегда. Манипулировал людьми. Теперь, правда, некоторые крысы тоже считались за людей. Люди – они люди и есть, даже если бегают на четырех лапках и называют себя именами вроде Фасоль Опасно-для-Жизни. А такие имена берешь, если научился читать прежде, чем понял, что означают все эти

предупреждающие надписи и этикетки на старых и ржавых консервных банках, и тебе просто понравилось, как звучит то или иное слово.

Беда в том, что, раз начав думать, потом ты уже не в силах остановиться. С точки зрения Мориса, крысы думали слишком много. Фасоль Опасно-для-Жизни, конечно, не подарок, но он был так занят своими дурацкими размышлениями о том, как бы крысам создать где-нибудь свое собственное государство, что уж с ним-то Морис вполне мог управиться. А вот Персики – она хуже всех прочих, вместе взятых. Обычный Морисов фокус – заболтать собеседника так, чтобы окончательно сбить его с толку, – с ней вообще не срабатывал.

– Кхе-кхе, – снова откашлялась она. – Мы считаем, что этот раз должен стать последним.

Морис воззрился на нее. Прочие крысы чуть подались назад, а вот Персики взгляда не отвела.

– Мы проделываем этот дурацкий трюк с «нашествием крыс» в самый последний раз, – твердо заявила Персики. – И точка.

– А что на этот счет думает Гуляш? – промолвил Морис. И обернулся к жожаку, который наблюдал за ними, не говоря ни слова. Когда Персики бывала невыносима, всегда имело смысл обратиться к жожаку: он ее не особо жаловал.

– Что значит думает? – буркнул Гуляш.

– Я... сэр, я думаю, нам следует бросить этот фокус, – пробормотала Персики, нервно подергивая головой.

– Ах, и ты тоже думаешь, вот как? – заворчал Гуляш. – В наши дни все думают, кому не лень. А я думаю, больно много вы думаете, вот что я думаю. Когда я был помоложе, мы думать не думали, чтобы думать. Если сперва подумать, так до дела никогда не дойдет.

И он злобно зыркнул на Мориса. Морис Гуляшу тоже ох как не нравился. Ему очень не нравилось все то, что случилось после Изменения. Морис уже задумывался про себя, а долго ли Гуляш продержится в жожаках. Думать старый крыс не любил. Он жил прошлым, когда жожек брал исключительно силой и злобностью. А ныне мир пришел в движение, Гуляш уже не поспевал за ним и потому жутко злился. Теперь он не то чтобы вел за собой: его скорее подталкивали в нужную сторону.

– Я... Фасоль Опасно-для-Жизни, сэр, считает, что нам пора задуматься о том, чтобы где-нибудь обосноваться, – проговорила Персики.

Морис угрюмо нахмурился. Гуляш к Персикам ни за что не прислушается, и она это знала, а вот Фасоль Опасно-для-Жизни был для крыс чем-то вроде волшебника, и к нему прислушивались даже большие

крысы.

– Мне казалось, мы собирались сесть на корабль и отыскать где-нибудь остров, – промолвил Гуляш. – Корабли – самое крысячье место, – одобрительно добавил он. И продолжил, чуть нервно и чуть раздраженно оглядываясь на Фасоль: – А мне говорят, будто нам нужны эти самые деньги, потому что теперь, когда мы научились думать, нам полагается вести себя – э-э-э, это... эти...

– Этично, сэр, – подсказал Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Что, мне кажется, как-то не по-крысьи. Не то чтобы с моим мнением кто-то считался, – буркнул Гуляш.

– У нас достаточно денег, сэр, – напомнила Персики. – У нас уже полным-полно денег. Мы добыли полным-полно денег, не так ли, Морис. – Это прозвучало не вопросом, но обвинением.

– Ну, когда вы говорите «полным-полно»... – начал было Морис.

– На самом деле, у нас куда больше денег, чем мы думали, – проговорила Персики все тем же тоном. Голос звучал очень вежливо – но умолкать не собирался и задавал крайне неудобные вопросы. А неудобными Морис считал те вопросы, на которые ему очень не хотелось отвечать. Персики снова тихо откашлялась. – И вот почему я говорю, что денег у нас больше, чем мы думали, Морис: ты уверял, будто так называемые «золотые монеты» сияют как луна, а «серебряные монеты» блещут, как солнце, и все серебро ты оставишь себе. А на самом деле, Морис, все наоборот. Это серебряные монеты сияют, как луна.

Морис произнес про себя грубое слово на кошачьем языке, который, как известно, просто-таки изобилует ругательствами. Что толку в образовании, сетовал он, если люди однажды начинают им пользоваться?

– Так что мы думаем, сэр, – обратился Фасоль к Гуляшу, – что после этого самого последнего раза нам следует поделить деньги и разойтись в разные стороны. Кроме того, повторять один и тот же трюк становится небезопасным. Нужно остановиться, пока не поздно. Тут река течет. Мы сможем доплыть до моря.

– Остров, где нет человеков или *крлррт* котов, – место самое подходящее, – одобрил Гуляш.

Морис улыбался как ни в чем не бывало, хотя что такое *крлррт* — знал.

– И мы, конечно же, не хотим встать между Морисом и его замечательной новой работой при каком-нибудь фокуснике, – встряла Персики.

Морис сощурился. На краткое мгновение он оказался совсем близок к

тому, чтобы нарушить свое железное правило не жрать тех, кто умеет разговаривать.

– А ты что скажешь, малыш? – спросил он, оглядываясь на глуповатого парнишку.

– Я не возражаю, – откликнулся тот.

– Против чего не возражаешь? – уточнил Морис.

– Ни против чего не возражаю, на самом-то деле, – заверил парнишка. – Лишь бы мне не мешали играть на дудочке.

– Но тебе нужно подумать о будущем! – промолвил Морис.

– Так я и думаю, – отозвался парнишка. – В будущем я хочу и дальше играть свою музыку. Играть на дудочке – оно ж ничего не стоит. Но, пожалуй, крысы правы. Нам ведь пару раз чуть хвост не прищемили, Морис.

Морис устремил на парнишку пронизательный взгляд – уж не шутит ли он? – но тот в жизни не делал ничего подобного. Кот сдался. Ну ладно, *не совсем* сдался. Морис не был бы Морисом, если бы пасовал перед проблемами. Он просто отодвигал проблему в сторону. В конце концов, однажды что-нибудь да подвернется.

– Ладно, идет, – согласился Морис. – Мы сделаем это в самый последний раз и поделим деньги на три части. Отлично. Никаких проблем. Но уж если этот раз – последний, пусть он надолго запомнится, а? – И Морис широко усмехнулся.

Крысы, будучи крысами, от котовьей усмешки в восторг не пришли. Но они поняли: принято непростое решение. И тихонько выдохнули от облегчения.

– Ну, малыш, ты-то доволен? – спросил Морис.

– А я смогу потом и дальше играть на дудочке? – уточнил парнишка.

– Всенепременно.

– Тогда ладно, – кивнул парнишка.

Монеты, блестящие, как солнце, и блестящие, как луна, торжественно сложили обратно в кошель. Крысы уволокли кошель под кусты и закопали его там. Крысы ведь великие мастера зарывать деньги, а слишком много наличности тащить в города явно не стоило.

Оставался еще конь. Дорогуций, по всему судя, и Морису было страшно жаль отпускать его просто так. Но Персики напомнила, что конь принадлежал разбойнику с большой дороги, на нем богато изукрашенное седло и ценная сбруя. Попытаться его продать – дело рискованное. Разговоры пойдут. Того гляди правительство заинтересуется. А сейчас им всем только Стражи на хвосте не хватало.

Морис подошел к скальному уступу и оглядел сверху городишко, просыпающийся в лучах рассвета.

– Тогда на сей раз сыграем по-крупному, а? – предложил он, когда крысы вернулись. – И чтоб пищали, строили людям рожи и гадили по полной, идет?

– Мы думаем, что гадить повсюду, на самом деле... – начал было Фасоль Опасно-для-Жизни, но Персики откашлялась, и Фасоль поспешно добавил: – Ну ладно, раз уж это в последний раз...

– Я гадил на все, что подвернется, едва из гнезда выбрался, – заявил Гуляш. – А теперь мне говорят, это неправильно. Если это все от лишних мыслей, так я рад, что думать не привык.

– Что ж, давайте всех изумим! – возгласил Морис. – Крысы? Эти люди полагают, будто видели в городе крыс? После того как здесь побываем *мы*, они *легенды* складывать будут!

Глава 2

В Мохнатой лоцинке у мистера Зайки было много-много друзей. Но самым лучшим другом мистера Зайки была еда.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

А план был таков.

Хороший план, между прочим. Даже крысы, даже сама Персики поневоле признавали, что до сих пор план срабатывал.

Про нашествия крыс слышали все. Из уст в уста передавались удивительные рассказы о дудочниках-крысоловах, которые зарабатывают тем, что ходят из города в город, помогая избавиться от очередного крысиного нашествия. Конечно, нашествия бывают не только крысиные – случаются нашествия баянистов, или рыбы, или кирпичей на веревочке, – но про крыс знает любой, кого ни спроси.

Вот, в сущности, и все. Для нашествия много крыс не требуется, если они свое дело знают. Одна-единственная крыса, которая выскакивает то здесь, то там, пронзительно пищит, купается в свежих сливках и гадит в муку, – сама по себе нашествие.

И уже через пару дней просто диву даешься, как люди радуются глуповатому парнишке с волшебной крысиной дудочкой. А уж как изумляются, когда крысы выскакивают из всех нор и следуют за парнишкой прочь из города! В изумлении своем люди даже не задумываются о том, что крыс-то этих всего лишь несколько сотен.

То-то изумились бы люди, если бы однажды обнаружили, что за городом, в кустах, крысы и дудочник встречаются с котом и торжественно пересчитывают выручку...

Когда Морис с парнишкой вошли в Дрянь-Блинцбург, город еще только просыпался. Никто им не докучал, хотя Морис явно вызывал у людей интерес. Но его это не смущало. Он и сам знает, какой он интересный. Да коты всегда ведут себя так, словно весь город принадлежит им, а глуповатых мальчишек в мире полным-полно, на что сдался еще один такой?

Сегодня, по-видимому, выдался ярмарочный день, вот только лотки и

прилавки можно было пересчитать по пальцам, и продавался на них, по большей части, ну всякий хлам. Старые горшки и сковородки, поношенные башмаки... то, что продают обычно люди, когда у них совсем нет денег.

Вдоволь попутешествовав по другим городам, Морис насмотрелся на разные ярмарки и знал, как они устроены.

– Толстухи должны продавать кур, – объяснял он. – А еще повсюду должны торговать сладостями для малышни и всякими ленточками. Акробаты и клоуны тоже нужны. И жонглирующие хорьками трюкачи, если повезет.

– Но тут вообще ничего такого нет. Да и купить почти нечего, по всему судя, – отметил парнишка. – Морис, ты вроде бы говорил, что это богатый город.

– Ну, он выглядел богатым, – защищался Морис. – Все эти обширные поля в долине и корабли на реке... поневоле подумаешь, тут улицы золотом вымощены!

Парнишка поднял глаза.

– Занятно, – проговорил он.

– Что такое?

– Люди выглядят бедно, – объяснил он. – А вот дома – богато.

И в самом деле так. Не то чтобы Морис разбирался в архитектуре, но деревянные дома были покрыты ажурной резьбой и аккуратно покрашены. И тут кот заметил кое-что еще. Ничего аккуратного не было в объявлении, приколоченом гвоздями к ближайшей стене.

Объявление гласило:

**Принимаются МЕРТВЫЕ крысы!
50 ПЕНСОВ ЗА ХВОСТ!
ОБРАЩАТЬСЯ К КРЫСОЛОВАМ ЧЕРЕЗ РАТУШУ**

Парнишка вытаращился на объявление.

– Похоже, им тут и впрямь не терпится избавиться от крыс, – весело заявил Морис.

– Никто и никогда не предлагал такого вознаграждения: полдоллара за хвост! – воскликнул парнишка.

– А я говорил, что тут мы знатный куш сорвем, – откликнулся Морис. – Недели не пройдет, как мы в золоте купаться будем!

– А что такое ура-туша? – с сомнением спросил парнишка. – Там крысиные туши принимают на ура, да? И почему на тебя все пялятся во все глаза?

– Я очень красивый кот, – с достоинством отозвался Морис. Но про

себя он и сам слегка удивлялся. Люди подталкивали друг друга локтем и указывали на него пальцем. – Можно подумать, они впервые живого кота видят, – пробормотал он, внимательно рассматривая внушительное здание по другую сторону улицы: большое, квадратное; вокруг толпились люди, а вывеска гласила: «РАТУША». – Ратуша – это... так называется городской муниципалитет или мэрия. Крысиные туши тут ни при чем, хотя звучит забавно.

– Морис, сколько ж умных слов ты знаешь! – восхитился парнишка.

– Порою сам себе изумляюсь, – откликнулся кот.

Перед огромной распахнутой дверью выстроилась длинная очередь. Другие люди, по-видимому получившие то, за чем стояли, по одному и двое выходили из соседней двери. Все они несли буханки хлеба.

– Может, нам тоже встать в очередь? – предложил парнишка.

– Думаю, не стоит, – осторожно отозвался Морис.

– Но почему нет?

– Видишь вон тех амбалов у двери? Похоже, это стражники. И дубинки у них о-го-го какие. И каждый предъявляет им на входе какую-то бумажку. Мне это все ох не нравится, – объяснил Морис. – Очень похоже на правительство в действии.

– Но мы же ничего дурного не сделали, – запротестовал парнишка. – Во всяком случае, здесь.

– С правительствами всегда надо держать ухо востро. Ты посиди здесь, малыш. Я пойду погляжу.

И Морис вальяжно прошествовал в здание. Люди и впрямь пялились на него во все глаза, но, по-видимому, в городе, осажденном крысами, коты были в почете. Какой-то человек попытался было подхватить его на руки, но потерял всякий интерес, когда Морис развернулся и полоснул его когтями по руке.

Очередь, змеясь, втягивалась в просторный зал и проходила мимо длинного стола на козлах. Там каждый предъявлял свою бумаженцию двум женщинам при огромном подносе с хлебом и получал буханку-другую. Затем люди переходили к раздатчику при чане с колбасами, но колбасы получали существенно меньше, чем хлеба.

За всем этим надзирал, время от времени заговаривая с кем-нибудь из раздатчиков, мэр. Морис сразу его узнал – по золотой цепи на шее. За все время своей работы с крысами Морис перевидал много мэров. Этот заметно отличался от всех прочих: низенький, весь какой-то озабоченный, с лысиной, которую пытался прикрыть тремя жалкими волосинками. И куда более тощий, нежели все прочие мэры на памяти Мориса. Похоже, этот –

бочка отнюдь не сорокаведерная.

Стало быть... стало быть, в городе нехватка еды, подумал Морис. Еду приходится нормировать. Похоже, дудочник в любой момент понадобится. Как мы вовремя – вот уж свезло так свезло!

И Морис снова вышел из здания, на сей раз ускорив шаг: он как раз слышал, как кто-то заиграл на дудочке. Ну конечно, глуповатый парнишка, кто ж еще. Парнишка положил перед собою кепку и уже собрал несколько монеток. Очередь изогнулась полукругом, так, чтобы лучше слышать, – и двое-трое детишек помладше пустились в пляс.

Морис был экспертом только по части кошачьего пения, которое сводится к тому, что ты стоишь в двух дюймах от других котов и орешь на них, пока у них не сдадут нервы. Человеческая музыка всегда казалась ему водянистой и жиденькой. Но люди, услышав парнишкину музыку, принимались притоптывать в такт. И даже заулыбались ненадолго.

Морис дождался, чтобы парнишка доиграл свою песенку. И, пока очередь аплодировала, крадучись зашел парнишке за спину, потерялся о его ноги и прошипел:

– Bravo, дурья голова! Мы же предполагали не привлекать к себе внимания! Ладно, пошли отсюда. Да деньги прихватить не забудь!

Кот двинулся было через площадь – и вдруг остановился так резко, что парнишка едва об него не споткнулся.

– Ух ты, а вот и еще правительство, – фыркнул он. – И мы отлично знаем, кто это, правда?

Парнишка и в самом деле знал. Это были крысоловы, целых двое. Даже здесь они щеголяли в длинных пропыленных пальто и помятых черных цилиндрах – таков знак их профессии. Каждый нес на плече шест, на котором болтались разнообразные капканы.

А с другого плеча у каждого свисал огромный мешок – из тех, в которые лучше не заглядывать. И каждый тащил на привязи по терьеру. Тощие, склочные псины зарычали на Мориса, проходя мимо.

При появлении крысоловов очередь разразилась приветственными возгласами, а когда те пошарили в мешках и вытащили пару горстей чего-то, на взгляд Мориса очень похожего на черные шнуочки, люди зааплодировали.

– Сегодня две сотни! – прокричал один из крысоловов.

Один из терьеров, яростно натягивая поводок, кинулся на Мориса. Кот не двинулся с места. И тихонько шепнул – наверное, никто, кроме глуповатого парнишки, его и не услышал бы:

– К ноге, блохастый! Фу, скверный пес!

Песья морда мучительно исказилась: терьер в панике пытался осмыслить две мысли одновременно. Он твердо знал: котам разговаривать не полагается, но этот кот только что взял и заговорил. Ужас что такое! Пес неуклюже плюхнулся на землю и заскулил.

Морис принялся вылизываться. Это считалось смертельным оскорблением.

Крысолов, раздосадованный трусостью своего пса, рывком потянул его за собою.

И выронил несколько черных шнурочков.

– Крысиные хвосты! – воскликнул парнишка. – Похоже, у них тут и впрямь проблема серьезная!

– Серьезнее, чем ты думаешь, – отозвался Морис, глядя на кучку хвостов. – Попробуй подобрать их, пока никто не смотрит, ладно?

Парнишка дождался, пока люди отвернутся, и нагнулся было поднять находку. Но едва он потянулся к хвостам, как громадный, блестящий черный сапог смачно наступил на спутанный клубок.

– Нет уж, юноша, их трогать ни в коем случае не стоит, – раздался голос сверху. – Чего доброго, чуму от крыс подхватишь. А от чумы ноги полопаются. – Это подоспел один из крысоловов. Он широко ухмыльнулся парнишке, но веселья в этой ухмылке не было. От нее разило пивом.

– Точняк, юноша, а потом у тебя еще и мозги через нос вытекут, – подхватил второй крысолов, зайдя со спины. – Если уж подхватил чуму, юноша, то платком лучше не пользоваться.

– Мой коллега, как всегда, ткнул пальцем в самую суть, юноша, – и первый крысоловдохнул пивным перегаром парнишке в лицо.

– Чего тебе, юноша, вряд ли удастся повторить, потому что если уж заболеешь чумой, то все твои пальцы... – подхватил Крысолов № 2.

– Да, но у вас-то ноги не лопнули, – возразил парнишка. Морис застонал. Грубить пивному перегару – идея не из лучших. Но крысоловы уже дошли до той стадии, когда, вопреки очевидному, считали себя хохмачами и приколистами.

– Тонко подмечено, юноша! А это все потому, что на самом первом уроке в школе Гильдии Крысоловов как раз объясняют, как сделать так, чтобы ноги не полопались, – промолвил Крысолов № 1.

– Что очень кстати, потому что второй урок проходит на втором этаже, – подхватил Крысолов № 2. – А что, знатно я сострил, юноша?

Первый крысолов подобрал ворох черных шнурочков, воззрился сверху вниз на парнишку – и от улыбки его и следа не осталось.

– Что-то, парень, я тебя тут прежде не видел, – пробурчал он. – И мой

тебе совет: высмаркивайся почаще, и чтоб никому ни о чем ни слова. Молчок, ясно?

Парнишка открыл было рот и тут же закрыл его. Крысолов снова усмехнулся своей жутковатой усмешкой.

– Ага, вижу, ты на лету схватываешь, юноша, – проговорил он. – Еще увидимся, э?

– А ты небось мечтаешь стать крысоловом, когда вырастешь, так, юноша? – спросил Крысолов № 2, больно шлепнув парнишку по спине.

Парнишка кивнул: это показалось ему самым разумным. Крысолов № 1 наклонился к нему, да так близко, что едва не ткнулся красным, в оспинах, носом парнишке в лицо.

– *Если* вырастешь, юноша, – уточнил он.

И крысоловы зашагали прочь, волоча за собою собак. Один из терьеров то и дело оглядывался на Мориса.

– Какие необычные тут крысоловы, – отметил кот.

– Я таких крысоловов в жизни не видывал, – согласился парнишка. – С виду – мерзавцы каких мало. Им, похоже, *нравится* их занятие.

– А я в жизни не видывал крысоловов, которые бы трудились от зари до темна и при этом щеголяли в сапогах, надраенных до блеска, – откликнулся Морис.

– И это тоже, да... – кивнул парнишка.

– Но даже это не так чудно, как здешние крысы, – отметил Морис тем же негромким голосом, каким подсчитывал деньги.

– А что такого чудного в крысах? – заинтересовался парнишка.

– У некоторых здешних крыс очень странные хвосты, – объяснил кот.

Парнишка оглядел площадь. Длиннющая очередь за хлебом не убывала, и он почему-то занервничал. А еще его нервировал пар. Пар облачками вырывался из-под решеток и крышек канализационных люков повсюду вокруг, как будто город стоял на кипящем чайнике. В придачу парнишку не оставляло ощущение, будто за ним кто-то наблюдает.

– Думаю, надо отыскать крыс и уносить отсюда ноги, – предложил он.

– Что ты, этот городишко пахнет большими возможностями, – запротестовал Морис. – Тут явно что-то происходит, а когда что-то происходит, значит, кто-то богатеет, а если кто-то богатеет, так почему бы не я... то есть мы.

– Да, но мы же не хотим, чтобы эти люди убили Фасоль Опасно-для-Жизни и всех прочих!

– Их не поймают, – заверил Морис. – Эти парни в первую десятку гигантов мысли не войдут. Я бы сказал, даже Гуляш им фору даст. А у

Фасоли мозги аж из ушей лезут.

– Надеюсь, что нет!

– Да полно, я не о том, – отозвался Морис, который обычно говорил людям то, что те хотят услышать. – Я имею в виду, наши крысы поумнее большинства людей будут. Так? Помнишь, в Скроте, когда Сардины забрался в чайник и огорошил неприличным звуком старуху, едва та сняла крышку? Ха, да даже самые обыкновенные крысы и те способны обхитрить людей. Люди думают, они – венец мироздания, только оттого, что они крупнее... Погоди, я лучше заткнусь, на нас смотрят...

Какой-то человек с корзиной, выйдя из ратуши, остановился и вытаращился на Мориса с неподдельным интересом. А затем оглянулся на парнишку:

– Хороший крысолов небось, да? Еще бы, такой крупнящий котяра! Он твой, мальчик?

– Скажи «да», – шепнул Морис.

– Вроде того, да, – отозвался парнишка, подхватывая Мориса на руки.

– Я тебе за него пять долларов дам, – предложил человек с корзиной.

– Проси десять, – прошипел Морис.

– Не продается, – покачал головой парнишка.

– Идиот! – мурлыкнул Морис.

– Ладно, семь, – не отступался человек с корзиной. – Слушай, вот что... я дам тебе четыре цельных буханки хлеба, идет?

– Но это же глупо. Буханка хлеба стоит никак не дороже двадцати пенсов, – удивился парнишка.

Человек с корзиной посмотрел на него как-то странно.

– Ты, видать, нездешний? И денег, видать, куры не клюют?

– Мне хватает, – заверил парнишка.

– Ты так думаешь? Ну, от денег тебе большого толку не будет. Слышь, бери четыре буханки и булку, цена справедливая, за десять буханок я могу терьера купить, а они на крыс здорово натасканы... нет? Ну что ж, помани мое слово, как проголодаешься, так сам отдашь его за горбушку хлеба с размазкой^[1] и еще будешь почитать себя счастливецом!

И человек с корзиной зашагал прочь. Морис вывернулся из парнишкиных рук и легко приземлился на мостовую.

– Вот честное слово, будь я силен в чревоуещательстве, мы б с тобой целое состояние сколотили, – проворчал он.

– А что такое чревоуещательство? – переспросил парнишка, провожая взглядом человека с корзиной.

– Это когда ты открываешь и закрываешь рот, а все переговоры веду

я, – объяснил Морис. – Почему ты меня не продал? Я б вернулся, и десяти минут не прошло бы! Я слышал про одного парня, который сколотил целое состояние на продаже почтовых голубей, притом что голубь у него был всего один!

– А тебе не кажется, что с городом, где люди платят больше доллара за буханку хлеба, что-то не так? – спросил парнишка. – И где платят целых полдоллара всего-то навсего за крысиный хвост?

– Пока у них хватает денег, чтобы нанять дудочника, я считаю, все в порядке, – отозвался Морис. – Нам здорово посчастливилось, что тут и без нас уже приключилось нашествие крыс, так? А ну, быстро гладь меня, на нас какая-то девчонка смотрит!

Парнишка обернулся. Какая-то девочка и впрямь не сводила с них глаз. Люди сновали по улице туда и сюда, некоторые проходили как раз между парнишкой и девочкой, но та словно в землю вросла – просто стояла на месте и так и буравила его взглядом. Его – и Мориса. На такую только посмотришь, и сразу поймешь: она любого к стене припрет не хуже Персиков. Она явно из тех, кто задает *вопросы*. Волосы у нее слишком рыжие, а нос слишком острый. А еще на ней длинное черное платье, обшитое черными кружевами. От таких девчонок добра не жди.

Девчонка перешла улицу и начала допрос с пристрастием:

– Ты нездешний, да? Искать работу сюда пришел, так? Наверное, с последнего места тебя выгнали, вот уж не удивлюсь. Ты небось уснул и все испортил. Да, думаю, так все и было. Хотя очень может статься, что ты сбежал от хозяина, потому что он бил тебя палкой, – добавила девчонка: в голову ей только что пришла новая идея. – Впрочем, скорее всего, бил он тебя по заслугам, потому что ты лентяй. И тогда ты, видимо, украл кота, потому что знал: здесь его можно выгодно продать. И ты, должно быть, помешался от голода, потому что ты только что разговаривал с котом, а всем известно, что коты разговаривать не умеют.

– Да я ни слова произнести не в состоянии, – заверил Морис.

– А может быть, ты – тот самый загадочный мальчик, который... – Девчонка вдруг прикусила язык и озадаченно воззрилась на Мориса. Тот выгнул спину и произнес «прппт», что на кошачьем языке означает «печеньки!» – Кот что-то сказал? – призвала она парнишку к ответу.

– Мне казалось, всем известно, что коты разговаривать не умеют, – напомнил парнишка.

– Да, но, может статься, ты был учеником волшебника, – предположила девочка. – Да, звучит очень убедительно. Пока на том и порешим. Ты был учеником волшебника, но ты заснул, и котел с

пузырящимся зеленым варевом выкипел, и волшебник пригрозил превратить тебя в... в... ну, в...

– В капибару, – услуживо подсказал Морис.

– В капибару, и ты украл у волшебника его волшебного кота, потому что ненавидел зверюгу всем сердцем, и... а что такое капибара? Это кот только что сказал «капибара»?

– На меня не смотри! – запротестовал парнишка. – Я тут просто так стою!

– Ладно, и ты притащил кота сюда, потому что знал: здесь страшный голод, и вот почему ты собирался продать его, и, знаешь, этот человек заплатил бы тебе десять долларов, если бы ты только поторговался как следует.

– Но десять долларов – это ужасно много даже за хорошего крысолова, – возразил парнишка.

– Крысолова? Да никаких крыс этот тип ловить не собирался! – возразила рыжая девчонка. – Тут же все голодают! А этого кота по меньшей мере на два обеда хватит!

– Что?! У вас тут коты едят? – взвыл Морис, распушив хвост помелом.

Девчонка наклонилась к коту, премерзко ухмыляясь – примерно так же, как Персики, когда побеждала в споре, – и пальцем ткнула кота в нос.

– Попался! – объявила она. – Купился на такую простую подначку! Думаю, вам обоим лучше пойти со мной, согласны? Или я завизжу. А уж когда я визжу, ко мне прислушиваются!

Глава 3

– Не ходи в Темный лес, друг мой, – предостерегал Крысик Кристофер. – Там водятся всякие ужасы.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

А глубоко внизу под Морисовыми лапами крысы крались по подземельям Дрянъ-Блинцбурга. Все старые города так устроены. Люди строят над землей – и под землей. Погреба и подвалы прокладываются впритык друг к другу, и какие-то из них со временем оказываются заброшены – всеми, кроме тех тварей, что предпочитают не попадаться никому на глаза.

В густой, теплой, сырой темноте раздался голос:

– Так, у кого спички?

– У меня, Фасоль Опасно-для-Жизни, я – Четыре-Порции.

– Молодчина, девочка. А у кого свеча?

– У меня, сэр^[2]. Это я, Ломтики.

– Отлично. Поставь на землю; Персики ее зажжет.

В темноте послышался топоток многих лап. Не все крысы привыкли к идее освещения; некоторые спешили убраться подальше.

Раздался царапающий звук, вспыхнула спичка. Удерживая спичку в обеих передних лапках, Персики зажгла свечной огарок. В первый миг пламя ярко полыхнуло – и засияло ровным светом.

– Ты его правда видишь? – спросил Гуляш.

– Да, сэр, – подтвердил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я ведь не совсем слеп. Я ощущаю разницу между светом и тьмой.

– Знаете, – пробурчал Гуляш, подозрительно глядя на пламя, – все равно мне это очень не по душе. Нашим родителям вполне хватало темноты. Это все добром не кончится. Кроме того, зажигать свечку – значит хорошую еду разбазаривать.

– Мы должны научиться управлять огнем, сэр, – невозмутимо объяснил Фасоль Опасно-для-Жизни. – С помощью пламени мы говорим свое слово Тьме. Мы заявляем: мы – сами по себе. Мы заявляем: мы – не просто крысы. Мы заявляем: мы – Клан.

– Хрумпф, – буркнул Гуляш; так он обычно отвечал на любую непонятную ему речь. А в последнее время он хрумпфал очень, очень

часто.

– Я слыхала, молодые крысы жалуются, что тени внушают им страх, – сообщила Персики.

– С какой стати? – удивился Гуляш. – А полная темнота их, надеюсь, не пугает? Темнота – для крыс в самый раз! Крысам полагается сидеть в темноте!

– Странно, – промолвила Персики, – но мы не знали, что существуют тени, пока не обрели свет.

Одна из крыс помоложе робко подняла лапку.

– Эгм... и даже когда свет гаснет, мы все равно знаем, что тени – тут, рядом, – проговорила она.

Фасоль Опасно-для-Жизни обернулся к молодой крыске.

– А тебя звать?.. – спросил он.

– Вкуснятина, – подсказала молодая крыска.

– Так вот, Вкуснятина, – мягко объяснил Фасоль, – я думаю, страх перед тенью – это все из-за того, что мы поумнели. Твой разум осознает, что есть *ты*, а есть все прочее *вне тебя*. Так что теперь ты не просто боишься того, что видишь, и слышишь, и чуешь, но еще и всего того, что ты... вроде как... *видишь* внутри своей головы. Если научиться без страха смотреть в лицо тенью извне, это поможет нам бороться с тенью внутри нас. И ты сможешь справиться со *всею* темнотой. Это огромный шаг вперед. Так держать.

Вкуснятина глядела не без гордости, но явно нервничала.

– А я вот не понимаю, из-за чего весь сыр-бор, – встрял Гуляш. – На мусорной куче у нас все было в порядке. Я вообще ничего не боялся.

– И мы были легкой добычей для любого бродячего кота или голодного пса, сэр, – напомнил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Так вот, если уж речь зашла о котиках... – проворчал Гуляш.

– Думаю, Морису мы можем доверять, сэр, – отозвался Фасоль. – Ну, допустим, не в денежных вопросах, согласен. Но вы же знаете, у него отлично получается не жрать тех, кто умеет разговаривать. Он всякий раз себя сдерживает.

– Насчет кошки не сомневайтесь: кошка всегда остается кошкой, – возразил Гуляш. – И не важно, говорящая она там или нет!

– Да, сэр. Но мы стали другими, и Морис – тоже. Я верю, что в душе он вполне порядочный кот.

– Кхе-кхе. Это мы еще посмотрим, – вмешалась Персики. – Но теперь, когда мы все собрались, давайте уже построимся.

– А ты кто такая, чтобы приказывать: «давайте построимся»? –

заворчал Гуляш. – Ты разве вожак, ты, крысявка, которая, видите ли, со мной *рлк* не изволит? Нет! Вожак – я. И это мое дело – говорить «давайте построимся»!

– Да, сэр, – откликнулась Персики, припадая к самой земле. – И как вы хотите, чтобы мы построились, сэр?

Гуляш воззрился на нее. Потом обвел взглядом застывших в ожидании крыс с мешками и тюками, затем старый подвал – и опять обернулся к распластавшейся по земле крысе по имени Персики.

– Ну... просто постройтесь как-нибудь, – пробурчал он. – Не приставайте ко мне по пустякам! Вожак – я! – И он удалился в тень.

Когда он ушел, Персики и Фасоль Опасно-для-Жизни оглядели подвал, заполненный трепещущими тенями – порождениями свечного пламени. По одной покрытой налетом стене сбегала струйка воды. Тут и там вывалились камни, оставив многообещающие дыры. Пол был земляной, и нога человека не оставила на нем следов.

– Идеальная база, – похвалил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Пахнет скрытностью и безопасностью. Превосходное прибежище для крыс.

– Точно, – раздался голос. – И знаете, что меня беспокоит?

В свет свечи вышел крыс по имени Гуталин и подпернул один из своих поясов с набором инструментов. Большинство крыс тут же обернулись к нему. Гуляша слушались, потому что он – вожак, а вот Гуталина – потому что он частенько рассказывал то, что совершенно необходимо знать, если хочешь жить дальше. Крупный, поджарый, двужильный, он большую часть времени разбирал капканы на составные части, чтобы посмотреть, как они устроены.

– Так что тебя тревожит, Гуталин? – спросил Фасоль.

– Тут нету крыс. Никого, кроме нас. Крысиные туннели есть. А вот крыс мы не видели. Вообще ни одной. А в городе вроде этого крысы обычно кишмя кишат.

– Может, они просто нас испугались, – предположила Персики.

Гуталин потер лапой покрытый шрамами нос.

– Может, и так, – отозвался он. – Но тут пахнет каким-то подвохом. Умение мыслить – великое изобретение, но нам даны еще и носы, и стоит иногда к ним прислушиваться. Не теряйте бдительности! – Он обернулся к крысиному собранию и возвысил голос: – ОК, ребята! Все помнят, чему я вас учил! – заорал он. – Передо мной повзводно – *стройсь!*

И крысы тотчас же разбились на три группы. Им это труда не составило: сказались долгие тренировки.

– Очень неплохо, – похвалил Гуталин, едва последние крысы

шмыгнули на свои места в строю. – Так держать! Бойцы, здесь – опасная территория, так что об осторожности попрошу не забывать...

Гуталин был уникальной крысой: он носил одежду. Ну, по крайней мере, отдельные предметы одежды.

Когда крысы открыли для себя книги – а сама идея книг большинству стариков до сих пор казалась слишком сложной, – в одной книжной лавке, куда они заходили каждой ночью, они нашли Книгу Книг.

Книга повергала в изумление.

Еще до того, как Персики и Пончик Вход научились читать человеческие слова, все изумлялись картинкам.

На картинках были изображены зверюшки в одежде. Был зайчик в синем костюмчике: он ходил на задних лапах. Был крыс в шляпе, при мече и в широком красном жилете, с часами на цепочке. Даже змея щеголяла в воротничке и в галстук. И все они умели говорить, и никто из них не ел никого другого, и – самое невероятное во всей этой истории! – все они разговаривали с людьми, а люди обращались с ними, ну, как с людьми маленького роста. И никаких тебе капканов, никакой отравы. Допустим (если верить Персикам, которая методично продиралась сквозь книгу и иногда зачитывала вслух отрывки), Змейс Олли – тип довольно скользкий, но ведь ничего по-настоящему *плохого* так и не произошло. Даже когда зайчик заплутал в Темном лесу, он просто немножко напугался – вот и все.

Да, книга «Приключение мистера Зайки» стала темой бурных обсуждений среди Измененных. А для чего она, эта книга? Может быть, как считал Фасоль Опасно-для-Жизни, это – видение светлого будущего? Неужели ее написали люди? Да, безусловно, лавка была человеческая, но ведь даже люди вряд ли способны сочинять книгу про крысу по имени Крысик Кристофер, который ходит в шляпе, и в то же время травить крыс под половицами. Или все-таки способны? Ведь так мыслить могут только психи, верно?

Кое-кто из крыс помоложе предположил, что, вероятно, одежда куда важнее, чем всем казалось. Они попытались носить жилеты, но выгрызть выкройку оказалось очень непросто, пуговицы не слушались, и, если уж совсем честно, эти штуковины цеплялись за все, что попало, – так что в них особо не побегаешь. А шляпы просто-напросто сваливались с головы.

Гуталин и впрямь считал, что все люди – психи, в придачу к тому, что все они – зло. Но картинки в книге навели его на мысль. И теперь носил он не столько жилет, сколько целую конструкцию из сплетенных вместе широких поясов и ремней: в такую несложно влезть, и вывернуться из нее

тоже несложно. На пояса крыс нашёл карманы, и эта идея оказалась чрезвычайно удачной: все равно что обзавестись лишними лапами, чтобы удерживать в них все нужное, вроде металлических прутьев и кусочков проволоки. Кое-кто из его взвода перенял идею. Ведь в команде по обезвреживанию капканов никогда не знаешь, что тебе понадобится в следующий момент. Жизнь – борьба, для крыс – в самый раз.

Гуталин расхаживал взад-вперед перед своими подразделениями – только прутья и проволочки в карманах позвякивали. Вот он остановился перед многочисленной группой крыс помоложе.

– Итак, взвод № 3, вы назначены в наряд на гадство, – объявил он. – Ступайте напейтесь как следует.

– Оххх, ну почему нас вечно ставят гадить? – пожаловался какой-то крысенок.

Гуталин прянул к крысенку и придвинулся к нему нос к носу: тот аж попятился.

– Это потому, что у тебя так здорово получается, юноша! Талант гадить ты впитал с молоком матери, так что ступай и делай то, к чему ты предназначен самой природой! Ничто не вызывает у людей такой гадливости, извини за каламбур, как следы пребывания крыс, если понимаешь, к чему я! А если подвернется возможность, так и погрызом займитесь! А еще побегайте под половицами да попищите погромче! И помните – никто чтоб с места не стронулся, пока капканная команда не объявит: путь свободен. А теперь – к воде, бегом марш! Гоп, гоп, гоп! Ать-два, ать-два, ать-два!

И взвод со всех лап кинулся исполнять приказ.

А Гуталин оборотился ко взводу № 2. В его состав входили крысы постарше, все покрытые шрамами, покусанные, потрепанные, у кого-то от хвоста остался лишь жалкий обрубок или вообще ничего; у кого-то не хватало лапы, уха или глаза. Всего их насчитывалось около двадцати, но, по правде сказать, в общем и целом запчастей у них набралось бы примерно на семнадцать полноценных крыс.

Но они были стары, а значит, хитры: крыса, которая не хитра, не пронырлива и не подозрительна, до старости не доживает. Этим крыс разумность постигла, когда они уже выросли и заматерели. Они предпочитали держаться старых добрых обычаев. Гуляш всегда говорил: так и надо! В них еще оставалось немало от первобытной крысиной сути, та дремучая хитрость, что вызовет из ловушки, куда тебя загнала не в меру разыгравшаяся разумность. Эти крысы думали носами. И уж им-то не нужно было объяснять, где нагадить.

– Итак, ребята, вы помните, что делать, – объявил Гуталин. – И смотрите, побольше нахальства. Тырьте жратву из кошачьих мисок и пирожки из-под самого кухаркиного носа...

– ...Вставную челюсть у старика изо рта, – подсказал щуплый крыс, пританцовывая на месте. Лапки его непрерывно двигались, выбивая ритм на земляном полу. И он тоже щеголял в головном уборе: в потрепанной, самодельной соломенной шляпе. Ему единственному удалось справиться с этой штуковиной, насадив ее на уши. Он говорил: чтоб продвинуться в жизни, шляпа совершенно необходима.

– Это, Сардины, тебе просто свезло. Держу пари, тебе такого фокуса не повторить, – ухмыльнулся Гуталин. – И не вздумай травить мальчикам байки о том, как ты нырнул поплавать к кому-то в ванну. Да, я знаю, все так и было, но мне не хотелось бы кого-нибудь потерять: ведь выкарабкаться наружу по скользким стенкам не все способны. Как бы то ни было... если через десять минут дамы не повыбегают из кухонь с громким визгом, я пойму, что сильно в вас ошибался. Ну? Что стоим, чего ждем? Вперед, и с песней! И... Сардины?

– Да, босс?

– Не слишком там увлекайся этой своей чечеткой, ладно?

– Так у меня ноги сами в пляс идут, босс!

– И так ли тебе надо вечно носить эту дурацкую шляпу? – снова усмехнулся Гуталин.

– Так точно, босс!

Сардины был из числа крыс постарше, но об этом мало кто догадывался. Он шутил, плясал и никогда ни с кем не дрался. Он вырос в театре и однажды сожрал целую коробку грима. И грим, по-видимому, впитался в его плоть и кровь.

– И чтоб не лез вперед капканной команды! – напомнил Гуталин.

– Эх, босс, уж прям и поразвлечься нельзя? – ухмыльнулся Сардины. И, приплясывая, поспешил вслед за остальными к дырам в стенах.

А Гуталин перешел ко взводу № 1. Самому немногочисленному. Редкая крыса способна долго продержаться в команде Обезвреживания Капканов. Только та, которая неспешна, терпелива и дотошна. Та, что обладает хорошей памятью. Та, что соблюдает осторожность. Нет, во взвод, конечно, принимали и беспечных, невнимательных торопыг. Только они почему-то быстро заканчивались.

Гуталин оглядел взвод и улыбнулся. Этими крысами он гордился.

– Ладно, ребята, вы уже и без меня все знаете, – промолвил он. – Вам длинную лекцию читать незачем. Просто помните, что мы – в новом городе

и понятия не имеем, что нас ждет. Здесь наверняка полным-полно капканов новых моделей, но мы быстро учимся, правда? Отравы опять же. Здесь могут пользоваться ядами, с которыми мы прежде не сталкивались, так что вы там поосторожнее. Не спешить, не бежать. Мы ведь не хотим быть первой мышью, а?

– Нет, Гуталин! – послушно отозвались крысы.

– Я сказал, какой мышью мы быть не хотим?

– Мы не хотим быть первой мышью! – грянул дружный хор.

– Точно! А какой мышью мы хотим быть?

– Второй мышью, Гуталин! – откликнулись крысы. Этот урок в них вбивали раз за разом.

– Точно! А почему мы хотим быть второй мышью?

– Потому что второй мышши достается сыр, Гуталин!

– Молодцы! – похвалил Гуталин. – Врасоле возглавит второй взвод... Срок-Хранения? С повышением тебя, ты поведешь третий взвод, и надеюсь, ты окажешься таким же мастером своего дела, каким была добрая старая Недвижимость – ну, то есть пока не позабыла, как отжимать спусковой рычаг «Крысобоя» № 5 фирмы «Сниппет и Полсон»! Самонадеянность – наш главный враг! Так что, если вдруг завидите что-то подозрительное, какие-нибудь незнакомые лоточки, что-нибудь с проволочками, пружинками и все такое, примечайте место и шлите ко мне гонца – ясно?

Юная крыска подняла лапку.

– Да? Как твое имя... мисс?

– Эгм... Питательная, сэр, – представилась крыска. – Эгм... а можно вопрос, сэр?

– Ты, никак, в этом взводе новичок, Питательная? – уточнил Гуталин.

– Так точно, сэр! Переведена из Легкого Гадства, сэр!

– Ага, там, значит, решили, что у тебя хорошо получится обезвреживать капканы?

Питательная явно смутилась, но отступить было некуда.

– Эгм... не совсем так, сэр. Мне сказали, у меня так плохо получается гадить, что в любом другом деле хуже уже не будет – некуда!

В строю послышался дружный смех.

– Чтобы у крысы да не получалось гадить? – удивился Гуталин.

– Просто это... это... это так *неприлично*, сэр, – пролепетала Питательная.

Гуталин вздохнул про себя. Все это новое мышление порождало разные странности. Концепцию Нужного Места, то есть нужника, лично он

вполне одобрял, но детишкам порою приходили в голову идеи... мягко говоря, странные.

– Ладно, – кивнул он. – Так что у тебя за вопрос, Питательная?

– Эгм... вы сказали, второй мыши достается сыр, сэр?

– Точно! Это девиз взвода, Питательная. Запомни его хорошенько. Он твой лучший друг!

– Да, сэр. Запомню, сэр. Но, сэр... а разве *первой* мыши совсем ничего не достается?

Гуталин пристально воззрился на крыску. Она выдержала его взгляд, не съежившись от страха, – и Гуталин это оценил.

– Вижу, ты окажешься ценным пополнением для взвода, Питательная, – промолвил он. И снова возвысил голос: – Взво-о-од! Что достается *первой* мыши?

Голоса громыхнули так, что с потолка посыпалась пыль:

– Капкан!

– И не забывайте об этом! – рявкнул Гуталин. – Спецпредложение, веди ребят! Я догоню вас через минуту.

Молодой крыс выступил вперед и развернулся лицом к строю.

– Крысы, за мной! Ать-два, ать-два!

Капканные взводы затрусили прочь. Гуталин отошел к Фасоли Опасно-для-Жизни.

– Ну что ж, пошло-поехало, – промолвил он. – И если к завтрашнему дню человеки не кинутся искать хорошего крысолова, значит, мы в своем деле ни черта не смыслим.

– Нам придется задержаться здесь чуть подольше, – вмешалась Персики. – Нескольким дамам подошел срок произвести на свет малышей.

– Я ж говорю, мы еще не знаем, насколько здесь безопасно, – вскинулся Гуталин.

– Тогда, может, ты сам скажешь об этом Большим Скидкам? – ласково осведомилась Персики. Все сходились на том, что у Больших Скидок, старой крысы-матриарха, зубы острее кирки и каменные мускулы. А еще ее ужасно раздражали мужики, в смысле крысы-самцы. Когда она бывала не в настроении даже Гуляш предпочитал с ней не связываться.

– С Природой, понятное дело, не поспоришь, – быстро пошел на попятную Гуталин. – Но мы еще даже не осмотрелись толком. Наверняка тут должны быть и другие крысы.

– Да ладно, *киикики* сами стараются держаться от нас подальше, – отмахнулась Персики.

Гуталин был вынужден согласиться. Обыкновенные крысы и впрямь

обходили Измененных стороной. Ну да, стычки порою случались, но Измененные были крупными, здоровыми и в ходе драки умели продумывать каждый шаг. Это очень удручало Фасоль Опасно-для-Жизни, но, как говаривал Гуляш, либо мы, либо они, и, если уж в корень глядеть, так уж мир устроен: крыса жрет крысу...

– Пойду догоню свой взвод, – промолвил Гуталин, все еще поживаясь при мысли о необходимости объясняться с Большими Скидками. Он шагнул чуть ближе. – Что такое творится с Гуляшом?

– Его... одолевают мысли, – объяснила Персики.

– Мысли, значит, – озадаченно повторил Гуталин. – А. Ладно. Ну, пойду капканами займусь. Еще обнюхаемся!

– А в самом деле, что не так с Гуляшом? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни, когда они с Персиками снова остались одни.

– Он стареет, – объяснила Персики. – Он все чаще нуждается в отдыхе. И, как мне кажется, он опасается, что Гуталин или кто-нибудь еще бросит ему вызов.

– А они бросят, как думаешь?

– Гуталин больше увлечен разборкой капканов и тестированием ядов. Сейчас у нас есть множество куда более интересных занятий, нежели кусать друг друга.

– Или заниматься *рлк*, как я слышал, – отозвался Фасоль.

Персики смущенно потупилась. Если бы только крысы умели краснеть, она бы залилась румянцем. Просто удивительно, как подслеповатые розовые глазки, которые тебя едва различают, тем не менее способны видеть тебя насквозь.

– Дамы сделались куда разборчивее, – прошептала она. – Они ищут отцов с мозгами.

– Вот и славно, – одобрил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Нам нужно быть осторожнее. Нам *нет* нужды плодиться как крысам. Нам не обязательно полагаться на численное превосходство. Мы ведь Измененные.

Персики встревоженно глядела на него. Когда Фасоль задумывался, он словно бы всматривался в одному ему ведомый мир.

– Что на этот раз? – спросила она.

– Я вот думаю, что мы не должны убивать других крыс. Крысе не должно убивать крысу.

– Даже *кикиков*? – уточнила Персики.

– Они тоже крысы.

Персики передернула плечами.

– Ну так мы ж пытались с ними разговаривать, но у нас ничего не

вышло. Как бы то ни было, теперь они по большей части держатся от нас подальше.

Но Фасоль Опасно-для-Жизни все вглядывался в свой незримый мир.

– Все равно, – тихо произнес он. – Мне бы хотелось, чтобы ты это записала.

Персики вздохнула, но пошла к одному из тюков, что крысы притащили с собою, и вытащила на свет свою суму. Ничего особенного, просто скатка из ткани с ручкой из обрывка веревки; но в эту суму вмещались несколько спичек, кусочки карандашного грифеля, крохотный обломок лезвия ножа, чтобы точить грифели, и грязный клочок бумаги. Все самое важное.

А еще она считалась официальным хранителем «Мистера Зайки». Ладно, не столько хранителем, сколько таскателем. Но Фасоли всегда хотелось знать, где книга: ему словно бы лучше думалось рядом с нею, книга утешала его и поддерживала, – и Персикам этого было вполне достаточно.

Она разгладила бумажный листок на обломке кирпича, взялась за грифель и проглядела весь список.

Первая Мысль была такова: «В Клане – Сила».

Перевести ее оказалось непросто, но Персики поднатужилась. Большинство крыс на человеческом языке читать не умели. Слишком трудно было усмотреть в черточках и загогулинах хоть какой-нибудь смысл. Так что Персики старательно создавала язык, на котором крысы могли бы читать.

Она попыталась нарисовать большую крысу, составленную из маленьких крыс:

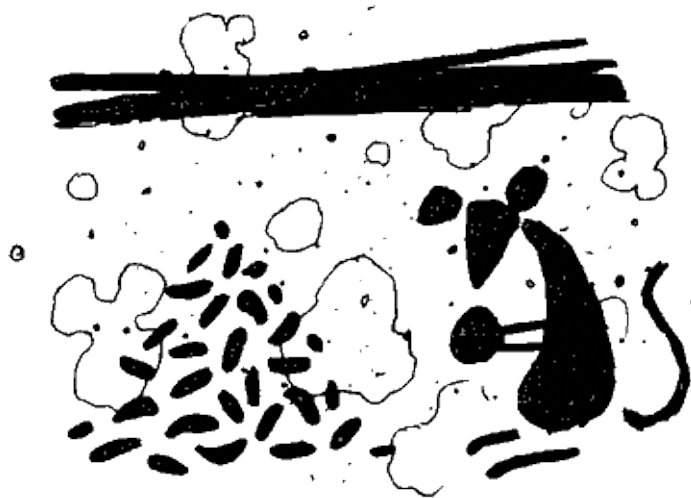
Создание письменности привело к очередной ссоре с Гуляшом. Новым идеям удавалось пробиться в голову старого крыса, разве что напрыгнув с разбега. Фасоль Опасно-для-Жизни своим странно спокойным голосом объяснил, что познания каждой крысы, если их записывать, сохранятся даже после того, как сама крыса умрет. Дескать, тогда все крысы смогут постичь мудрость Гуляша. «Еще чего!» – запротестовал тогда Гуляш. На то, чтобы овладеть некоторыми известными ему хитростями, у него ушли годы! С какой стати ему отдавать все эти умения просто так, за здорово живешь? Ведь это значит, что любой крысенок будет знать не меньше его!

На это Фасоль Опасно-для-Жизни ответил: «Либо мы будем сотрудничать, либо все погибнем».

Такова была следующая Мысль. Перевести «сотрудничество» оказалось непросто, но ведь даже *киикики* порою поддерживают ослепшего или раненого сотоварища, а если это не сотрудничество, то что же? Жирная черта там, где Персики изо всех сил надавила на грифель, означала «нет». Изображение капкана означало «смерть», «плохо» или «не делайте так».

Последняя увековеченная на бумаге Мысль гласила: «Нельзя гадить там, где ты ешь». Ничего сложного.

Персики сжала грифель в обеих лапках и тщательно нарисовала: «Крысы не должны убивать друг друга».

Персики немного отстранилась. Да... неплохо вышло... «капкан» – хороший символ для обозначения смерти, а для пущей важности она изобразила еще и мертвую крысу.

– А если все-таки придется? – уточнила она, не отрывая глаз от рисунка.

– Значит, придется, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Но все равно так нельзя.

Персики грустно покачала головой. Она поддерживала Фасоль, потому что... ну, потому что было в нем что-то такое. Он не отличался ни крупным ростом, ни проворством, он был почти слеп и совсем слаб, и порою он даже поесть забывал, увлекшись очередной мыслью, которая никому прежде в голову не приходила – по крайней мере, никому из крыс. Мысли эти по большей части ужасно раздражали Гуляша – как, скажем, в тот раз, когда Фасоль Опасно-для-Жизни спросил: «Что есть крыса?» – а Гуляш ответил: «Зубы. Когти. Хвост. Бежать. Прятаться. Жрать. Вот что такое крыса».

Фасоль сказал тогда: «Но ведь теперь мы еще и способны задаваться вопросом: «Что такое крыса?» – вот как он сказал! – А значит, мы теперь нечто большее».

«Мы – крысы, – доказывал Гуляш. – Мы бегаем туда-сюда, мы пищим, мы воруем еду, мы делаем новых крыс. Для этого мы созданы!»

«Но кем?» – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни, что привело к очередному спору по поводу доктрины о Большой Крысе Глубоко под Землей.

Но даже Гуляш следовал за Фасолью, равно как и другие крысы – такие, как Гуталин и Пончик Вход; и все они прислушивались к его словам.

А Персики, в свой черед, прислушивалась к их разговорам. «Нам даны носы», – объяснял Гуталин своим взводам. Но кто дал крысам носы?

Мысли Фасоли Опасно-для-Жизни постепенно просачивались в головы его сородичей, а те и не замечали.

Фасоль придумывал новое мышление. Новые слова. Способы понимать все то, что с крысами происходит. Здоровенные крысы, крысы, покрытые шрамами, прислушивались к жалкому заморышу, потому что Изменение увело их в темноту, и, похоже, один только Фасоль понимал, куда они идут.

Персики оставила его рядом со свечой и отправилась на поиски Гуляша. Тот сидел у стены. Как большинство старых крыс, он вечно жался поближе к стенам, подальше от открытых пространств и слишком яркого света.

Его, похоже, трясло.

– С вами все хорошо? – спросила Персики.

Крыс перестал дрожать.

– Отлично, все отлично, я в полном порядке! – рявкнул Гуляш. – Прихватило меня малость, вот и все, ничего серьезного!

– Я просто заметила, что вы не пошли ни с одним из взводов, – проговорила Персики.

– Я в полном порядке! – заорал старый крыс.

– У нас в поклаже еще осталось немного картошки...

– Не нужна мне жратва! Я в *полном* порядке!

...А это означало, что с ним действительно что-то не так. Вот почему он не захотел поделиться своими познаниями. Ведь его познания – это все, что у него осталось. Персики знала, как крысы обычно поступают с одряхлевшим вожак. Она следила за выражением его глаз, когда Гуталин – такой молодой и сильный – говорил со своими взводами, и понимала, что Гуляш думает о том же самом. О, на виду у всех он держался молодцом, но в последнее время все больше отдыхал да прятался по углам.

Старых крыс обычно выгоняли из стаи, они какое-то время перебивались как могли в одиночестве и постепенно сходили с ума. Вскоре появлялся новый вожак.

Персикам очень хотелось втолковать Гуляшу одну из Мыслей Фасоли Опасно-для-Жизни, но старый крыс не любил разговаривать с самками. Он вырос в убеждении, что самки – они не для разговоров.

А Мысль была такова:

Это означало: «Мы – Измененные. Мы – не такие, как Прочие Крысы».

Глава 4

«В приключениях главное – чтобы они не затягивались надолго, а не то, чего доброго, к обеду опоздаешь», – думал мистер Зайка.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Глуповатый парнишка, девчонка и Морис сидели в просторной кухне. То есть парнишка сразу понял, что это кухня: выступающую часть печи с топкой увенчивала громадная чугунная плита, по стенам висели сковородки, а длинный стол был весь изрезан ножом. Вот чего здесь, похоже, не доставало, так это еды – традиционного атрибута любой кухни.

Девочка подошла к металлическому сундуку в углу и, пошарив за воротом платья, извлекла на свет огромный ключ на шнурке.

– Никому доверять нельзя, – промолвила она. – А крысы, эти гадины, крадут в сто раз больше, чем съедают.

– Не думаю, – возразил парнишка. – Самое большее в десять раз.

– А ты внезапно в крысах разбираешься? – усмехнулась девочка, отпирая металлический сундук.

– Не то чтобы внезапно, я многое узнал о них, когда... Ой! Больно же!

– Прошу прощения, – покаялся Морис. – Я тебя, кажется, случайно оцарапал? – И попытался состроить гримасу, красноречиво говорящую: «Не будь дурнем, а?» – что для кота куда как непросто.

Девчонка подозрительно зыркнула на него и вновь отвернулась к сундуку.

– Тут есть немного молока, еще не ставшего творогом, и парочка рыбных голов, – промолвила она, заглядывая внутрь.

– Меня все устраивает, – заверил Морис.

– А как насчет твоего человека?

– А, этого? Да ему любые объедки сгодятся!

– Есть хлеб и колбаса, – сообщила девочка, извлекая молочный бидон из металлического буфета. – К колбасе мы все относимся с недоверием. Вот еще крохотный кусочек сыра, но довольно-таки антикварный.

– Наверное, нам не следует съесть вашу еду, если ее так мало, – запротестовал парнишка. – У нас есть деньги.

– О, мой отец говорит, если мы не будем гостеприимны, пострадает

репутация города. Мой отец – мэр, чтоб ты знал.

– То есть он – правительство? – уточнил парнишка.

Девочка воззрилась на него.

– Да, наверное... – отозвалась она. – Хотя сформулировано странновато. На самом деле законы издает городской совет. А мэр просто управляет городом и со всеми спорит. Он, между прочим, говорит, наши пайки должны быть не больше, чем у других людей: в нынешние тяжкие времена мы должны выказывать солидарность. И без того плохо, что туристы перестали приезжать на наши горячие источники, а тут еще худшая напасть – крысы! – Девочка вытащила из огромного кухонного буфета пару блюдец. – Отец говорит, если мы все поведем себя благоразумно, то еды на всех хватит, – продолжала она. – Я считаю, это весьма похвально. Я целиком и полностью согласна. Но мне кажется, после того как ты *выказал* солидарность, ты имеешь право на небольшую добавку. А на самом деле мы, по-видимому, получаем чуть меньше, чем все прочие. Ты представляешь? Как бы то ни было... значит, ты в самом деле волшебный кот, да? – докончила она, наливая молоко в блюдце. Молоко не столько лилось, сколько медленно сочилось, но Морис был уличным котом, и ему случалось пить молоко с такой богатой внутренней жизнью, что того гляди само уползти попытается.

– Ага, а то ж! Конечно, волшебный, – заверил он. Вокруг его пасти обозначились желто-белые «усы». За две рыбные головы Морис готов был стать для кого угодно чем угодно.

– Думаю, ты, наверное, принадлежал какой-нибудь ведьме, которую звали Гризельда или вроде того, – предположила девочка, выкладывая рыбные головы на второе блюдце.

– Точно, Гризельда, ага, – подтвердил Морис, не поднимая головы.

– И она, скорее всего, жила в пряничном домике в самой чаще леса.

– Ага, точняк, – согласился Морис. И, не удержавшись, с ходу присочинил – ведь иначе он не был бы Морисом! – Только домик был не пряничный, а из хрустящих хлебцев, потому что ведьма сидела на диете. Гризельда, она такая – обеими руками за здоровый образ жизни.

Девочка озадаченно нахмурилась.

– Нет, сказка не так рассказывается, – возразила она.

– Простите, соврал: на самом деле домик и впрямь был пряничным, – быстро поправился Морис. Тот, кто тебя кормит, всегда прав.

– И наверняка у ведьмы были здоровенные бородавки.

– Мисс, – с искренним видом заверил Морис, – некоторые из этих бородавок обладали настолько ярко выраженным характером, что у них

даже друзья завелись. Эгм... как вас звать, мисс?

– Пообещай, что не будешь смеяться?

– Ладно. – Как знать, может, еще рыбные головы найдутся.

– Меня зовут... Злокозния.

– А!

– Что, уже смеешься? – угрожающе произнесла девочка.

– Нет, – недоуменно отозвался Морис. – С какой бы стати?

– То есть ты не считаешь, что это нелепое имя?

Морис перебрал в памяти знакомые имена: Гуляш, Фасоль Опасно-для-Жизни, Гуталин, Сардины...

– А что такого, имя как имя, – откликнулся он.

Злокозния снова подозрительно зыркнула на него, но тут же переключилась на парнишку, который сидел себе со счастливой, отрешенной улыбкой – так он обычно улыбался, когда не находил, чем еще заняться.

– А у тебя-то имя есть? – спросила она. – Ты, случайно, не третий и младший сын какого-нибудь короля, а? Если твое имя начинается с «принц», это почти наверняка ключ к разгадке.

– Мне кажется, меня зовут Кийт, – отозвался парнишка.

– Ты не говорил, что у тебя есть имя! – удивился Морис.

– Так меня никто и не спрашивал.

– Кийт – имя не многообещающее, – нахмурилась Злокозния. – В нем не ощущается никакой тайны. Ощущается просто Кийт – и все. А ты уверен, что это твое настоящее имя?

– Так меня назвали.

– Ага, вот это уже ближе к истине. *Легкий* намек на тайну, – внезапно заинтересовалась Злокозния. – Как раз достаточно для создания интриги. Тебя наверняка похитили во младенчестве. Скорее всего, ты и впрямь законный король какой-нибудь страны, но злодеи нашли кого-то очень похожего на тебя и подменили младенца. В таком случае у тебя должен быть волшебный меч, только волшебным он, конечно же, не выглядит, сам понимаешь, – до тех пор, пока тебе не придет срок явить свою истинную суть. Тебя, наверное, нашли на крыльце.

– Да, все так, – подтвердил Кийт.

– Вот видишь? Я всегда права!

Морис всегда бдительно отслеживал, чего людям нужно. Он нутром чувствовал: Злокознии нужен кляп. Но он впервые слышал, чтобы глуповатый парнишка рассказывал что-либо о себе.

– А что ты делал на крыльце? – полюбопытствовал кот.

– Не помню. Агукал, наверное, – предположил Кийт.

– Ты ничего нам не говорил, – упрекнул Морис.

– А разве это важно? – пожал плечами парнишка.

– А в корзиночке рядом с тобою наверняка лежал волшебный меч, или, может, корона. А еще у тебя есть загадочная татуировка или родимое пятно странной формы, – продолжала Злокозня.

– Не думаю. Никто и никогда ни о чем таком не упоминал, – возразил Кийт. – Там лежал только я и еще одеяльце. И записка.

– Записка? И это, по-твоему, не важно?!

– В записке говорилось: «девятнадцать пинт и клубничный йогурт», – сообщил Кийт.

– А! От такой записки толку мало, – покачала головой Злокозня. – Но почему девятнадцать пинт молока?

– Меня нашли на крыльце Гильдии Музыкантов, – объяснил Кийт. – А Гильдия очень большая. Вот про клубничный йогурт ничего не знаю.

– Найденьш и сирота – это очень хорошо, – похвалила Злокозня. – В конце концов, из принца может вырасти только король, а из загадочного сироты – кто угодно. Скажи, тебя били, морили голодом и запирали в чулан?

– Да вроде нет, – Кийт посмотрел на девочку как-то странно. – В Гильдии все были очень добры. Там ведь по большей части приятные люди. Они меня многому научили.

– У нас тут тоже есть Гильдии, – сообщила Злокозня. – Они учат мальчиков на плотников, каменщиков и все такое.

– Гильдия научила меня музыке, – рассказал Кийт. – Я – музыкант. Причем хороший. Я сам зарабатываю себе на жизнь с шести лет.

– Ага! Загадочный сирота, необычный талант, тяжелое детство... вот все понемногу и складывается, – подвела итог Злокозня. – Клубничный йогурт, по-видимому, не так уж и важен. А вдруг твоя жизнь сложилась бы по-другому, если бы йогурт был банановый? Как знать? А какую музыку ты играешь?

– Что значит какую? Музыка, она музыка и есть, – отозвался Кийт. – Музыка – она везде, если прислушаться.

Злокозня оглянулась на Мориса.

– Что, он всегда такой? – любопытствовала она.

– Я в жизни не слышал, чтобы он был так разговорчив, – отозвался кот.

– А вам наверняка не терпится все узнать обо мне, – предположила Злокозня. – Но вы, конечно же, слишком вежливы, чтобы приставать с расспросами.

– Само собою, – кивнул Морис.

– Что ж, вы, я полагаю, не слишком удивитесь, если я скажу, что у меня две злобные сводные сестрицы, – поведала Злокозня. – И я должна делать всю тяжелую работу по дому!

– Ну надо же, – откликнулся Морис, гадая про себя, а найдутся ли в здешних запасах еще пара-тройка рыбьих голов, а если найдутся, то стоят ли они того.

– Да-да, почти всю работу, – неохотно уточнила Злокозня. – Какую-то ее часть, во всяком случае. Представляете, меня заставляют прибираться в собственной комнате! А там ужасный беспорядок!

– Ну надо же.

– А еще это едва ли не самая маленькая спальня во всем доме. Там шкафов почти нет, а книжные полки уже просто не помещаются!

– Ну надо же.

– И все со мной невероятно жестоки. Обратите внимание, мы с вами сидим в кухне. А я – дочка мэра. Должна ли дочка мэра мыть посуду по меньшей мере раз в неделю? Я так не считаю!

– Ну надо же.

– И вы только посмотрите на эти нищенские отрепья, в которые я вынуждена одеваться!

Морис пригляделся внимательнее. В одежде он разобрался неважно. Ему вполне хватало шкурки. Но на его неискушенный взгляд, платье Злокознии выглядело как любое другое. Все вроде на месте. Никаких дыр – кроме тех трех, из которых торчали руки и голова.

– Вот тут, смотри, – и Злокозня указала на какое-то место на подоле, что, на Морисов взгляд, ничем не отличалось от остального платья. – Мне самой пришлось подшивать, представляешь?

– Ну надо ж... – Морис прикусил язык. Со своего места он отлично видел пустые полки. И, что куда важнее, отлично видел, как из трещины в ветхом потолке вниз по веревке спускается Сардины. С рюкзачком на спине.

– И в придачу ко всему именно я должна всякий день выстаивать длиннющие очереди за хлебом и колбасой... – продолжала Злокозня, но Морис вслушивался еще менее внимательно, чем прежде.

Сардины, ну кто ж еще! Идиот! Вечно лезет впереди капканного взвода! Из всех кухонь этого города ему понадобилось объявиться именно здесь! А девчонка в любой момент может обернуться – и тогда визгу не оберешься!

Причем Сардины небось решит, что это ему аплодируют. Он жил так,

словно жизнь – это спектакль. Остальные крысы просто бегали туда-сюда, пищали и устраивали беспорядок, и этого вполне хватало, чтобы убедить человека: случилось крысиное нашествие. Но Сардины – о нет, Сардины на такие мелочи не разменивается! Ох уж этот Сардины с его мяуурзьявым песенно-танцевальным номером!

– ...А крысы сжирают все подчистую, – рассказывала Злокозня. – А чего не сожрут, то попортят. Это просто ужас какой-то! Совет закупает еду в других городах, но там излишков тоже негусто. Нам приходится приобретать зерно и все прочее у торговцев, которые приплывают вверх по реке. Вот поэтому хлеб стоит так дорого.

– Дорого, говоришь? – откликнулся Морис.

– Мы все перепробовали: капканы, и собак, и кошек, и отраву, а крысы все равно множатся, – жаловалась девочка. – И такие хитрые сделались! В капканы больше не попадают! Ха! Я всего-то один раз получила 50 пенсов за хвост. И что толку предлагать 50 пенсов за хвост, если крысы такие ушлые? Крысоловам приходится пускать в ход все новые и новые уловки, чтобы изничтожать этих гадин – так они говорят. – За ее спиной Сардины внимательно оглядел кухню и подал знак крысам, поджидающим сверху, втянуть веревку.

– А тебе не кажется, что самое время сказать себе: *прочь отсюда!* – предположил Морис.

– А что это ты рожи корчишь? – осведомилась Злокозня, буравя его взглядом.

– Эгм... ну, ты ведь знаешь, бывают коты, которые все время улыбаются? Слыхала про таких? Ну а вот я странные рожи корчу, – в отчаянии импровизировал Морис. – А иногда прямо сдержаться не могу, ору: *«Пошел прочь, прочь пошел!»* – вот видишь, опять не сдержался. Это болезнь такая. Наверное, надо с психотерапевтом посоветоваться... *ох, нет, не делай этого, только не сейчас...* ой, вот оно, опять!..

Сардины выудил из рюкзака соломенную шляпу. В лапке он держал тросточку.

Номер был отменный, даже Морис с неохотой это признавал. В нескольких городах давали объявление: «требуется крысолов-дудочник» после первого же Сардиньего выступления. Крыса в сливках, крыса на крыше, крыса в заварочном чайнике – все это люди еще кое-как вытерпят, но крыса, отплясывающая чечетку, – ну нет, всему есть предел! Если ты видишь крысу, отплясывающую чечетку, – значит, у тебя большие проблемы. Морис давно прикидывал про себя, что, если бы только удалось обучить крыс еще и на баяне играть, они бы по два города в день

обчищали.

Кот слишком долго глядел в одну точку не отрываясь. Злокозня обернулась и в ужасе открыла рот – Сардины как раз принялся отбивать чечетку. Рука девочки потянулась к сковородке на столе – и метнула ее с поразительной точностью.

Но Сардинам было не впервой уворачиваться от летящих сковородок. Крысы привыкли, что в них чем-нибудь да швыряются. Сковородка едва успела долететь до середины кухни, а крыс уже обратился в бегство: вот он соскочил на табуретку, затем спрыгнул на пол, шмыгнул за буфет – и тут раздалось резкое, неотвратимое, металлическое «щелк».

– Ха! – воскликнула Злокозня. Морис и Кийт испуганно вытаращились на буфет. – Одной крысой меньше! Я их терпеть не могу...

– Это Сардины, – промолвил Кийт.

– Что ты, это со всей определенностью крыса, – поправила Злокозня. – Сардины в кухню обычно не вторгаются. Ты, наверное, имеешь в виду нашествие омаров в...

– Он просто имя такое себе взял – Сардины: прочел его на ржавой консервной банке и решил, что звучит очень стильно, – вздохнул Морис, гадая, достанет ли у него мужества заглянуть за буфет.

– Он был хорошей крысой, – промолвил Кийт. – Тырил для меня книги, когда меня учили читать.

– Прости, пожалуйста, ты спятил? – уточнила Злокозня. – Он же крыса! Хорошая крыса – это мертвая крыса.

– Эй? – раздался тоненький голосок из-за буфета.

– Он никак не мог уцелеть! Капкан-то здоровущий! С во-от такими зубьями! – воскликнула Злокозня.

– Эй, кто-нибудь? Просто тросточка уже прогибается... – продолжал голос.

Массивный буфет был сделан из дерева настолько старого, что от времени оно почернело и стало прочным и тяжелым как камень.

– Это ведь не крыса сказала, нет? – заволновалась Злокозня. – Пожалуйста, заверьте меня, что крысы разговаривать не умеют!

– Вообще-то тросточка здорово прогнулась, – снова послышался чуть сдавленный голос.

Морис протиснулся в щель под буфетом.

– Я его вижу! Он заклинил тростью зубья капкана и не дает им сомкнуться! Здорово, Сардины, ты там как?

– Отлично, босс! – донеслось из темноты. – Если бы не капкан, я бы сказал, все вообще круто! А я уже упоминал, что тросточка прогибается?

– Да, было такое.

– Так вот, с тех пор она прогнулась еще больше, босс.

Кийт ухватился за угол шкафа и, крикнув, попытался его сдвинуть.

– Да он как скала! – выдохнул мальчик.

– Он битком набит посудой, – растерянно объяснила Злокозня. – Но ведь крысы на самом деле не умеют говорить, правда?

– Отойди с дороги! – заорал Кийт. Он ухватился за задний край буфета обеими руками, уперся ногой в стену и поднатужился.

Медленно, точно могучее лесное дерево, шкаф накренился вперед. Посыпалась посуда: тарелка выскальзывала за тарелкой, словно кто-то картинно и хаотично сдавал дорогущую колоду карт. Некоторые даже пережили падение на пол, равно как и отдельные чашки и блюдца, – когда распахнулись дверцы буфета, умножая веселье, – но это уже не имело значения, потому что мгновение спустя на них с грохотом обрушилась тяжелая деревянная громада.

Одна чудом уцелевшая тарелка покатила мимо Кийта, крутясь волчком и опускаясь все ниже с характерным для столь удручающих обстоятельств звуком «гройиуойиойиооооиннннгг!».

Кийт нагнулся к капкану и выхватил Сардины. Едва крыс оказался на свободе, как тросточка переломилась и капкан схлопнулся. В воздухе закружилась щепка от трости.

– Ты в порядке? – спросил Кийт.

– Ну, босс, все, что я могу сказать, – хорошо, что крысы исподнего не носят... Спасибки, босс, – поблагодарил Сардины. Для крысы он был очень даже упитан, но когда его лапки пускались в пляс, он словно парил над полом, на манер воздушного шарика.

Послышалось легкое притоптывание.

Злокозня, скрестив на груди руки, мрачная как туча, переводила взгляд с Сардины на Мориса, затем на глуповатого Кийта – а затем на разор и разгром на полу.

– Эээ... я прошу прощения, – извинился Кийт. – Но он же...

Злокозня только отмахнулась.

– О'кей, – проговорила она, словно размышляя вслух. – Я думаю, дело обстоит так. Этот крыс не простой, а волшебный. И держу пари, он не один такой. С ним – или с ними – что-то случилось, и теперь они вполне разумные создания, несмотря на чечетку. И... они дружат с котом. А... с какой бы стати крысам дружить с котом? Значит... значит, они о чем-то сговорились, так? Знаю! Не говорите мне, только не говорите...

– Э? – не понял Кийт.

– Да тебе вообще ничего говорить не надо, – встрял Морис.

– ...И договоренность эта как-то связана с нашествиями крыс, так? Все эти города, о которых мы слышаны... так вот, вы о них тоже слышали, и объединились вот с этим, как бишь его...

– Меня зовут Кийт, – напомнил Кийт.

– ...Да-да... и вот вы ходите из города в город, притворяясь нашествием крыс, и вот этот, как бишь его...

– Меня зовут Кийт.

– ...Да... притворяется дудочником-крысоловом, и вы все выходите из города следом за ним. Так? Это такое грандиозное надувательство, верно? Сардины вскинул глаза на Мориса.

– Она нас раскусила, босс, – промолвил он. – Прямо с поличным взяла.

– Так что теперь вам придется привести вескую причину, почему я не должна сдать вас Страже, – торжествующе объявила Злокозня.

«Причину выдумывать незачем; ты нас все равно не сдашь, – подумал про себя Морис. – Ёшкин кот, человекам так легко заставить плясать под свою дудку!» Он потерся о ноги девочки и самодовольно ухмыльнулся.

– Если ты нас сдашь, ты никогда не узнаешь, чем история заканчивается.

– Для вас история закончится *тюрьмой*, – заверила Злокозня. Но Морис-то видел, каким взглядом она смотрит на глуповатого Кийта и на Сардины. Сардины по-прежнему щеголял в своей соломенной шляпке. А если хочешь привлечь к себе внимание, таким деталям цены нет.

Заметив, что девочка хмурится, Сардины поспешно сдернул с головы шляпу и, удерживая ее за краешек, прижал к груди.

– А теперь *мне* бы хотелось кое-что выяснить, босс, раз уж у нас тут настал момент истины.

Злокозня изогнула бровь.

– Ну? – отозвалась она. – И перестань звать меня боссом!

– Мне бы очень хотелось знать, почему в этом городе нет крыс, шеф, – отозвался Сардины. И нервно протанцевал несколько па. Злокозня умела свирепо сверкать глазами ничуть не хуже кота.

– Что значит нет крыс? – удивилась девочка. – Тут у нас настоящее крысиное нашествие! В конце концов, ты же крыса!

– Здесь везде крысиные ходы, мы нашли несколькодохлых крыс – и ни одной живой, шеф.

Злокозня нагнулась ниже.

– Но *ты* же *крыса*, – заявила она.

– Да, шеф. Но мы-то прибыли только нынче утром. – Сардины нервно

заулыбался; Злокозния впилась в него очередным долгим взглядом.

– Сыра хочешь? – спросила она. – Боюсь только, он разве что для мышеловки сгодится.

– Нет-нет, не нужно, но спасибо большое за заботу, – очень вежливо отозвался Сардины, тщательно подбирая каждое слово.

– Думаю, ничего не попишешь; придется нам во всем признаться, как на духу, – вздохнул Кийт.

– Ненененененененееет! – взвыл Морис: он ненавидел говорить правду. – Видите ли, это все потому, что...

– Мисс, вы правы, – устало произнес Кийт. – Мы ходим из города в город со стаей крыс, и мы дуруем людей, вынуждая их заплатить нам, чтобы мы ушли. Вот что мы делаем. Мне страшно жаль, что мы так поступали. Мы договорились, что этот раз окажется последним. Мне очень, очень жаль. Вы поделились с нами едой, а у вас у самих ее мало. Нам должно быть стыдно.

Морис наблюдал за размышляющей Злокознией, думая про себя, что голова девочки работает совсем не так, как у других людей. Все сложные для понимания вещи она схватывала на лету. Волшебные крысы? Да-да, конечно. Говорящие коты? Это мы уже проходили, этим меня не удивишь. А вот простые вещи давались ей с трудом.

Губы ее зашевелились. Да она же историю из всего этого сочиняет, догадался Морис.

– Значит... – заговорила она, – вы путешествуете со своими дрессированными крысами...

– Мы предпочитаем называться «учеными грызунами», шеф, – поправил Сардины.

– ...Пусть так, со своими учеными грызунами; вы приходите в город, и... и что же происходит с крысами, которые уже там живут?

Сардины беспомощно оглянулся на Мориса. Морис кивнул: продолжай, дескать. Все они здорово влипли, если у Злокознии не сочинится история, причем такая, чтобы пришлось ей по вкусу.

– Они держатся от нас подальше, босс, то есть шеф, – объяснил Сардины.

– А они тоже владеют даром речи?

– Нет, шеф.

– Я так понимаю, Клан считает их чем-то вроде обезьян, – встрял Кийт.

– Я вообще-то с Сардинами разговариваю! – рявкнула Злокозния.

– Извини.

– И что, других крыс здесь вообще нет? – продолжала допрашивать Злокозня.

– Нет, шеф. Несколько старых скелетиков, кучки отравы, множество капканов, босс. Но никаких крыс, босс.

– Но ведь крысоловы добывают по целому вороху крысиных хвостов всякий день!

– Я говорю, что вижу, босс. То есть шеф. Никаких крыс, босс. То есть шеф. Нигде никаких крыс, кроме нас, босс-шеф.

– А вы когда-нибудь присматривались к этим крысиным хвостам, мисс? – поинтересовался Морис.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Злокозня.

– Они не настоящие, – объяснил Морис. – Во всяком случае, некоторые. Это просто старые кожаные шнурки от ботинок. Я видел такие на улице.

– Так хвосты были фальшивые? – удивился Кийт.

– Я же кот. По-вашему, я не знаю, как выглядит крысиный хвост?

– Но люди бы наверняка заметили! – не поверила Злокозня.

– Да ну? – хмыкнул Морис. – А ты знаешь, что такое эглет?

– Эглет? Эглет? При чем тут вообще какой-то эглет? – рывкнула Злокозня.

– Эглет, он же пистончик – это такой специальный металлический наконечник шнура, – объяснил Морис.

– Откуда бы коту знать такое слово? – удивилась девочка.

– Всяк что-нибудь да знает, – отозвался Морис. – Так вот, ты когда-нибудь присматривалась к крысиным хвостам поближе?

– Конечно, нет! От крыс ведь чумой заразиться можно! – отозвалась Злокозня.

– Вот именно, и тогда ноги полопаются, – ухмыльнулся Морис. – Поэтому ты эглетов и не видела. Сардины, а у тебя в последнее время ноги, случайно, не лопались?

– Сегодня – нет, босс, – заверил Сардины. – Ну так еще не вечер.

– А-ха, – протянула Злокозня с очень довольным видом, и Морису в этом «ха» померещилась чрезвычайно неприятная нотка.

– Значит, ты не собираешься сдавать нас Страже? – с надеждой предположил он.

– И что я им скажу? Что я разговаривала с крысой и с котом? – отозвалась Злокозня. – Ну уж нет. Они пожалуются отцу, что я выдумываю всякие небылицы, и меня опять запрут, точнее, вы-прут из моей комнаты.

– Тебя в наказание запирают не внутри комнаты, а снаружи? – удивился Морис.

– Ага. Чтобы я не могла добраться до своих книг. Я – девочка особенная, как вы уже, вероятно, догадались, – гордо заявила Злокозня. – Вы о сестрах Грымм слышали? Об Агонизе и Потрошилле Грымм? Это мои бабушки – родная и двоюродная. Они писали... волшебные сказки.

«Ага, вот мы временно и в безопасности, – подумал Морис. – Главное, не дать ей умолкнуть».

– Боюсь, я не самый начитанный из котов, – признался он. – И что же это за сказки такие? Наверное, про милых феечек с крылышками, которые звенят, как колокольчики?

– Нет, – фыркнула Злокозня. – Мои бабушки крылатых феечек не очень-то жаловали. Они писали... настоящие сказки. В которых море кровищи, и кости, и летучие мыши, и крысы. Свой сочинительский талант я унаследовала от них, – добавила девочка.

– Мне отчего-то так и подумалось, – буркнул Морис.

– А если крыс под городом нет, но крысоловы притаскивают вороха шнурков, я... я чую неладное, – промолвила Злокозня.

– Извините, – покаялся Сардины. – Это, наверное, я. Я малость перенервничал...

Над головой послышались шаги.

– Быстро, бегите через задний двор! – скомандовала Злокозня. – Спрячетесь на сеновале над конюшней! Я принесу вам еды! Я точно знаю, что полагается делать по законам жанра!

Глава 5

Крысик Кристофер был самой храброй крысой на свете. В Мохнатой лоцинке все так говорили.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

В туннеле за несколько улиц оттуда Гуталин висел на четырех веревках, прикрепленных к его «сбруе» из поясов и ремней. Веревки, в свой черед, были привязаны к палке, что, на манер качелей, балансировала на спине у одной очень толстой крысы; две крысы сидели на другом ее конце, а еще несколько направляли «стрелу» в нужную сторону.

Гуталин висел над самыми зубьями огромного стального капкана, перегородившего собою весь туннель.

Крыс пискнул, подавая сигнал остановиться. Палка слегка вибрировала под его тяжестью.

– Я точно над сыром, – сообщил Гуталин. – Пахнет как ланкр-блю, высший сорт. Сыр нетронут. И лежит тут довольно давно. Сдвиньте меня примерно на две лапы^[3].

Палка качнулась вверх-вниз: Гуталин продвинулся чуть вперед.

– Осторожно, сэр! – пискнул один из крысят помоложе из толпы, заполонившей туннель позади капканного взвода.

Хмыкнув, Гуталин поглядел сверху вниз на зубья, торчащие в каком-нибудь дюйме от его носа. И вытащил из одной из портупей деревянную плашку с наклеенным на конце осколком зеркала.

– Свечу чуть сдвиньте вон туда, – скомандовал он. – Так... так, хорошо. А теперь посмотрим... – Гуталин просунул зеркальце между зубьев капкана и осторожно поворачивал им туда-сюда. – Ага, так я и думал... «Зубастик» Прэттла и Джонсона, он самый! Одна из старых моделей № 3, но с дополнительным фиксатором. Далеко продвинулись, нечего сказать. О'кей. Эти модели нам знакомы, так? Сыр к чаю, парни!

Наблюдатели нервно захихикали, и тут раздался одинокий голос:

– Да это ж совсем просто...

– Кто это сказал? – резко вскинулся Гуталин.

Воцарилась гробовая тишина. Гуталин, вытянув шею, оглянулся назад. Молодые крысы опасливо расступились в разные стороны, и в

образовавшемся коридоре осталась стоять одна-единственная очень, очень одинокая крыска.

– А, Питательная, – обронил Гуталин, снова оборачиваясь к спусковому механизму капкана. – Совсем просто, говоришь? Рад слышать. Тогда покажи нам, как это делается.

– Эгм, когда я сказала «просто»... – залепетала Питательная. – Ну, то есть Врассоле объяснял мне, как это делается, на капкане-тренажере, так вот он сказал...

– Нечего скромничать, – оборвал ее Гуталин. Глаза его лукаво поблескивали. – Все уже подготовлено. А я просто понаблюдаю, идет? Влезай в подвеску и давай, обезвреживай!

– Но, но, но... теперь я припоминаю: когда Врассоле нам все растолковывал, мне было очень плохо видно, и, и, и...

– Я вот что скажу, – предложил Гуталин. – Капканом займусь я, идет? Питательная облегченно выдохнула.

– А ты будешь диктовать мне, что делать, – добавил Гуталин.

– Эгм... – Судя по ее виду, Питательная была уже готова в спешном порядке вернуться в ряды Легкого Гадства.

– Вот и отлично, – похвалил Гуталин. Он аккуратно убрал зеркальце, вытащил из-за пояса металлический прут. И осторожно потыкал им в капкан. Металл звякнул о металл; Питательная содрогнулась. – Так, на чем я остановился? Ах да, вот у нас рычаг спуска, вот пружинка и вот фиксатор. Что я должен сделать теперь, мисс Питательная?

– Эээ... эгм... ээээ... – неуверенно забормотала крыска.

– Тут уже что-то поскрипывает, мисс Питательная, – сообщил Гуталин из недр капкана.

– Эээ... эгм... надо заклинить такую штуковину...

– Какую именно штуковину, мисс Питательная? Не торопитесь, подумайте хорошенько, упс, эта металлическая деталь уже вибрирует, но я никоим образом не хочу вас торопить...

– Надо заклинить, эгм, ну, штуковину, эгм, такую штуковину, эээ... – Питательная лихорадочно завращала глазами.

– Может быть, вот эту здоровенную ЗАЩЕЛКУ, тьфу ты, твою ж мать...

Питательная рухнула в обморок.

А Гуталин выскользнул из подвески и спрыгнул на капкан.

– Готово, – заверил он. – Я его намертво заблокировал, теперь уж не сработает. А ну-ка, ребята, оттащите его с дороги в сторонку. – Крыс вразвалку вернулся к взводу и бросил кусочек заплесневелого сыра на

подрагивающее брюшко Питательной. – Видите ли, в работе с капканами важна предельная точность. Либо вы точны, либо вы мертвы. Второй мышью достается сыр. – Гуталин принюхался. – Что ж, если сюда забредет человек, он сразу поймет: теперь тут *точно* есть крысы...

Остальные практиканты засмеялись тем нервным, вымученным смехом, каким смеются, когда внимание учителя по счастью привлек кто-то другой, а не ты.

А Гуталин между тем развернул клочок бумаги. Он был крысой действия, и мысль о том, что целый мир можно свести к крохотным значкам, его немного тревожила. Но он понимал, насколько это полезно. Когда он рисовал в картинках план туннеля, бумага все помнила. Бумагу не сбивали с толку новые запахи. Другие крысы, если только они умели читать, видели в своих головах то же самое, что написавший повидал наяву.

Гуталин изобрел карты. То есть рисунок мира.

– Потрясающая штука эта новая технология, – похвалил он. – Итак... вот тут отмечена отравка, в двух туннелях позади нас. Врассоле, ты принял меры?

– Закопал и сверху нагадил, – четко отрапортовал Врассоле, заместитель Гуталина. – Это был яд № 2, серого цвета.

– Молодчина, крыса, – похвалил Гуталин. – Оно пакость та еще.

– Там повсюду вокруг валялись дохлые *киикики*.

– Вот уж не удивлюсь! От этой дряни противоядия нет.

– Еще мы нашли лотки с № 1 и № 3, – сообщил Врассоле. – Очень много лотков!

– Отравление ядом № 1 можно пережить, если вести себя с умом, – промолвил Гуталин. – Помните об этом, вы все. А если вас угораздит сожрать № 3, у нас есть средство, способное поставить вас на ноги. Ну, то есть в конце-то концов вы оклемаетесь, но день-другой будете жалеть, что не умерли.

– Гуталин, тут вокруг очень много отравы, – встревоженно промолвил Врассоле. – Я столько нигде не видел. И повсюду – крысиные кости.

– Тогда – полезные советы по технике безопасности, – обронил Гуталин, сворачивая в новый туннель. – Не ешьте дохлых крыс, если не знаете, отчего они сдохли. А то и вы сдохнете от того же самого.

– А Фасоль Опасно-для-Жизни говорит, что мы вообще не должны есть крыс, – напомнил Врассоле.

– Ну да, наверное, – не стал спорить Гуталин. – Но здесь, в туннелях, приходится мыслить практично. Зачем пропадать хорошей еде? Эй, кто-нибудь, приведите в чувство Питательную!

– Очень много отравы, – отметил Врассоле, когда взвод стронулся с места. – Здесь, похоже, крыс здорово ненавидят.

Гуталин не ответил. Он видел: крысы уже начинают нервничать. В крысиных ходах пахло страхом. Измененные никогда прежде не видели столько отравы. Обычно Гуталин ни о чем всерьез не тревожился, но сейчас в самой глубине его существа нарастала тревога, и это ему очень не нравилось...

Вверх по туннелю стремглав пронеслась, запыхавшись, маленькая крыска и припала к земле перед Гуталином.

– Почка, сэр, Тяжелое Гадство, взвод № 3, – выпалила она. – Мы нашли капкан, сэр! Необычный, с таким мы еще не сталкивались! Фреш угодил прямиком в него! Пожалуйста, поспешите!

На сеновале над конюшней было полно соломы, от лошадей снизу поднималось тепло – так что наверху оказалось очень даже уютно.

Кийт лежал на спине, глядел в потолок и напевал про себя. Морис подстерегал будущий полдник; полдник подергивал носом.

Вплоть до момента атаки Морис походил на отлаженную машину-убийцу. Но перед самым прыжком все пошло не так. Зад оттопырился, заходил ходуном все быстрее и быстрее, хвост извивался, как змея; вот Морис метнулся вперед, выпустив когти...

– Писк!

– О'кей, давай так, – обратился Морис к трепещущему комочку в своих когтях. – Просто скажи что-нибудь. Все равно что. Например, «Отпусти!» или хотя бы «Спасите!». «Писк!» не годится. Это просто пустой звук. Ты только попроси, и я тебя отпущу. Никто не скажет, что в этом отношении я не придерживаюсь твердых моральных принципов.

– Писк! – заверещала мышь.

– Вопрос снят, – отозвался Морис и тут же ее придушил. И отнес в угол, где Кийт, усевшись на соломе, доедал бутерброд с солониной.

– Она не говорящая, – поспешно заверил Морис.

– Я тебя и не спрашивал, – откликнулся Кийт.

– Ну то есть я ж дал ей шанс, – оправдывался кот. – Ты ведь все слышал, так? Ей всего-то и надо было, что сказать: «Не ешь меня!»

– Ну да.

– Ага, тебе-то хорошо: тебе разговаривать с бутербродами не надо, – посетовал Морис, как если бы его до сих пор что-то беспокоило.

– Я понятия не имею, о чем можно разговаривать с бутербродами, – откликнулся Кийт.

– И еще попрошу отметить, что я с ней не играл, – не унимался

Морис. – Один удар лапы – и «прости-прощай, писать не обещаю»; не то чтобы эта мышь обещала писать хоть что-нибудь, поскольку, и это важно, разумной *ни в коей мере* не была.

– Я тебе верю, – откликнулся Кийт.

– Она вообще ничего не почувствовала, – настаивал Морис.

Где-то неподалеку, на соседней улице, раздался визг – и звон бьющейся посуды. За последние полчаса к этим звукам все уже попривыкли.

– Похоже, ребята еще трудятся, – промолвил Морис, унося мертвую мышь за ворох сена. – А уж если Сардины отплясывает на столе чечетку, то хороший визг всяко обеспечен, Сардинам по этой части просто равных нет.

Дверь конюшни открылась. Внутри кто-то вошел, взнуздal двух лошадей и вывел их наружу. Вскоро после того прогрехотала выезжающая со двора карета.

Несколько секунд спустя снизу послышался громкий стук – три удара подряд. Стук повторился еще раз. И еще. Наконец раздался голос Злокознии:

– Эй вы, двое, вы там наверху или нет?

Кийт выполз из сена и поглядел вниз.

– Тут мы, – откликнулся он.

– Ты разве не слышал условного стука? – раздраженно воззрилась на него Злокозния.

– Какой-то он не то чтобы условный, – пробурчал Морис с набитым ртом.

– Это разве Морисов голос? – подозрительно уточнила Злокозния.

– Да, – подтвердил Кийт. – Извини его, пожалуйста, он кого-то ест.

Морис быстро сглотнул.

– Это вовсе не кто-то! – прошипел он. – Если оно не умеет разговаривать, оно – не *кто-то*! Оно просто еда!

– Это и есть условный стук! – рявкнула Злокозния. – Я в таких вещах разбираюсь! А вы должны в ответ тоже постучать условным стуком!

– Да, но, если кто-то просто так возьмет да и постучит в дверь, ну, знаешь, забавы ради, а мы внезапно постучим в ответ, что люди подумают? – уточнил Морис. – Что на сеновал залетел здоровенный жук?

Злокозния, как это ни странно, на мгновение умолкла. И согласилась:

– Дельное замечание, очень, очень дельное. Знаю! Я сперва крикну: «Это я, Злокозния!» – и только тогда постучу условным стуком; так вы поймете, что это я, и постучите условным стуком в ответ. Идет?

– А можно мы просто скажем: «Привет, мы тут, наверху!» –

простодушно спросил Кийт.

Злокозния вздохнула.

– Ты что, вообще не понимаешь, что такое драматический эффект? Послушайте, мой отец уехал в ратушу на встречу с остальными членами городского совета. Он говорит, посуда стала последней каплей!

– Посуда? – уточнил Морис. – Ты разболтала ему про Сардины?

– Мне пришлось сказать, что я испугалась огромной крысы и попыталась взобраться на шкаф, – объяснила Злокозния.

– Ты солгала?

– Я всего лишь сочинила историю, – невозмутимо возразила Злокозния. – Кстати, история получилась отличная. И куда более правдоподобная, чем сама правда. Крыса, отплясывающая чечетку? Впрочем, отец слушал вполуха, сегодня *очень* много жалоб. Эти ваши дрессированные крысы людям здорово на нервы действуют. Я прямо злорадствую.

– Но они не наши крысы, они свои собственные крысы, – возразил Кийт.

– И работают они шустро, – гордо заявил Морис. – Не валяют дурака, когда надо... э, повалять дурака.

– В прошлом месяце мы побывали в одном городе, так там совет вызвал дудочника уже на следующее утро, – похвастался Кийт. – Это был великий день Сардины.

– Мой отец долго орал и разорялся, а потом послал за Бланкеттом и Спирзом, – отозвалась Злокозния. – Ну, то есть за крысоловами! Вы ведь понимаете, что это значит, правда?

Морис с Кийтом переглянулись.

– Предположим, что не понимаем, – промолвил Морис.

– Это значит, что мы можем вломиться к ним в здание и разгадать тайну хвостов с эглетами! – объявила Злокозния. И критически покосилась на Мориса. – Разумеется, будь мы четырьмя детьми и собакой, мы бы подошли куда лучше: это правильный состав для приключения. Ну да обойдемся тем, что есть.

– Эй, мы крадем только у правительства! – напомнил Морис.

– Эгм, и только у такого правительства, которое никому не приходится отцом, – смутился Кийт.

– И что? – Злокозния посмотрела на парнишку как-то странно.

– И поэтому мы вовсе даже не преступники! – объяснил Морис.

– Да, но когда мы раздобудем улики, мы отнесем их совету, и тогда это будет вообще никакое не преступление, потому что мы всех спасем, –

устало и терпеливо объяснила Злокозня. – Конечно, очень может статься, что городской совет и Стража в сговоре с крысоловами, так что доверять нельзя никому. Вы что, вообще книги в руках не держали? Скоро стемнеет, я зайду за вами, и мы навернем висяк.

– А мы это умеем? – усомнился Кийт.

– Да. С помощью шпильки для волос, – объяснила Злокозня. – Я знаю, так делают; я об этом сто раз читала.

– А что там за висяк? – уточнил Морис.

– Здоровенный и тяжелый, – сообщила Злокозня. – С таким, понятное дело, работать легче. – Девочка резко развернулась и выбежала из конюшни.

– Морис? – окликнул Кийт.

– Да?

– А что такое висяк и как его наворачивают?

– Понятия не имею. Может, замок?

– Но ты сказал...

– Да, но я просто пытался не дать ей замолкнуть, а то она, чего доброго, на людей бросаться станет, – фыркнул Морис. – Она тронутая, точно тебе говорю. Одна из тех... которые вроде как актеры. Ну, знаешь, все время играют роль. А в реальном мире вообще не живут. Как будто жизнь – это такая увлекательная история. Фасоль Опасно-для-Жизни тоже немного сродни ей. Чрезвычайно опасный тип, на мой взгляд.

– Он очень добрый и мудрый крыс!

– Ну да, но, видишь ли, беда в том, что он думает, будто все вокруг такие же, как он. С такими неприятностей не оберешься, малыш. А эта наша подружка, она считает, что жизнь устроена в точности как волшебная сказка.

– Но это ж никому не вредит, так?

– Ага, но в волшебных сказках если кто-то и умирает, это просто слова...

Взвод № 3 Тяжелого Гадства отдыхал; в любом случае у взвода закончились боеприпасы. Никому не хотелось проходить мимо капкана туда, где в стене сочилась струйка воды. А уж заглядывать в капкан так тем более никому не хотелось.

– Бедный старина Фреш, – вздохнул кто-то. – Хороший был крыс.

– Смотреть надо, куда идешь, – буркнул кто-то.

– Он думал, лучше всех все знает, – подхватил третий. – Но так-то славный был парень, хоть и пованивал малость.

– Так давайте достанем его из капкана, а? – предложил первый. – Как-

то оно неправильно – просто бросить его там, и все.

– Ага. Тем более что жрать ужас до чего хочется.

– Фасоль Опасно-для-Жизни говорит, нам вообще не следует есть крыс, – напомнил кто-то.

– Нет, это только если не знаешь, отчего крыса сдохла, потому что вдруг от яда, – возразил другой.

– Но мы же знаем, отчего помер Фреш. От расплющивания. Расплющивание не передается, – встрял еще кто-то.

Все уставились на покойного Фреша.

– А как вы думаете, что происходит после смерти? – медленно проговорила какая-то крыса.

– Тебя съедают. Ну или ты весь высыхаешь, или плесневеешь.

– Что, целиком?

– Нет, лапки обычно оставляют.

– А как же то, что внутри? – настаивала любопытная крыса. А та, что упомянула про лапки, ответила:

– А, ты про такое мягкое, зеленое и студенистое? Нет, этого тоже лучше не жрать. На вкус такая гадость!

– Нет, я имею в виду тот кусочек внутри тебя, который и есть – ты. Он-то куда девается?

– Прости, не понял.

– Ну... знаешь... вроде как сны?

Крысы закивали. Про сны они знали. Когда крысам начали сниться сны, это явилось настоящим потрясением.

– Ну, знаешь, в снах, когда за тобой гонятся псы, или ты летаешь по воздуху, или что-нибудь... а кто это все делает? Это ведь не твоя тушка, потому что тушка спит. Так что, видимо, внутри тебя живет еще какая-то невидимая часть, так? А когда ты умер, ты ведь все равно что спишь, верно?

– Нет, не все равно, – неуверенно отозвалась другая крыса, покосившись на плоскую лепешку, что когда-то была Фрешем. – Ну то есть, когда ты спишь, из тебя кровь не вытекает и внутренности не вываливаются. И ты потом просыпаешься.

– Так вот, – продолжала крыса, которая и задала вопрос про невидимый кусочек, – когда ты просыпаешься, куда девается сновидящая часть? А когда ты умираешь, куда отправляется та часть, которая у тебя внутри?

– Типа зеленая, мягкая и студенистая?

– Да нет же! Та, которая у тебя позади глаз!

– А, такая розовато-серая?

– Да нет, не она! Невидимая часть!

– А мне откуда знать? Я невидимую часть никогда и не видел!

Все крысы снова воззрились на Фреша.

– Не нравятся мне эти разговоры, – поежилась одна. – Они напоминают мне про тени в свечном свете.

– А вы слышали про Костяную Крысу? – прошептал кто-то. – Говорят, она приходит за тобой, когда ты сдохнешь.

– Говорят, говорят, мало ли что говорят, – пробурчала другая. – А еще *говорят*, есть такая Большая Подземная Крыса, которая создала все сущее, вот как говорят. Значит, и человеков тоже? Видать, Крыса эта уж больно нас любит, если взяла и создала еще и человеков! Э?

– А мне откуда знать? Может, человеков создал Большой Человек?

– Да хорош глупости-то болтать, – оборвал ее вечно во всем сомневающийся крыс по имени Томат.

– Ладно, ладно, но вы должны признать, что все сущее не могло просто, ну, взять да и появиться, так? Должна быть какая-то причина. А Фасоль Опасно-для-Жизни говорит, что мы должны поступать так-то и так-то, потому что это *правильно*, но кто определяет, что правильно, а что нет? Откуда берутся понятия добра и зла? *Говорят*, если ты был хорошей крысой, то у Большой Крысы, может статься, есть такой туннель, битком набитый вкусной едой, и Костяная Крыса отведет тебя туда...

– Но Фреш все еще здесь! И никакой костлявой крысы я не видел!

– Да, но говорят, ее видит только тот, за кем она пришла!

– О? О? – откликнулась еще одна крыса, разнервничавшаяся до ядовитого сарказма. – Тогда как же ее видели те, которые «говорят», а? А ну-ка, ответь! Жизнь и без того не сахар, чтобы еще беспокоиться насчет всякого-разного невидимого!

– *Так, так, что тут происходит?*

Крысы разом обернулись – и у всех разом отлегло от сердца: к ним навстречу по туннелю рысил Гуталин.

Гуталин протолкался к капкану. С собой он привел Питательную. Он считал, крысе из капканного взвода стоит как можно раньше узнать, какова цена ошибки.

– Ясно, – обронил он, глядя на капкан. И печально покачал головой. – А что я всем говорил?

– Не соваться в туннели, которые еще не размечены, сэр, – отозвался Томат. – Но Фреш, он... вечно он во время объяснений ушами хлопал. И так и рвался вперед, сэр.

Гуталин осмотрел капкан, стараясь сохранять на морде выражение деловитой уверенности. Получалось, впрочем, плоховато. Таких капканов ему еще не попадалось. Пренеприятная штукавина, не столько разрубает, сколько расплющивает. И установили его там, где крыса, спешащая к воде, непременно его заденет.

– Ну что ж, больше ему хлопать ушами не придется, – отозвался Гуталин. – Морда больно знакомая. Ну, то есть не считая выпученных глаз и вываленного языка.

– Эгм, вы только сегодня утром говорили с Фрешем на переключке, сэр, – напомнила какая-то крыса. – Сказали, что талант гадить он впитал с молоком матери, так что пусть идет и гадит, сэр.

Гуталин бесстрастно дослушал до конца. И объявил:

– Нам пора. Тут повсюду капкан на капкане. Мы расчистим путь и к вам вернемся. И никто чтобы дальше этого туннеля и носа не совал, ясно? А теперь все дружно: «Так точно, Гуталин!»

– Так точно, Гуталин! – громыхнул хор.

– И пусть кто-нибудь постоит на страже, – велел Гуталин. – Там дальше могут быть еще капканы.

– А с Фрешем что делать, сэр? – уточнил Томат.

– Зеленую студенистую часть не жрите, – напомнил Гуталин и умчался прочь.

«Капканы! – думал он. – Их слишком много. И слишком много яду. Даже опытные бойцы взвода и те уже разнервничались». Ему не нравилось сталкиваться с неизведанным. Ты выясняешь, что такое это неизведанное, только когда оно тебя убивает.

Крысы рассыпались под городом – и город оказался не похож на все прочие. Здесь – одна сплошная ловушка для крыс. И – ни одного живого кишкика. Ни единого. Это ненормально. Крысы живут везде. Где есть человеки, там и крысы.

А в придачу ко всему молодые крысы тратят слишком много времени на размышления о... о всяком-разном. О том, чего нельзя ни увидеть, ни унюхать. О всяких призрачных штуках. Гуталин покачал головой. В туннелях таким мыслям не место. Жизнь – реальна, жизнь – практична, и жизни можно лишиться *очень быстро*, если утратишь бдительность...

Труся вслед за Гуталином по водосточной трубе, Питательная оглядывалась по сторонам и нюхала воздух.

– Так держать, – похвалил Гуталин. – Осторожность никогда не помешает. Нельзя бежать сломя голову. Бывает, что крысе впереди тебя просто повезло и она не задела спусковое устройство.

- Так точно, сэр.
- Но *слишком* беспокоиться тоже не нужно.
- Он выглядел ужасно... ужасно плоским, сэр.
- Дурни всегда бегут сломя голову, Питательная. По сторонам не смотрят.

Гуталин чувствовал, как вокруг него нарастает страх. Это его тревожило. Если Изменившиеся запаникуют, они запаникуют по-крысьи. А туннели этого города – не лучшее место для охваченной ужасом крысы. Но если одна крыса нарушит строй и кинется бежать со всех ног, большинство последует за ней. В туннелях правит запах. Когда все в порядке, всем хорошо. Но когда приходит страх, он растекается по крысиным ходам точно паводковые воды. Паника в крысином мире – все равно что заразная болезнь.

Они нагнали капканный взвод, но и там настроение царило подавленное. На сей раз обнаружился новый яд.

– Беспокоиться не о чем, – заверил Гуталин, изнывая от беспокойства. – Нам и раньше попадались новые яды, верно?

– Уже давным-давно не попадались, – возразила одна из крыс. – Помните ту отраву в Скроте? С блестящими синими вкраплениями? На него наступишь – и жжет? Оглянуться не успеешь, как уже и вляпался!

– И здесь такой же?

– Идите сами поглядите.

В одном из туннелей на боку лежала крыса, судорожно поджав лапки, точно стиснутые кулачки. И жалобно постанывала.

Гуталину хватило одного взгляда, чтобы понять: для этой крысы все кончено. Это только вопрос времени. Там, в Скроте, это был вопрос времени долгого и мучительного.

– Я могу прокусить ей затылок, – предложила одна из крыс. – Тогда она умрет быстро.

– Очень великодушно с твоей стороны предложить помощь, но эта дрянь всасывается в кровь, – объяснил Гуталин. – Найдите капкан с челюстями, еще не обезвреженный. Только поосторожнее.

– Вы хотите *положить* крысу в *капкан*, сэр? – не поверила своим ушам Питательная.

– Да! Лучше умереть быстро, чем медленно!

– И все равно это как-то... – запротестовала было крыса, предлагавшая прокусить бедняге затылок.

Гуталин оцетинился. Он встал на дыбы, оскалил зубы.

– Делай что велено, или я сам тебя укушу! – взревел он.

Крыса отпрянула и вжалась в землю.

– Хорошо, Гуталин, как скажешь...

– И предупредите все остальные взводы! – взревел Гуталин. – Это не просто ловля крыс, это *война!* Все осторожно отступаем на исходные позиции! Никому ничего не трогать! Мы идем в... *Да?* Ну, что на *этот* раз?

К Гуталину подползла мелкая крыска. Охотник за капканами стремительно развернулся, и крыска торопливо припала к земле и едва ли не на спину перекатилась, показывая, какая она маленькая и безобидная.

– Простите, сэр... – пролепетала она.

– Да?

– Мы нашли живую...

Глава 6

Мистер Зайка знал: приключения бывают большие и маленькие. И никто не скажет тебе, какого оно размера, пока не пустишься в путь. А порою случается ввязаться в большое приключение, даже с места не стронувшись.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

– Эй? Эй, это я. Сейчас я постучу условным стуком. – Послышались три удара в дверь, а затем вновь раздался голос Злокознии: – Эй, вы там, вы слышали условный стук?

– Может, если мы затаимся и промолчим, она уйдет, – предположил Кийт, уютно угнездившийся в соломе.

– Не думаю, – вздохнул Морис. И громко ответил: – Мы тут, наверху!

– А теперь ты должен постучать условным стуком! – прокричала Злокозния.

– О, *прблттррррп*, – пробормотал про себя Морис. По счастью, никому из людей не ведомо, какое это страшное ругательство на кошачьем языке. – Слушай, это я. О'кей? Кот? Говорящий? И как же ты меня узнаешь? Может, мне алую гвоздику нацепить?

– Мне кажется, ты неправильный говорящий кот, – пропыхтела Злокозния, карабкаясь по лестнице. Она и сегодня была вся в черном, а волосы спрятала под черной косынкой. С плеча ее свешивался огромный мешок.

– А как ты догадалась? – съязвил Морис.

– Ну, в смысле ты ж не в сапогах и ни меча, ни широкополой шляпы с пером у тебя тоже нет, – объяснила девочка, забираясь на сеновал.

Морис уставился на нее во все глаза.

– Сапоги? – выговорил он наконец. – На *этих* лапах?

– О, у меня в книжке такая картинка была, – невозмутимо объяснила Злокозния. – Глупая книжонка, для малышни. Там было полным-полно зверюшек, одетых как люди.

Морису пришло в голову – причем не в первый раз! – что если дать деру прямо сейчас, то и пяти минут не пройдет, как он уже выберется из

этого города и поплывет по реке на какой-нибудь барже...

Когда-то – в ту пору он был еще совсем котенком – его взяла к себе одна маленькая девочка, нарядила в кукольное платьице и усадила за столик вместе с двумя куклами и тремя четвертями плюшевого медвежонка. Морису удалось сбежать через открытое окно, но из платьица он выдирался чуть не до ночи. А ведь этой девчонкой вполне могла быть Злокозня! Она полагает, что звери – это те же люди, просто с ними надо поостроже.

– Я не ношу одежды, – отрезал Морис. Фраза, конечно, не ахти, но уж всяко лучше, чем «по-моему, ты дура набитая».

– А стоило бы, – отозвалась Злокозня – Уже почти стемнело. Пошли! Мы прошмыгнем бесшумно, как кошки!

– Ладно, уговорила, – откликнулся Морис. – Думаю, уж с этим-то я справлюсь.

Несколько минут спустя он пришел к выводу, что ни одна кошка отродясь не шмыгала так, как Злокозня. Девчонка явно считала, что нет смысла выглядеть неприметно, если никто не *видит*, насколько ты неприметный. Даже прохожие останавливались и засматривались на Злокознию – как она кралась вдоль стен или перебегала от двери к двери. Морис с Кийтом неспешно шли следом за ней. На них никто вообще не обращал внимания.

Наконец Злокозня свернула в узкий проулок и остановилась у черного здания с дверью под громадной деревянной вывеской. На вывеске были изображены крысы – что-то вроде огромной звезды из крыс, связанных друг с другом хвостами.

– Это знак древней Гильдии Крысоловов, – прошептала Злокозня, скидывая с плеча мешок.

– Знаю, – кивнул Кийт. – Жуткое зрелище.

– Однако ж орнамент небезынтересный, – возразила Злокозня.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на дверь под вывеской, – это здоровенный висячий замок. Странно, подумал Морис. Если от крыс ноги лопаются, тогда зачем бы крысоловам запирать свою мастерскую на здоровенный замок?

– К счастью, я подготовлена к любым непредвиденным обстоятельствам, – промолвила Злокозня, запуская руку в мешок. Внутри что-то загромыхало – точно поворошили груды бутылок и железа.

– Что у тебя там? – любопытствовал Морис. – Похоже, целый склад?

– Крюк-захват и веревочная лестница очень много места занимают, – объяснила Злокозня, продолжая шарить в мешке. – И еще большая

аптечка, и малая аптечка, и нож, и еще один нож, и швейный набор, и зеркальце, чтобы подавать сигналы, и... вот это...

Девочка вытащила небольшой сверточек из черной ткани. Она развернула ткань – и в глаза Морису блеснул металл.

– А, – кивнул кот. – Отмычки, да? Видал я взломщиков за работой...

– Шпильки для волос, – объявила Злокозня, выбирая подходящую. – В книгах шпильки всегда срабатывают. Ты просто засовываешь одну такую в замочную скважину и проворачиваешь. Я несколько штук заранее согнула.

И снова по спине Мориса пробежал холодок. Шпильки срабатывают в историях, думал он. Ох ты ж, ешкин кот...

– А с какой стати ты так хорошо разбираешься во взломе замков? – любопытствовал он.

– Я же говорила, меня в наказание вы-пирают из моей комнаты, – объяснила Злокозня, проворачивая шпильку.

Морису случалось наблюдать за работой грабителей. Те, кто вламываются ночами в чужие дома, ненавидят собак, а вот против котиков ничего не имеют. Ведь коты не пытаются перегрызть им горло. И, как хорошо знал Морис, вору обычно приносят с собой сложные маленькие инструментики, которыми и пользуются с превеликой осторожностью и аккуратностью. Вору не прибегают к дурацк...

Щелк!

– Отлично, – произнесла Злокозня, очень довольная собою. Замок открылся.

– Да повезло просто, – буркнул Морис. И оглянулся на Кийта. – Ты ведь согласен со мной, что это чистой воды везение, да, малыш?

– Мне-то откуда знать? – откликнулся Кийт. – Я в жизни не видел, как это делается.

– А я знала, что шпилька работает, – заявила Злокозня. – Она же сработала в волшебной сказке «Седьмая жена Зеленой Бороды»: так пленница выбралась из Комнаты Ужаса и воткнула злодею в глаз замороженную селедку.

– Это была волшебная сказка? – удивился Кийт.

– Ага, – гордо подтвердила Злокозня. – Из «Гриммарных сказок сестер Гримм».

– Какое-то у вас волшебство неправильное, – покачал головой Морис. Злокозня толкнула дверь.

– Ох, нет, – простонала она. – Я такого не ожидала...

Где-то внизу, под лапами Мориса, примерно в одной улице оттуда,

одна-единственная живая местная крыса, которую нашли Измененные, припала к земле перед Фасолью Опасно-для-Жизни. Взвод отозвали назад. День явно не задался.

Капканы, которые не убивают, размышлял Гуталин. Иногда попадаются и такие. Иногда человеки хотят поймать крыс живьем.

Гуталин не доверял человекам, которые ловят крыс живьем. Честные капканы, которые убивают сразу... они, конечно, штуки скверные, но обычно их удается избежать, и в них по крайней мере ощущается нечто *чистое*. А живоловки – все равно что яд. Они *жульничают*.

Фасоль Опасно-для-Жизни рассматривал новенькую. Странно, но крыс, который умел думать самые что ни на есть некрысиные мысли, лучше всех прочих находил общий язык с *кикиками*, вот только «находить общий язык» – не совсем то выражение. Никто не обладал таким чутьем, как Фасоль Опасно-для-Жизни, – даже Гуляш не смог бы с ним потягаться.

Никаких неудобств новенькая никому не доставляла. Во-первых, ее окружали крысы крупные, откормленные и мускулистые, так что она всем своим телом изо всех сил почтительно твердила: «сэр». Измененные принесли ей немного еды; новенькая ее не столько ела, сколько жадно заглатывала.

– Она сидела в коробке, – сообщил Гуталин, рисуя что-то палкой на полу. – Тут таких очень много.

– Я однажды в такую попался, – вспомнил Гуляш. – Пришла человеческая самка – и вытряхнула меня за забор. Я вообще не понял, что это было.

– Думаю, некоторые человеки поступают так по доброте душевной, – объяснила Персики. – Они выдворяют крысу из дома, не убивая ее.

– Ну, самка с того нимало не выиграла, – ухмыльнулся Гуляш, очень собою довольный. – Я той же ночью вернулся и нагадил на сыр.

– Я не думаю, что здесь кто-то пытается проявить доброту, – возразил Гуталин. – В живоловке была еще одна крыса. Ну, по крайней мере, некоторая ее часть, – уточнил он. – Думаю, эта ее ела, чтобы выжить.

– Очень разумно, – одобрил Гуляш.

– Мы еще кое-что нашли, – сообщил Гуталин, продолжая вычерчивать в грязи какие-то бороздки. – Вы это видите, сэр?

На полу обозначились какие-то линии и загогулины.

– Хрумф, понятное дело, я их вижу, но я вовсе не обязан знать, что они такое, – буркнул Гуляш. И потер нос. – Мне вот этого всегда хватало.

Гуталин терпеливо вздохнул.

– Тогда *почуйте*, сэр, что это... это изображение всех осмотренных

нами сегодня туннелей. Это... вроде как образ, который у меня в голове. Мы исследовали большую часть города. Там много... – он покосился на Персики, – много *добрых* ловушек, в основном пустых. И повсюду отравы. По большей части старая, давно там валяется. Очень много пустых живоловок. Очень много капканов-убийц, все еще заряженных. И никаких живых крыс. Вообще ни одной, кроме нашей... новой подружки. И мы знаем: здесь творится нечто очень странное. Я пообнюхался малость поблизости от того места, где ее нашел, и почуял крыс. Множество крыс. В смысле, *огромное* множество.

– Живых? – уточнил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Да.

– И все в одном месте?

– Судя по запаху, да, – кивнул Гуталин. – Думаю, нужно выслать один из взводов на разведку.

Фасоль Опасно-для-Жизни подошел поближе к новенькой и снова ее обнюхал. Крыска обнюхала его. Они соприкоснулись лапками. Измененные потрясенно наблюдали за происходящим. Фасоль обращался с *кикикой* как с *равной*.

– Много всего, очень много, – пробормотал он. – Много крыс... и человек... и страх... много страха... много крыс, тесно... еда... крыса... вы говорите, она ела крысу?

– Так уж устроен мир: крысы жрут друг друга, – подтвердил Гуляш. – Так всегда было и будет.

Фасоль Опасно-для-Жизни наморщил нос.

– Там еще что-то. Что-то... непонятное. Странное... Она здорово напугана.

– Она ж побывала в ловушке, – встряла Персики. – А потом повстречала нас.

– Нет, это что-то гораздо... гораздо хуже, – объяснял Фасоль. – Она... она боится нас, потому что мы чужие ей крысы, но от нее пахнет облегчением, потому что мы не то... не то, к чему она привыкла...

– Человеки! – сплюнул Гуталин.

– Нет... не... думаю...

– Другие крысы?

– Да... и нет... я... не... сложно сказать...

– Собаки? Кошки?

– Нет. – Фасоль Опасно-для-Жизни отступил на шаг. – Что-то новое.

– А что нам с ней делать? – спросила Персики.

– Отпустим ее, надо полагать.

– Ни в коем случае! – возразил Гуталин. – Мы обезвредили все капканы, какие нашли, но тут повсюду отравы. Я бы и *мышь* не отпустил одну в здешние туннели. Эта крыса не пыталась на нас напасть, в конце-то концов.

– И что? – не понял Гуляш. – Что нам до еще одной мертвой *кикики*?

– Я понимаю Гуталина, – поддержала Персики. – Мы не можем вот так просто отправить ее на верную смерть.

Большие-Скидки шагнула вперед, обняла молодую крыску лапой и покровительственно привлекла к себе. И свирепо зыркнула на Гуляша. Да, она могла порою куснуть его в момент раздражения, но спорить с ним не спорила. Для этого она была слишком стара. Но всем своим видом она словно говорила: все мужики тупицы, ты, тупой старый крыс.

Гуляш был в замешательстве.

– Но мы же убивали *кикиков*, – удрученно напомнил он. – Зачем нам таскать за собою эту?

– Мы не можем послать ее на верную смерть, – снова объяснила Персики, оглядываясь на Фасоль. Его розовые глазки отрешенно-мечтательно смотрели в никуда.

– То есть вы хотите, чтобы она бегала за нами по пятам, жрала нашу еду и путалась под ногами? – не поверил Гуляш. – Она же не умеет ни говорить, ни думать!..

– Еще совсем недавно мы тоже не умели! – огрызнулась Персики. – Мы все были такие, как она!

– Но теперь мы научились думать, крысявка! – ошетинился Гуляш.

– Да, – тихо подтвердил Фасоль. – Теперь мы научились думать. Мы научились думать о том, что мы делаем. И мы способны пожалеть ни в чем не повинное существо, которое не желает нам зла. Вот поэтому она может остаться.

Гуляш резко обернулся. Фасоль Опасно-для-Жизни по-прежнему разглядывал новенькую. Гуляш непроизвольно поднялся на дыбы, изготываясь к бою. Но Фасоль ничего не замечал.

Персики встревоженно следила за старым крысом. Ему бросил вызов хилый заморыш, который в драке и минуты не продержится. А Фасоль Опасно-для-Жизни даже не сознавал, что ведет себя вызывающе.

Он в таких категориях не мыслит, напомнила себе Персики.

Прочие крысы тоже неотрывно наблюдали за Гуляшом. Ведь они-то все еще мыслили на старый лад и теперь с нетерпением ждали реакции вожака.

Но даже Гуляш смутно понимал, что напасть на белого крыса

совершенно немыслимо. Все равно что отрезать собственный хвост. И он заставил себя расслабиться.

– Это же просто крыса, – пробормотал он.

– Но ты-то, милый Гуляш, не таков, – напомнил Фасоль. – Не пойти ли тебе с отрядом Гуталина, чтобы помочь выяснить, откуда она взялась? Это ведь наверняка опасно.

Гуляш снова ощетинился.

– Я не боюсь опасностей! – проревел он.

– Конечно, нет. Вот поэтому пойти следует тебе. Она-то насмерть напугана, – объяснил Фасоль.

– Я никогда и ничего не пугался! – заорал Гуляш.

Вот теперь Фасоль обернулся к нему. В розовых глазках отражалось свечное пламя. Гуляш был не из тех крыс, которые тратят время на пустые размышления о том, чего не увидишь, не унюхаешь и не куснешь, но...

Он вскинул голову. В свечном свете по стене плясали огромные крысиные тени. Гуляш слышал, как молодые крысы рассуждают про тени и сны и что случается с твоей тенью после смерти. Вся эта ерунда старика не тревожила. Тени-то не кусаются. Теней бояться нечего. Но прямо сейчас в голове вожака прозвучал его же собственный голос: «Я боюсь того, что видят эти глаза». Он сердито зыркнул на Гуталина, который по-прежнему вычерчивал что-то в грязи одной из своих палочек.

– Я пойду; скажу больше, я поведу отряд, – заявил он. – Я тут самый старший!

– Да на здоровье, – кивнул Гуталин. – В любом случае впереди пойдет мистер Тиктак.

– А мне казалось, он разлетелся вдребезги еще на той неделе, – напомнила Персики.

– У нас еще два оставалось, – отозвался Гуталин. – А потом опять придется зоомагазин грабить.

– Вожак тут я, – не унимался Гуляш. – И это я буду говорить тебе, что делать, Гуталин.

– Как скажете, сэр, как скажете, – согласился Гуталин, продолжая рисовать в грязи. – Вы ведь знаете, как обезвреживать все эти капканы, верно?

– Нет, но я могу приказать тебе ими заняться!

– Хорошо, хорошо, – отозвался Гуталин, добавляя к своему рисунку пометку-другую и на вожака не глядя. – И вы мне, конечно же, подскажите, какие рычаги лучше не трогать, а какие детали расклинить, так?

– Я не обязан разбираться в капканах, – буркнул Гуляш.

– Да, но я – обязан, – по-прежнему невозмутимо заявил Гуталин. – И я говорю вам, что в некоторых новых капканах я и сам не все понимаю, и, пока я всего не пойму, я *со всем моим почтением* предлагаю предоставить это дело мне.

– Так со старшей крысой не разговаривают!

Гуталин впился в него взглядом. Персики затаила дыхание.

Вот оно, противоборство, думала она. Вот так и выясняется, кто тут вожак.

– Прошу прощения. Если я был дерзок, то не намеренно, – промолвил Гуталин.

Персики всей шкурой чувствовала, как потрясены старые самцы, наблюдавшие за происходящим. Гуталин. Он пошел на попятный! Он не прыгнул.

Но и не съезжился от страха.

Вздыбленная шерсть Гуляша улеглась. Старый крыс был в растерянности: что делать? как быть? Все сигналы поперепутались.

– Ну, э...

– Самоочевидно, что вы, как вожак, должны отдать приказ, – подсказал Гуталин.

– Да, эгм...

– Но мой вам совет, сэр, надо разобраться, что происходит. Неведомое таит опасность.

– Да. Безусловно, – согласился Гуляш. – Конечно, надо. Мы разберемся. Разумеется. Займись этим. Вожак – я, и именно так я и говорю.

Морис оглядел подсобку крысоловов изнутри.

– Выглядит в точности как подсобка крысоловов, – подтвердил он. – Скамьи, стулья, плита, крысиные шкурки сушатся, горы старых капканов, парочка собачьих намордников, рулоны проволочной сетки, и повсюду наглядные свидетельства того, что пыль здесь в жизни не вытирали. Чего-то подобного я от подсобки крысоловов и ждал.

– А я ждала чего-то... жуткого, но интересного, – возразила Злокозня. – Какой-нибудь страшной улики.

– А улика непременно должна быть? – уточнил Кийт.

– Конечно! – подтвердила Злокозня, заглядывая под стул. – Слушай, кот, все люди делятся на две группы: те, у кого есть хороший сюжет, и те, у кого нету.

– Но в мире никакого сюжета нет, – возразил Морис. – События просто... случаются, одно за другим.

– Это ты так думаешь, – заявила Злокозня, слишком уж

самодовольно, на Морисов вкус. – Сюжет есть всегда. Надо просто знать, куда смотреть. – Девочка на миг задумалась и тут же воскликнула: – Надо знать, куда смотреть, ну конечно! Тут наверняка есть потайной ход! Все немедленно ищите дверь в потайной ход!

– Эгм... а как мы узнаем, что это дверь в потайной ход? – уточнил Кийт с видом еще более озадаченным, чем обычно. – А как потайной ход хоть выглядит?

– Ну, конечно, на потайной ход он вообще не похож!

– А, ладно, тогда я вижу десятки потайных ходов, – заявил Морис. – Двери, окна, календарь от производителя ядов «Акме», вон тот шкаф, вон та крысиная нора, и стол, и...

– Сарказм тут неуместен, – упрекнула Злокозня, приподнимая календарь и внимательно изучая стену за ним.

– Вообще-то это была легкая ирония, – поправил Морис. – Но могу включить сарказм, если хочешь.

Кийт во все глаза глядел на длинную скамью под окном, затянутым вековой паутиной. На скамье грудой громоздились капканы. Всевозможные капканы. А рядом с ними рядами стояли помятые старые банки и коробки с этикетками вроде: «Опасно для жизни: гидропероксид!», и «Крысиная смерть», и «Крысобою», и «ОтКрыс», и «Полипутакетлон: использовать с соблюдением мер предосторожности», и «Крысид», и «Концентрат «Колючая проволока»: опасно для жизни», и – парнишка наклонился поближе, не веря глазам своим, – «Сахар». Тут же стояли две кружки и заварочный чайник. На лавку – и даже отчасти на пол – просыпались белые, зеленые и серые порошки.

– Лучше б помог, что ли, – буркнула Злокозня, простукивая стены.

– Так я ж не знаю, как искать что-то такое, что выглядит совсем не так, как то, что я ищу, – запротестовал Кийт. – Слушай, они хранят яды рядом с сахаром! И сколько у них этих ядов...

Злокозня отошла назад и убрала с глаз волосы.

– Ничего не получается, – пожаловалась она.

– А если я предположу, что никакого потайного хода, тут, возможно, нет? – мурлыкнул Морис. – Да, понимаю, идея довольно смелая, но вдруг это просто-напросто самая обыкновенная подсобка?

Под яростным взглядом Злокознии даже Морис непроизвольно отпрянул.

– Потайной ход непременно должен быть, – отрезала девочка. – Иначе всякий смысл пропадает. – Она щелкнула пальцами. – Ну конечно же! Мы все делаем неправильно! Всем известно, что если специально искать

потайной ход, то его никогда не найдешь! А вот когда ты уже отчаялся и прислонился к стене, ты случайно нажимаешь на тайную пружину!

Морис беспомощно оглянулся на Кийта. Он же, в конце концов, человек! Он просто обязан знать, как управляться с такими, как Злокозня. Но Кийт как ни в чем не бывало бродил себе по подсобке, глаза по сторонам.

Злокозня со всей доступной небрежностью облокотилась о стену. Но ничего не щелкнуло. В полу не откинулась никакая створка.

– Наверное, я не там стою, – предположила девочка. – А попробую-ка я нечаянно опереться вот на этот крюк для одежды. – Но замаскированная дверь в стене отпираться категорически отказывалась. – Вот будь здесь изысканно украшенный подсвечник, это бы здорово помогло делу, – вздохнула Злокозня. – Такие подсвечники, к гадалке не ходи, всегда оказываются рычагом, открывающим потайной ход! Любой искатель приключений об этом знает.

– Но подсвечника тут нет, – напомнил Морис.

– Вижу. Некоторые вообще не умеют проектировать правильные потайные ходы, – фыркнула Злокозня. Она прислонилась к другому участку стены – и снова безрезультатно.

– Боюсь, так ты его не найдешь, – промолвил Кийт, внимательно осматривая какую-то ловушку.

– Да ну? Не найду, говоришь? – огрызнулась Злокозня. – Ну, по крайней мере, я хотя бы конструктивна! А ты бы где искал, раз уж ты такой специалист по потайным ходам?

– Что делает в подсобке крысоловов крысиная нора? – вслух размышлял Кийт. – Тут пахнет мертвыми крысами, мокрой собачьей шерстью и ядом. Я бы, будь я крысой, в такое место даже не сунулся бы.

Злокозня негодуяюще воззрилась на него. А в следующий миг в лице ее отразилась напряженная сосредоточенность, как будто девочка прокручивала в голове несколько идей сразу.

– Да-а-а-а, – протянула она. – В историях оно обычно срабатывает. Чаще всего хорошую мысль случайно подбрасывает полный дурак. – Она опустилась на колени и заглянула в нору. – Тут такой рычажок, – сообщила она. – Сейчас я его чуть подтолкну...

Под полом что-то лязгнуло, половица откинулась – и Кийт исчез из виду.

– Ага, – кивнула Злокозня. – Я так и думала, что произойдет что-то в этом роде...

Мистер Тиктак с жужжанием катился по туннелю, подпрыгивая и

раскачиваясь.

Крысята пообкусывали ему уши, челюсти капкана оттяпали веревочный хвост, всевозможные ловушки оставили на его боках вмятины и щербинки, но мистер Тиктак обладал несомненным преимуществом: ловушки-сюрпризы не могли убить мистера Тиктака, потому что живым он не был, а живым он не был, потому что его приводил в действие механизм.

Ключ от завода жужжал и вращался. На спине у Тиктака горел свечной огарок. Остальные крысы капканного взвода № 1 не сводили с Тиктака глаз.

– Вот-вот, сейчас... – промолвил Гуталин.

Раздался громкий щелчок и звук, больше всего похожий на «глойнк!». Свет погас. Затем из глубины туннеля медленно выкатилась шестеренка и упала перед Гуляшом.

– То-то мне и показалось, что тут земля слегка взрыхлена, – удовлетворенно отметил Гуталин. И обернулся. – О'кей, ребята! Тащите сюда нового мистера Тиктака, и еще мне нужны шестеро добровольцев с веревкой – выкопать капкан и оттащить его в сторону!

– Если мы будем постоянно проверять каждый участок, мы далеко не продвинемся, Гуталин, – укорил Гуляш.

– Как скажете, сэр, – кивнул Гуталин, провожая глазами пробегающий мимо взвод. – Тогда ступайте вперед *вы*. Отличная мысль, потому что мистер Тиктак у нас остался один, последний. Надеюсь, зоомагазин в этом городишке найдется^[4]

·
– Мне просто казалось, нам надо поторапливаться, – отозвался Гуляш.

– О'кей, сэр, вперед и с песней. Только не забудьте крикнуть, где там следующая ловушка, прежде чем она вас прихлопнет.

– Гуталин, вожак здесь – я.

– Да, сэр, простите. Мы все немного устали.

– Нехорошее это место, Гуталин, – утомленно промолвил Гуляш. – Бывал я в разных пакостных *рпрптл* дырах, но в такой – никогда.

– Точно, сэр. Мертвое это место.

– Фасоль Опасно-для-Жизни еще слово какое-то специальное придумал – как бишь его?

– Здесь зло, – подсказал Гуталин, наблюдая, как взвод вытаскивает капкан из стен туннеля. В металлических челюстях застряли смятые пружины и шестеренки. – Тогда я не вполне уразумел, о чем это он. А теперь, кажется, понимаю, что он имел в виду.

Гуталин обернулся туда, где в конце туннеля трепетало пламя свечи, и

сграбастал пробегающую мимо крысу.

– Персики и Фасоль Опасно-для-Жизни пусть держатся сзади, ясно? – приказал он. – Ни шагу дальше: так им и передай!

– Так точно, сэр! – отозвалась крыса и унеслась прочь.

А разведчики опасно двинулись вперед. Туннель вывел в широкий старый водосток. По дну его стружкой сочилась вода. А сверху подходили еще трубы. Из них то и дело с шипением вырывался пар. Чуть дальше по водостоку сквозь уличную канализационную решетку просачивался тусклый зеленый свет.

Здесь пахло крысами. Запах был свежим. Собственно, а вот и крыса: грызет что-то с лотка, поставленного на обломок кирпича. Крыса оглянулась на Измененных – и пустилась бежать со всех ног.

– За ней! – завопил Гуляш.

– Нет! – крикнул Гуталин. Две крысы, что уже бросились было вдогонку за *кикиком*, застыли на месте.

– Я отдал приказ! – взревел Гуляш, оборачиваясь к Гуталину. Специалист по капканам на долю секунды припал к земле и объяснил:

– Безусловно. Но мне кажется, что Гуляш, *располагающий всей полнотой информации*, посмотрит на дело чуть иначе, нежели Гуляш, который закричал только потому, что увидел удирающую крысу, гммм? Понюхайте воздух!

Гуляш наморщил нос.

– Яд?

– Серый порошок № 2, – кивнул Гуталин. – Та еще гадость. Лучше держаться от него подальше.

Гуляш оглядел длинный водосток из конца в конец: достаточно широкий, чтобы в него протиснулся человек. Под потолком торчало множество труб поменьше.

– А тут *тепло*, – удивился крыс.

– Да, сэр. Персики читала путеводитель. Тут из земли бьют горячие источники; эту воду перекачивают в некоторые дома.

– Зачем?

– Чтобы мыться, сэр.

– Хрумф. – Эта мысль Гуляшу не нравилась. Слишком многие молодые крысы пристрастились к купанию.

Гуталин обернулся ко взводу.

– Гуляш приказывает *немедленно* закопать яд, нагадить сверху и отметить это место знаком!

Послышался металлический скрежет. Гуляш обернулся: Гуталин

извлек из набора инструментов длинный и тонкий металлический стержень.

– Это еще что за *крскрск*? – осведомился вожак.

Гуталин размахнулся странной штуковиной взад-вперед.

– Я попросил глуповатого парнишку смастерить мне вот это, – объяснил он.

Только тогда Гуляш осознал, что перед ним такое.

– Да это *меч*, – выдохнул он. – Ты взял идею из «Приключения мистера Зайки»?

– Ну да.

– Никогда не верил в эту чушь, – проворчал Гуляш.

– Но острее есть острее, – невозмутимо возразил Гуталин. – Кажется, мы уже почти догнали остальных крыс. Большинству стоит остаться здесь... сэр. – Гуляшу почудилось, что ему снова приказывают, но Гуталин держался безукоризненно вежливо. – Я предлагаю вот что: пусть несколько крыс пройдут вперед и разнюхают обстановку, – продолжал специалист по капканам. – Тут очень пригодится Сардины; понятное дело, я тоже пойду, и...

– И я, – отрезал Гуляш. И свирепо зыркнул на Гуталина.

– Как скажете, – кивнул тот.

Глава 7

Хитрый Змейс Олли развернул дорожный указатель не в ту сторону, так что мистер Зайка даже не подозревал о том, что сбился с пути. Он шел не на чаепитие к Горностаюшке Говарду. Он направлялся напрямиком в Темный лес!

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Злокозня разглядывала открывшийся люк, словно бы оценивая его по десятибалльной системе.

– Недурно спрятан, – похвалила она. – Естественно, что мы его не заметили.

– Я почти не ушибся! – крикнул из темноты Кийт.

– Молодец, – похвалила Злокозня, все еще внимательно изучая крышку люка. – Ты там глубоко?

– Тут что-то вроде погреба. Со мной все в порядке: я приземлился на какие-то мешки.

– Ладно, ладно, хватит уже жаловаться, приключение всегда подразумевает некоторую степень риска, – отмахнулась девочка. – Вот тут, кстати, приставная лестница начинается. Почему ты не воспользовался ею?

– Не смог, потому что падал мимо, – откликнулся голос Кийта.

– Хочешь, я отнесу тебя вниз? – спросила Злокозня Мориса.

– Хочешь, я выцарапаю тебе глаза? – откликнулся Морис.

Злокозня наморщила лоб. Она всегда выглядела недовольной, если чего-то не понимала.

– Это был сарказм? – уточнила она.

– Это было предположение, – объяснил Морис. – Я не терплю чужих рук. Ты спускайся, я – за тобой.

– Но у тебя же лапы не приспособлены для приставных лестниц!

– Я разве позволяю себе комментировать *твои* ноги?

Злокозня спустилась в темноту. Послышался металлический лязг, вспыхнула спичка.

– Ой, сколько мешков! – воскликнула девочка.

– Знаю, – раздался голос Кийта. – Я на них приземлился. Я же говорил.

– Тут зерно! И... и целые связки колбас и сосисок! А вот копченое мясо! Ящики с овощами! Да тут еды полным-полно! Ааррргх! Брысь! Брысь от моих волос, говорю! Этот кот взял и прыгнул мне на голову!

Морис соскочил с девочкиной головы вниз, на мешки.

– Ха! – возвестила Злокозня, потирая затылок. – А нам говорили, будто крысы сожрали все подчистую. Теперь понятно, в чем дело. Крысоловы способны пролезть везде, они знают все канализационные трубы и все подвалы как свои пять пальцев... и подумать только, этим ворюгам еще и платят из *наших* налогов!

В неверном свете фонаря, что держала Злокозня, Морис оглядел погреб. Действительно, еды тут было – просто завались! С потолка свисали сетки, битком набитые здоровенными, увесистыми, белыми кочанами капусты. А от балки к балке петлями протянулись связки вышеупомянутых колбас. И повсюду – кувшины, и бочки, и бессчетные мешки. И все это, сказать по чести, кота очень беспокоило.

– Что ж, все ясно как день, – промолвила Злокозня. – Нет, ну какой тайник! Мы немедленно идем к городской Страже, сообщаем о находке, и тогда – всем нам чай с печеньками и, вероятно, медаль, а потом...

– Подозрительно мне это все, – буркнул Морис.

– Почему?

– Потому что вот такая я подозрительная личность! Я бы не поверил на слово этим вашим крысоловам, даже если бы они твердили, что небо – синее. И что они, по-твоему, делают? Тырят еду и потом говорят: «Это все крысы, честно-честно!» И все вот так взяли и безропотно проглотили эту байку?

– Да нет, дурачок. Люди находят обглоданные кости, пустые корзинки из-под яиц, все такое, – объяснила Злокозня. – И крысиный помет повсюду валяется!

– Ну, наверное, можно и впрямь исцарапать кости, как будто это следы зубов, и, наверное, крысоловы вполне способны разбросать тут и там крысиный помет... – согласился Морис.

– И еще они убивают всех настоящих крыс, чтобы им самим досталось больше! – торжествующе объявила Злокозня. – Очень умно.

– Вот это меня и озадачивает, – промолвил Морис, – потому что мы с этими вашими крысоловами уже познакомились, и честно скажу вам, если вдруг пойдет дождь из тефтелей, они даже вилку не сумеют найти.

– Мне тут подумалось кое-что, – вдруг заявил Кийт, который до того тихонько напевал себе под нос.

– Я рада, что хоть *кто-то* взял на себя труд подумать, – начала было

Злокозня.

– Так вот, я насчет проволочной сетки, – объяснил Кийт. – Там, в подсобке, была проволочная сетка.

– По-твоему, это важно?

– А для чего крысоловам целые рулоны проволочной сетки?

– Мне откуда знать? Может, для клеток? Какая разница?

– А зачем крысоловам сажать крыс в клетки? Мертвые крысы обычно и так никуда не убегают, верно?

Повисло молчание. Морис видел: Злокознии последнее замечание не по душе. Это ведь излишнее осложнение действия. Портит всю историю.

– Может, с виду я и глуповат, – добавил Кийт, – но на самом деле я не так уж и глуп. У меня есть время подумать, потому что я не тараторю без умолку. Я присматриваюсь. Я прислушиваюсь. Я пытаюсь учиться. Я...

– Я вовсе не тараторю без умолку!

Морис оставил их – пусть себе препираются! – и отошел в угол погреба. Или погребов. Здешние подвалы, похоже, протянулись довольно далеко. На полу в полумраке мелькнула какая-то тень, и кот, не задумываясь, прыгнул. Его желудок помнил, что со времен мыши прошло уже очень много времени, и напрямую воззвал к лапам.

– Значит, так, – объявил кот, сжимая в когтях вырывающуюся добычу, – говори или...

Тросточка с силой ударила его по морде.

– Ты ведь не в обиде? – спросил Сардины, кое-как поднимаясь с пола.

– Ду и зачем сразу бдаться-то? – пробормотал Морис, пытаясьлизать саднящий нос.

– На мне ж, *ркрлк*, ШЛЯПА, так? – рявкнул Сардины. – Ты глаза-то разуй!

– Ладно, ладно, пвости... ты что тут делаешь?

Сардины отряхнулся.

– Ищу или тебя, или глуповатого парнишку. Меня Гуляш послал! Ну мы и влипли! Ты не поверишь, что мы такое нашли!

– Гуляш послал за *мной*? – не поверил Морис. – Мне казалось, он меня недолюбливает.

– Ну, он сказал, тут мерзость и зло, так что ты разберешься лучше любого другого, босс, – объяснил Сардины, подбирая шляпу. – Нет, ну ты посмотри, что ты натворил! Когтем проткнул насквозь!

– Но я же спросил тебя, умеешь ли ты говорить, разве нет? – оправдывался Морис.

– Да, спросил, но...

– Я всегда спрашиваю!

– Я знаю, так что...

– Я *обязательно* спрашиваю, знаешь ли!

– Да-да, ты уже выразил свою мысль ясно и доходчиво, и я тебе верю, – отозвался Сардины. – Я ж просто насчет шляпы пожаловался!

– Еще не хватало, чтобы кто-то решил, будто я не спрашиваю, – гнул свое Морис.

– Ну и зачем повторять одно и то же по сто раз? – разозлился Сардины. – Где мальчишка-то?

– Вон там, с девчонкой разговаривает, – угрюмо пробурчал Морис.

– Что, с этой ненормальной?

– Ага, с ней.

– Тогда позови-ка их обоих. Тут дело и впрямь нешуточное. В дальнем конце этих погребов есть дверца. Странно, что ты ее отсюда не чувствуешь!

– Просто хочу, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения: я *действительно* сперва спросил...

– Босс, – рявкнул Сардины, – это *серьезно!*

Персики и Гуталин дожидались возвращения разведотряда. С ними был их ассистент Токси – еще один молодой крыс, хорошо умеющий читать.

Персики захватила с собой «Приключение мистера Зайки».

– Давненько их нет, – тревожился Токси.

– Гуталин проверяет каждый шаг, – успокаивала Персики.

– Что-то неладно, – вдруг промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни, пошевелив носом.

По туннелю стремглав пробежала крыса – и, растолкав их, понеслась дальше.

Фасоль Опасно-для-Жизни понюхал воздух.

– Страх, – произнес он.

Еще три крысы промчались по коридору, сбив его с ног.

– Что происходит? – недоумевала Персики. Еще одна крыса, пытаясь протиснуться мимо, крутнула ее на месте. Заверещала на нее – и кинулась прочь.

– Это Высший-Сорт, – недоумевала Персики. – Почему она ничего не сказала?

– Снова... страх, – объяснил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Они... напуганы. Они в ужасе.

Токси попытался задержать следующую крысу. Та укусила его и, стрекоча, побежала дальше.

– Надо возвращаться, – настойчиво проговорила Персики. – Что они там такое нашли? Может, хорька?

– Вряд ли! – возразил Токси. – Гуляш, помнится, хорька однажды загрыз.

Еще три крысы пробежали мимо, за ними стелился шлейф страха. Одна пронзительно взвизгнула при виде Персиков, залопотала как безумная, обращаясь к Фасоли, и удрала.

– Они... они разучились разговаривать, – прошептал Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Должно быть, их напугало что-то по-настоящему ужасное! – воскликнула Персики, подхватывая свои записи.

– Они никогда не были так напуганы! – промолвил Токси. – Помните, когда нас выследил тот пес? Мы все испугались, но мы *разговаривали* друг с другом, мы заманили пса в ловушку, и Гуляш задал ему жару, так что пес, поскуливая, еле ноги унес...

Потрясенная Персики заметила, что Фасоль плачет.

– Они разучились *разговаривать*...

Еще с полдюжины крыс пробежали мимо, всех расталкивая и хрипло визжа. Персики попыталась остановить одну из них, но та лишь пискнула – и увернулась.

– Это же Четыре-Порции! – пожаловалась Персики, оглядываясь на Токси. – Я с ней разговаривала какой-нибудь час назад! Она... Токси?

Токси вздыбил шерсть. Взгляд его блуждал. Токси оскалил зубы, уставился на товарку, или, точнее, куда-то мимо – а затем развернулся и задал стрекача.

Персики обняла лапами Фасоль Опасно-для-Жизни: а в следующий миг их захлестнула волна страха.

Здесь были крысы. От стены до стены, от пола до потолка, повсюду кишели крысы. Клетки были битком набиты крысами; грызуны жались к решеткам и к потолкам. Проволочная сетка трещала под напором бесчисленных крыс. Блестящие глянцевые тела кувыркались, толкались, опрокидывались друг на друга, в дыры просовывались лапы и носы. Воздух загустел от писка, шороха и стрекота; в воздухе разливалась мерзкая вонь.

Те немногие, кто еще остался от разведотряда Гуляша, сбились в кучу посреди подвала. Большинство просто сбежали. Если бы запахи в погребе превратились в звуки, это были бы вопли и визг тысячи голосов. Они давили и угнетали. Даже Морис почувствовал это странное напряжение, как только Кийт выломал дверь. Как будто головная боль, набирающая силу

вне головы, пыталась прорваться внутрь. И била по ушам.

Морис держался чуть позади. Особого ума не требовалось, чтобы понять: ситуация неприятная, из такой того гляди понадобится делать ноги.

Из-за детских спин он различал Гуталина, Гуляша и еще нескольких Измененных. Крысы сгрудились в центре – и глядели снизу вверх на клетки.

Морис, к вящему своему изумлению, заметил, что даже Гуляш дрожит – но дрожит от ярости.

– Выпусти их! – заорал вожак Кийту. – Выпусти их всех! Выпусти их всех *сейчас же!*

– Еще одна говорящая крыса? – удивилась Злокозня.

– *Выпусти их!* – визжал Гуляш.

– Все эти гнусные клетки... – Злокозня во все глаза глядела на пленников.

– Ну я же говорил про проволочную сетку, – напомнил Кийт. – Гляди, тут даже видно, где ее чинили... крысы прогрызли проволоку, пытаюсь спастись!

– Я сказал, *выпусти их!* – визжал Гуляш. – Выпусти их, или я убью тебя! Зло! Зло! Зло!

– Но это же просто крысы... – начала было Злокозня.

Гуляш подпрыгнул и уцепился за платье девочки. И проворно вскарабкался наверх, к самой ее шее. Злокозня словно окаменела. А крыс зашипел:

– Там, внутри, крысы едят друг друга! Я загрызу тебя, ты, гнусь...

Кийт решительно ухватил его поперек туловища и снял с шеи девочки.

Гуляш завизжал, оцетинился и вцепился зубами в Кийтов палец.

Злокозня охнула. Даже Морис поморщился, словно от боли.

Гуляш запрокинул голову; из пасти его капала кровь. Крыс в ужасе заморгал.

В глазах Кийта стояли слезы. Очень осторожно он ссадил Гуляша на пол.

– Это все запах, – объяснил мальчик. – Запах сводит их с ума.

– Я... Мне казалось, ты говорил, они ручные! – Злокозня наконец-то обрела голос. И схватила полено, прислоненное к клеткам.

Кийт выбил полено из ее руки.

– Не смей угрожать никому из нас – никогда, слышишь!

– Но он *напал* на тебя!

– Оглянись по сторонам! Это тебе не сказка! Это все взаправду! Ты разве не понимаешь? Они напуганы до безумия!

– Как ты смеешь со мной так разговаривать? – прошипела Злокозня.

– *Рркркрк*, смею и буду!

– «Никому из нас», вот как? Это было крысиное ругательство, да? Ты даже ругаешься по-крысьи, да, крысиный приемьш?

Ну прям как кошки, подумал Морис. Вы стоите с врагом мордой к морде и орете друг на друга. Он насторожил уши: вдалеке послышался новый звук. Кто-то спускался вниз по приставной лестнице. По опыту Морис знал: сейчас не время разговоры разговаривать с людьми. В такой ситуации от них дождешься только: «Чего?», и «Да быть того не может!», и «Где?».

– Уноси отсюда ноги, *быстро!* – мявкнул он, пробегая мимо Гуталина. – Не уподобляйся людям, просто беги!

И на этом хватит с него героизма, решил Морис. Задерживаться из-за других ох не стоит.

В стену была вделана проржавевшая древняя труба. Кот резко изменил направление, забуксовав на склизком полу; и да, вот она – дыра размером с Мориса там, где загородка насквозь проржавела. Отталкиваясь лапами для вящей скорости, он нырнул в дыру ровно в тот момент, когда в подвал с клетками вошли крысоловы. И только тогда, затаившись в темноте, развернулся и осторожно выглянул наружу.

Так, проверим. Морис в безопасности? Все лапы на месте? А хвост? Да. Отлично.

Гуталин настойчиво тянул за собою Гуляша, но тот словно прирос к месту. Все остальные крысы уже бежали к водостоку в противоположной стене. Но бежали как-то неуверенно. Вот что бывает, если утратить над собою контроль, подумал Морис. Они думали, они все из себя такие ученые, но загнанная в угол крыса – всего лишь крыса.

А вот я – совсем не такой, нет. Мозг превосходно работает в любое время. Всегда бдит, всегда начеку. Всегда в курсе событий, всегда внюхивается в самую суть.

Крысы в клетках подняли страшный шум. Кийт и девчонка-сочинительница изумленно взирали на крысоловов. Да и крысоловы тоже не то чтобы восприняли незваных гостей как должное.

Гуталин, отчаявшись привести вожака в чувство, взмахнул мечом, поглядел снизу вверх на людей, мгновение помешкал – и опрометью кинулся к водостоку.

Во, точно, пусть сами промеж себя разбираются. В конце концов, они же все люди, думал Морис. У них мозгов хоть отбавляй, они умеют разговаривать, никаких проблем.

Ха! А ну, девчонка-сочинительница, сочини-ка им что-нибудь!

Крысолов № 1 тарашился на Злокознию с Кийтом.

– И что это вы тут делаете, мисс? – осведомился он. Голос его прямо-таки сочился подозрительностью.

– Играете в мамочек-папочек? – глумливо подхватил Крысолов № 2.

– Вы вломились в нашу подсобку, – заявил Крысолов № 1. – А это, между прочим, называется «взлом»!

– Вы крадете, да, *крадете* еду и вино возлагаете на крыс! – парировала Злокозния. – А зачем вы тут всех этих крыс заперли в клетках? И как насчет эглетов, а? Что, съели? Думали, никто не заметит?

– Эглеты? Что еще за эглеты? – недоуменно наморщил лоб Крысолов № 1.

– Это такие наконечнички на шнурках, – тихо подсказал Кийт.

Крысолов № 1 резко развернулся.

– Ты чертов идиот, Билл! Я же говорил, у нас вполне хватает настоящих! Я же говорил, что кто-нибудь однажды заметит! Разве я не говорил, что кто-нибудь да заметит? Вот кто-то и заметил!

– Да-да, и не надейтесь, что вам все сойдет с рук! – заявила Злокозния. Глаза ее сияли. – Я знаю, вы – всего лишь комичные головорезы. Один – толстый, другой – тощий, ну это же самоочевидно! Итак, на кого вы работаете? Кто у нас большой босс?

Глаза Крысолова № 1 слегка остекленели – так часто случалось с теми, кто слушал Злокознию. Он погрозил девочке толстым пальцем.

– А ты знаешь, чего удумал твой папуля?

– Ха! Именно так комичные головорезы и разговаривают! – торжествующе объявила Злокозния. – Ну-ну, продолжайте!

– Он взял да и удумал послать за дудочником! – возвестил Крысолов № 2. – А дудочник обходится недешево! Три сотни долларов за город, а если не заплатить, он нам устроит веселую жизнь – мало не покажется!

«Ох ты ж ешкин кот, – думал Морис. – Кто-то взял да и послал за настоящим... три сотни *долларов*. Три сотни долларов? Три *сотни* долларов? А мы-то запрашивали только тридцать!»

– Это ведь все из-за тебя, так? – догадался Крысолов № 1, грозя пальцем Кийту. – Глуповатый парнишка появляется из ниоткуда, и внезапно тут повсюду разбегаются новые крысы! Не нравишься ты мне, скажу прямо! И ты сам, и этот твой подозрительный котяра! Если я этого твоего котяру еще хоть раз увижу, он у меня на варешки пойдет!

Морис забился поглубже в темноту.

– Хрр, хрр, хрр, – захохотал Крысолов № 2. Небось загодя отработывал

специальный злодейский смех, подумал про себя Морис.

– Кстати, никакого босса над нами нет, – заверил Крысолов № 1.

– Ага, мы сами себе боссы, – подтвердил Крысолов № 2.

И тут вся история пошла не так, как надо.

– А вы, мисс, – заявил Крысолов № 1, обращившись к Злокознии, – больно дерзки, скажу я вам. – Удар могучего кулака сбил девочку с ног и отшвырнул к клеткам. Крысы словно обезумели; за решетками поднялась лихорадочная суматоха. Злокозния осела на пол.

А крысолов обернулся к Кийту.

– Ну, парень, будешь выпендриваться? – спросил он. – Будешь выпендриваться или нет? Девочек обижать не след, так что я с ней вежливо, по-доброму, а вот тебя я посажу в одну из этих клеток...

– Ага, а крысюки сегодня еще не кормлены, – в восторге подхватил Крысолов № 2.

«Ну же, малыш! – думал про себя Морис. – Сделай хоть что-нибудь». Но Кийт просто стоял на месте, неотрывно глядя на крысолова.

Крысолов № 1 презрительно оглядел паренька сверху вниз.

– Что это у тебя тут, сопляк? Дудочка? А ну, давай сюда! – Он выхватил дудочку из-за пояса Кийта и швырнул мальчика на пол. – Свистулька за пенни? Никак, возомнил себя дудочником? – Крысолов № 1 переломил дудочку надвое и швырнул обломки в клетку. – Между прочим, говорят, будто в Швайнешкваркене дудочник увел из города всех детей. Вот это правильный подход, я считаю!

Кийт посмотрел на негодея снизу вверх. Сощурился. Поднялся на ноги.

Ага, вот, начинается, подумал Морис. Сейчас он со сверхчеловеческой силой ринется в бой, раз уж разозлился не на шутку, и враги пожалеют, что на свет родились...

Кийт ринулся в бой с обыкновенной человеческой силой, один раз успел ткнуть кулаком Крысолова № 1 и снова повалился на пол под могучим, жестоким, сокрушительным как кувалда ударом.

«Ну ладно, ладно, пусть он сбит с ног, – размышлял Морис, пока Кийт пытался отдышаться, – но сейчас он снова встанет, и...»

Раздался пронзительный визг. «Ага!» – подумал Морис.

Но завизжал не Кийт: мальчуган все еще хватал ртом воздух. С самого верха крысиных клеток прыгнула маленькая серая фигурка, целя крысолову в лицо. Приземлилась зубами вперед – и по крысоловьему носу хлынула кровь.

«Ага! – снова подумал Морис. – Гуляш спешит на помощь! Что?»

Мрилл! Я начинаю думать в точности как эта девчонка! Воображаю, будто это история такая!»

Крысолов схватил крысу и теперь держал ее за хвост на расстоянии вытянутой руки. Гуляш извивался и трепыхался, визжа от ярости. Крысолов утер нос свободной рукой и теперь с интересом наблюдал за тем, как Гуляш отчаянно пытается вырваться.

– Сколько прыти-то, – похвалил Крысолов № 2. – И как только ему удалось сбежать?

– Он не из наших, – отозвался Крысолов № 1. – Он же рыжий.

– Рыжий? Чего в нем рыжего-то?

– Рыжая крыса – это разновидность серой крысы, о чем ты бы и сам знал, будь ты таким же опытным членом Гильдии, как я, – объяснил крысолов. – Они не местные. Такие на равнинах водятся. Не понимаю, откуда бы здесь взяться рыжей крысе. Вот хоть убей, не понимаю. Ишь, скользкий гаденьш. Но бойкий-то какой!

– У тебя нос весь в кровище.

– Да знаю, знаю. Меня крысы столько раз кусали, сколько ты за всю свою жизнь горячих обедов не съел. Я уж и боли никакой не чувствую, – отмахнулся Крысолов № 1. Судя по его голосу, вырывающийся и визжащий Гуляш интересовал его гораздо больше, нежели коллега по работе.

– Я на обед только холодные сосиски ем.

– Ну вот, видишь. И кто у нас тут храбрый маленький драчунишка? Да тебе прямо сам черт не брат! Смельчак, как есть смельчак.

– Спасибо на добром слове!

– Эй, я вообще-то с *крысой* разговариваю. – Крысолов пнул Кийта носком сапога. – Ступай свяжи этих двоих, о’кей? Запихнем их в какой-нибудь из соседних подвалов до поры до времени. Где есть настоящая дверь. И крепкий замок. И никаких тебе удобных люков. А ключ отдашь мне.

– Она ж дочка мэра, – напомнил Крысолов № 2. – Мэры из-за своих дочек обычно ужасть до чего расстраиваются.

– Значит, мэр будет делать то, что ему велят, так?

– А эту ты просто расплющишь?

– Что, этакого драчуна? Да ты шутишь? Смотри, соображалку включать не научишься – так и останешься на всю жизнь жалким помощником крысолова! Мне пришла в голову идея получше. Сколько их там сидит в нашей особой клетке?

Крысолов № 2 отошел к дальней стене и осмотрел одну из клеток. Морис внимательно следил за происходящим.

– Осталось только две. Остальных четырех они сожрали, – доложил он. – Подчистую. Только шкурки валяются.

– Ага, значит, тварюки бодры и свежи, как эти... редиски, в смысле огурчики. Что ж, посмотрим, справятся ли они вот с этим.

Морис услышал, как открылась и вновь захлопнулась проволочная дверца.

Гуляш обезумел от ярости. Глаза его застилала красная пелена. Злость копилась в нем вот уже много месяцев: он злился на человека, злился на яды, на ловушки, злился на то, что молодые крысы сделались непочтительны, злился, что мир так быстро меняется, злился на то, что стареет... А теперь запахи ужаса, голода и насилия смешались с его злобой и растеклись по Гуляшу неодолимой алой волной гнева. Он был крысой, которую загнали в угол. Но эта загнанная в угол крыса умела думать. Он всегда дрался как бешеный, задолго до всей этой разумности, и былой силы не утратил и по сей день. Пара тупых и чванливых молодых киикиков, не владеющих тактикой, не привыкших к грязным подвальным сварам, не владеющих хитрыми приемами, не умеющих мыслить, – да они ему вообще не соперники! Опрокинуть на пол, увернуться, два раза куснуть – вот и все.

В противоположном конце подвала крысы отпрянули от сетки и вжалась в дальнюю стенку. Даже они ощутили мощь этой ярости.

– Ах ты умничка какой, – восхищенно похвалил Крысолов № 1, когда все было кончено. – Ты-то мне и пригодишься, дружок.

– Уж не для крысиной ямы ли? – догадался Крысолов № 2.

– Точняк, для нее.

– Сегодня вечером, типа?

– Ага, потому что Модник Артур ставит на то, что его Джейко передушит сотню крыс меньше чем за четверть часа.

– И ведь небось выиграет. Джейко – терьер что надо. Пару месяцев назад он девять десятков придушил, а Модник Артур его с тех пор еще поднатаскал. То-то славное зрелище будет!

– И ты поставишь на Джейко, так? – усмехнулся Крысолов № 1.

– А то ж. Да на него все поставят!

– Даже если среди крыс будет наш маленький приятель? – продолжал Крысолов № 1. – Такой злобенький, кусаченький, разъяренный дьяволенок?

– Ну, э...

– Вот то-то и оно, – усмехнулся Крысолов № 1.

– Однако ж не хотелось бы оставлять здесь этих детишек.

– Не «этих детишек», а «энтих детишек». Ты когда говорить правильно научишься? Сколько раз тебе нужно повторять? Правило № 27 Гильдии: прикидывайся олухом. Если крысолов изъясняется слишком правильно, это внушает подозрения.

– Звиняй.

– Говори грубо, по-простецки; а мозги включать не забывай. Вот как надо, – наставлял Крысолов № 1.

– Звиняй, позабыл.

– А у тебя вечно все наоборот.

– Звиняй. Энтих детишек. Но связывать людей – оно как-то жестоко. А они ж только дети, если на то пошло.

– И что?

– Да то, что куда проще оттащить их по туннелю к реке, стукнуть по башке чем-нить тяжелым да и скинуть в воду. Если их и выловят, так за много миль ниже по реке; а к тому времени их, надо думать, уже и опознать не удастся, – рыбам-то тоже жрать охота.

В разговоре повисла пауза.

– А я и не знал, что у тебя такое доброе сердце, Билли, – наконец откликнулся Крысолов № 1.

– Точняк, и, звиняй, я еще скумекал, как заодно и от дудочника избавиться...

А в следующий миг послышался новый голос. Он исходил отовсюду, разливаясь в воздухе, как шум ветра, а в самом сердце ветра звучал стон неизбывной муки.

– *НЕТ! Дудочник нам пригодится!*

– Нет, дудочник нам пригодится, – возразил Крысолов № 1.

– Точно, – встрял Крысолов № 2. – Я тоже так и подумал. Эгм... а на что нам пригодится дудочник?

И снова в голове у Мориса послышался тот же звук: точно в пещере загудел ветер.

– *Разве это не ОЧЕВИДНО?*

– Разве это не очевидно? – промолвил Крысолов № 1.

– Ага, очевидно, – пробормотал Крысолов № 2. – Со всей очевидностью это очевидно. Эгм...

Крысоловы открыли несколько клеток и побросали крыс в мешок. Туда же вывалили и Гуляша. А потом они ушли и уволокли за собою девчонку с мальчишкой, и Морис задумался: где бы во всем этом лабиринте подвалов отыскать дыру размером с Мориса?

В крошечной тьме кошки не видят. Чтобы видеть, им нужно хотя бы

немного света. За спиной Мориса в подвал просачивался бледный лунный лучик. А проникал он сквозь крохотную трещинку в потолке, в такую даже мышшь едва ли протиснется и, уж конечно, не протиснется Морис, даже если дотуда допрыгнет.

Лучик высветил еще один подвал. Судя по его виду, крысоловы им тоже пользовались: в одном из углов стояли ряды бочек и громоздились разломанные крысиные клетки. Морис обошел их кругом, выискивая выход. Тут были двери, но с ручками, а тайну дверных ручек не сумел разгадать даже могучий Морисов ум. Однако в стене обнаружилась еще одна канализационная решетка. Кот протиснулся сквозь нее.

Еще один подвал. Опять ящики и мешки. Но здесь хотя бы сухо.

– *Что ты такое?* – произнес голос за спиной у Мориса.

Кот стремительно развернулся, но не увидел ничего, кроме мешков и ящичков. Здесь по-прежнему воняло крысами, слышались непрерывные шорохи и шуршание и время от времени слабое попискивание, но это место казалось маленьким раем в сравнении с адским подвалом с клетками.

Но ведь сзади и впрямь прозвучал голос, верно? Ведь Морис его явно слышал? Потому что коту вдруг померещилось, будто на него просто накатило воспоминание об услышанном голосе: нечто, что вторглось в его голову, не потрудившись просочиться сквозь рваные уши. То же самое происходило и с крысоловами. Они говорили так, словно слышали некий голос и приняли его за собственные мысли. То есть голоса-то на самом деле и не было... или был?

– *Я тебя не вижу,* – промолвило воспоминание. – *Я не знаю, что ты такое.*

Для воспоминания голос был не из самых приятных. Шипящий такой, и рассекал разум словно бы ножом.

– *Подойди ближе.*

У Мориса засвербило в подушечках лап. Мышцы напряглись, выталкивая его вперед. Кот выпустил когти – и овладел собою. Этот кто-то прячется среди ящичков, подумал он. Пожалуй, лучше вообще ничего не говорить. Люди так странно реагируют на говорящих котом. Нельзя полагаться на то, что все вокруг психи, как эта девчонка-сочинительница.

– *Подойди БЛИЖЕ.*

Голос словно тянул его к себе. Придется сказать хоть что-нибудь.

– *Спасибочки, мне и здесь хорошо,* – отозвался Морис.

– *Тогда не хочешь ли разделить нашу БОЛЬ?*

Последние слова ранили. Но, как ни странно, не слишком сильно. Голос звучал резко, громко, драматично, словно владелец голоса

рассчитывал увидеть, как Морис корчится в муках. А вместо того вызвал лишь легкую мигрень.

Когда голос раздался снова, в нем явственно звучала настороженность.

– *Что ты за существо? У тебя НЕПРАВИЛЬНЫЙ разум.*

– Мне больше нравится «изумительный», – поправил Морис. – А ты кто такой, что задаешь мне вопросы из темноты?

Морис не чуял ничего, кроме крыс. Чуть в стороне и слева что-то зашуршало. Кот взгляделся в полумрак: к нему подбиралась огромная крыса.

Новый звук заставил его обернуться. С другой стороны подкрадывалась еще одна крыса. Морис едва различал ее среди теней.

Впереди послышался шорох: прямо перед Морисом из мглы бесшумно вынырнула третья крыса.

– *Вот мои глаза... ЧТО? КОТ! КОТ! УБИТЬ!*

Глава 8

Мистер Зайка с ужасом понял, что он – очень упитанный зайчик – один-одинешенек в Темном лесу. Ах, если бы он только не был зайчиком – или хотя бы не таким упитанным! Но Крысик Кристофер уже спешил на помощь. Он и не догадывался, что его ждет.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Три крысы прыгнули – но опоздали. В воздухе осталась только дырка в форме Мориса. А сам Морис был уже в противоположном конце подвала и карабкался вверх по ящикам.

Снизу послышался писк. Кот перескочил на следующий ящик и углядел в стене дыру: здесь выпало несколько прогнивших кирпичей. Морис метнулся к дыре, забарахтался в воздухе – кирпичи обваливались под его лапами – и протиснулся в неизвестность.

Он оказался в следующем погребе. Причем полном воды. Строго говоря, то, что его заполняло, было не *вполне* водой. Такой вода становится со временем, если в нее все сливать из крысиных клеток и из уличных сточных канав сверху и дать воде постоять, тихо побулькивая, с годик или около того. Назвать это «жидкой грязью» – значит оскорбить абсолютно уважаемые болота по всему миру.

Морис приземлился прямо туда. Послышался всхлюп.

Стараясь не дышать, кот яростно разгребал лапами вязкую гущу, пока не выкарабкался наконец на гору щебня в противоположном конце подвала. Обрушенная балка, склизкая от плесени, подводила к обугленным деревянным стропилам под потолком.

Жуткий голос по-прежнему звучал в его голове, но приглушенно. Голос пытался им командовать. Командовать *котом*? Да проще желе к стенке гвоздями приколотить. Не собака же он, в конце концов!

С кота стекала вонючая жижа. Она даже в уши набилась. Морис принялся было вылизываться, но вовремя остановился. Вылизаться дочиста – совершенно нормальная кошачья реакция. Вот только если слизать с себя *это* – с вероятностью отравиться насмерть.

В темноте почудилось какое-то движение. Несколько громадных

крысиных силуэтов проскользнули в дыру. Что-то плеснуло раз... затем другой. Крысы крались вдоль стен.

– Ага, – произнес голос. – *Ты их видишь? Они идут за тобой, КОТ!*

Усилием воли Морис устоял и не обратился в бегство. Не время слушаться внутреннего кота. Внутренний кот уже вывел его из того подвала, но внутренний кот – глуп. Он заставляет нападать на все, что мельче кота, и удирать от всего остального. Но ни один кот не справится со стаей таких здоровущих тварей. Морис замер, не спуская глаз с приближающихся крыс. Они крались прямым к нему.

Погодите... пойте-ка...

Голос сказал: «*Ты их видишь*».

Откуда он знает?

Морис попытался подумать погромче:

– Ты... умеешь... читать... мои... мысли?

Ничего не произошло.

И тут Мориса осенило. Он зажмурился.

– *Открой глаза!* – тут же последовал приказ, и веки кота дрогнули.

«Еще чего! – подумал Морис. – Ты не слышишь моих мыслей! – подумал он. – Ты просто пользуешься моими глазами и ушами! Ты лишь догадываешься, о чем я думаю».

Ответа не последовало. Ну да и Морис ждать не стал. Он прыгнул. Наклонная балка стояла именно там, где ему запомнилось. Кот вскарабкался повыше, цепляясь когтями, и устроился под потолком. Теперь крысам остается разве что последовать за ним наверх. Если повезет, он пустит в ход когти...

Крысы подбирались все ближе. Вот они, внизу, – принохиваются, ищут его, Мориса. Кот живо представлял себе, как подергиваются в темноте их носы.

Одна, чутко поводя носом, поползла вверх по балке. До Морисова хвоста оставалось каких-нибудь несколько дюймов, когда крыса развернулась и снова сбежала вниз.

Морис слышал, как крысы взобрались на грудь щебня. Озадаченно посопели – а в следующий миг в темноте послышалось влажное чавканье: крысы зашлепали сквозь грязь.

Морис потрясенно наморщил лоб, покрытый запекшейся грязью. Чтобы крысы – да не почували кота? И тут он понял. От него не пахло котом – от него разило грязью, он казался грязью в подвале, полном вонючей грязи.

Кот застыл неподвижно как камень, до тех пор, пока заляпанные

грязью уши не уловили легкое царапанье коготочков: крысы возвращались к дыре в стене. Затем, не открывая глаз, Морис осторожно сполз вниз к груде щебня и обнаружил, что навалена она перед прогнившей деревянной дверью. Что-то волглое, как губка, – верно, кусок доски, – вывалилось наружу, едва он в нее толкнулся.

За дверью, судя по ощущению пустоты, находился еще один подвал. Оттуда пахло гнилью и обугленным деревом.

А... голос поймет, где кот, если открыть глаза? Но ведь все погреба похожи один на другой...

Но что, если и в новом подвале тоже полным-полно крыс?..

Морис решительно открыл глаза. Крыс внутри не оказалось, зато обнаружился еще один проржавевший канализационный люк, выводящий в туннель – как раз чтобы пройти коту. В туннеле брезжил слабый свет.

Значит, вот он каков – крысиный мир, думал Морис, пытаясь счистить с себя вонючую пакость. Темнота, мерзкая жижа, смрад и жуткие голоса. Я – кот. Мой стиль – это солнечный свет и свежий воздух. Теперь мне всего-то и надо, что найти дыру во внешний мир, и только меня и видели – отряхну с лап прах этих подземелий... или скорее комки засохшей грязи.

В голове его зазвучал голос – не жуткий и загадочный, но во всем похожий на его собственный: «А как же глуповатый парнишка и все остальные? Ты же должен им помочь!»

«Тебя только не хватало! – подумал Морис. – Я тебе вот что скажу: вот ты им и помогай, а я пойду поищу какое-нибудь тепленькое местечко, как тебе такой план?»

Свет в конце туннеля разгорался все ярче. Он по-прежнему не напоминал ни свет дня, ни даже лунный свет, но все что угодно было лучше темноты.

Или почти все что угодно.

Морис просунул голову из трубы в туннель гораздо более широкий, выложенный кирпичами, склизкими от какой-то странной подземной плесени, – и оказался в кругу свечного света.

– Да это... Морис? – промолвила Персики, в изумлении глядя, как с его спутанной шерсти капает черная жижа.

– Ну, пахнет он всяко лучше обычного, – усмехнулся Гуталин.

«Нет бы посочувствовать», – посетовал про себя Морис.

– Ха-ха, – слабо откликнулся кот. Для обмена остротами он был не в настроении.

– Ага, я знал, что ты нас не подведешь, старый друг, – промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я всегда говорил, что уж на Мориса мы

всегда можем положиться. – И крыс тяжело вздохнул.

– Эге, – кивнул Гуталин, одарив Мориса взглядом куда более скептическим. – Положиться можем – вот только знать бы, в чем именно.

– Ох, – выдохнул Морис. – Эгм. Ладно. Стало быть, я вас всех нашел.

– Да-да, – откликнулся Гуталин. Тон его голоса Морису очень не понравился. – Изумительно, не правда ли? Долго же ты нас искал. Я ж своими глазами видел, как ты во всю прыть помчался нас искать.

– Ты можешь нам помочь? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Нам нужен план.

– А, да, конечно, – отозвался Морис. – Предлагаю при первой же возможности выбраться на поверхность...

– Чтобы спасти Гуляша, – закончил Гуталин. – Мы своих не бросаем.

– Мы не бросаем? – уточнил Морис.

– Мы не бросаем, – подтвердил Гуталин.

– И потом, еще наш мальчик, – напомнила Персики. – Сардины говорит, его связали вместе с девчонкой и заперли в одном из подвалов.

– Ох, ну, сами знаете, человеки такие человеки, – поморщился Морис. – Это их, человечье, дело. Думаю, нам не следует вмешиваться; чего доброго, не так поймут. Знаю я этих человеков, они сами как-нибудь промеж себя разберутся...

– Да мне до человеков столько же дела, сколько до хорькового *шрлт!* – рявкнул Гуталин. – Но эти крысоловы унесли в мешке Гуляша! Ты же своими глазами видел тот подвал, кот! Ты видел клетки, забитые крысами! А еду воруют крысоловы! Сардины говорит, там полным-полно мешков с едой! И есть еще кое-что...

– Голос, – ляпнул Морис и с запозданием прикусил язык.

Гуталин вытаращился на него во все глаза.

– Ты его слышал? – выдохнул он. – А я думал, только мы одни!

– Крысоловы его тоже слышат, – поправил Морис. – Но думают, это их собственные мысли.

– Голос перепугал остальных, – пробормотал Фасоль Опасно-для-Жизни. – Они просто... перестали думать... – Вид у него был совершенно пришибленный. Рядом с ним лежала открытая книга – вся в грязи, испещренная отпечатками лапок: «Приключение мистера Зайки». – Даже Токси сбежал, – продолжал Фасоль. – А ведь он читать и писать умеет! Как такое могло случиться?

– Похоже, на некоторых из нас голос воздействует сильнее, чем на других, – предположил Гуталин прозаично. – Я послал тех, кто поразумнее, попытаться согнать обратно остальных, но это дело долгое. Они ж

разбежались куда глаза глядят. Нам надо вернуть Гуляша. Он наш вожак. А мы – крысы, в конце-то концов. Мы – Клан. Крысы следуют за вожаком.

– Но он уже немолод, а вот ты – крепкий орешек, и по части мозгов он не то чтобы в первых рядах... – начал было Морис.

– Они забрали его! – рявкнул Гуталин. – Они – крысоловы! А он – один из нас! Ты будешь нам помогать или нет?

Морису померещилось, будто в противоположном конце трубы послышалось какое-то царapanье. Обернуться и проверить он не мог – и внезапно почувствовал себя ужасно уязвимым.

– Да-да, помогу, конечно, не вопрос, – поспешно заверил он.

– Эгм. Ты ведь серьезно, да, Морис? – уточнила Персики.

– Да-да-да, точняк, – заверил кот. Он выполз из трубы и оглядел ее из конца в конец. Никаких крыс.

– Сардины следует за крысоловами, – сообщил Гуталин, – так что мы будем знать, куда они потащили Гуляша...

– Чует мое сердце, что я и так знаю куда, – вздохнул Морис.

– Откуда? – сощурилась Персики.

– Я ж кот, нет? – напомнил Морис. – Коты куда только не пролезут. Мы чего только не видим. Котов везде пускают, так? – потому что мы уничтожаем всякую нечисть... мы уничтожаем, эгм...

– Да ладно, ладно, мы все знаем, что говорящих существ ты не ешь, ты нам уже все уши прожжужал, – отмахнулась Персики. – Давай, выкладывай!

– Был я однажды в одном таком месте, в амбаре, залез на сеновал, там ведь всегда можно пожить вкусно... эгм...

Персики закатила глаза.

– Да *продолжай* уже!

– Ну, вот, как бы то ни было, внутрь толпой ввалились люди, а я не мог удрать, потому что у них были собаки. Люди заперли двери и, эгм, установили в середине амбара такую штуку... такую штуку, вроде как огромную деревянную круговую ограду; и кто-то принес ящики с крысами, крыс вывалили внутрь, а потом... потом выпустили собак. Терьеров, – пояснил Морис, отводя глаза.

– И крысы сражались с собаками? – предположил Гуталин.

– Ну, наверное, они *могли бы* сразиться, – отозвался Морис. – Но они просто бегали по кругу, все время по кругу. Это называется «крысиная травля». Крыс, понятное дело, приносят крысоловы. Живых.

– Крысиная травля... – задумчиво повторил Гуталин. – А почему мы никогда о таком не слышали?

Морис недоуменно заморгал. Для разумных созданий крысы порою демонстрировали изумительную тупость.

– А откуда бы вам о таком слышать?

– Ну, хотя бы от одной из крыс, которые...

– Вы, похоже, не понимаете, – вздохнул Морис. – Крысы, которые попадают в крысиную яму, оттуда уже не выходят. По крайней мере, живыми.

Повисло тяжелое молчание.

– А выпрыгнуть они не могут? – тоненько пискнула Персики.

– Слишком высоко, – покачал головой Морис.

– А почему они не дерутся с собаками?

«Ну вы тупые», – подумал Морис.

– Потому, что они *крысы*, Гуталин, – объяснил кот. – Множество крыс. И от всех разит страхом и паникой, и все это чувствуют. Ты же сам знаешь, как оно бывает.

– Я однажды тяпнул пса за нос! – заявил Гуталин.

– Да, да, – успокаивающе произнес Морис. – Одна крыса способна думать и вести себя храбро, все так. Но множество крыс – это толпа. Множество крыс – это просто одна большая зверюга с бесчисленными лапами – и никаких мозгов!

– Это неправда! – воскликнула Персики. – Вместе мы – сила!

– А насколько она высока? – спросил Гуталин, неотрывно вглядываясь в пламя свечи, как будто он различал там какие-то картинки.

– Что? – хором переспросили Персики и Морис.

– Стена... насколько она высока? Если быть точными?

– Хм... Не знаю! Высокая! Человечи опирались на нее локтями! А это важно? Слишком высокая, крысе не выпрыгнуть. Знаю: видел!

– Все, чего мы добились, мы добились только потому, что мы вместе... – снова начала было Персики.

– Значит, и Гуляша будем спасать вместе, – заявил Гуталин. – Мы... – Он стремительно развернулся, услышав торопливый топоток: по трубе бежала какая-то крыса. Специалист по капканам повел носом. – Это Сардины, – сообщил он. – И... ну-ка, ну-ка... Судя по запаху – самка, совсем молодая, нервничает... Питательная?

Самая юная воительница капканного взвода трусила за Сардинами – мокрая и несчастная.

– Да вы мокры как мышь, мисс, – усмехнулся Гуталин.

– Свалилась в дырявую трубу, сэр, – объяснила Питательная.

– Ну, все хорошо, что хорошо кончается. Сардины, докладывай!

Крыс-чечеточник нервно протанцевал несколько па.

– Я облазал столько водосточков и оббегал столько бельевых веревок, что аж вспомнить тошно, – пожаловался он. – И только не спрашивайте меня про *крркк* кошек, босс. Чтоб они сдохли все до единой – кроме присутствующих, ясно дело, – добавил Сардины, опасливо покосившись на Мориса.

– И? – напомнила Персики.

– Они пошли в какие-то конюшни на окраине города, – сообщил Сардины. – Пахнет гнусно. Вокруг полно собак. И людей.

– Крысиная яма, – кивнул Морис. – Я же говорил. Они разводят крыс для крысиной травли!

– Ясно, – кивнул Гуталин. – Мы идем вызволять Гуляша. Сардины, веди. Может, по дороге еще кого-нибудь подберем. А остальные должны попытаться освободить мальчика.

– А почему приказы отдаешь *ты*? – спросила Персики.

– Потому что кто-то должен это делать, – отозвался Гуталин. – Пусть Гуляш и шелудив малость, пусть он немного упрям, но он – вожак, это все чуют, и он нам нужен. Вопросы есть? Отлично...

– Можно мне тоже с вами, сэр? – спросила Питательная.

– Она помогает мне таскать бечевку, босс, – объяснил Сардины. И у него, и у молоденькой крыски при себе было по целому мотку.

– Тебе она вся нужна? – удивился Гуталин.

– Никогда не говори «нет» куску бечевки, босс, – очень серьезно промолвил Сардины. – Это просто изумительно, сколько я всего для себя открыл...

– Ладно, пусть хоть какая-то польза от этой крысы будет, – кивнул Гуталин. – Только чтоб не отставала. Бежим!

Фасоль Опасно-для-Жизни, Персики и Морис остались втроем.

Фасоль вздохнул.

– Одна крыса может вести себя храбро, но много крыс – это просто толпа? – повторил он. – Морис, неужели это правда?

– Нет, я... послушайте, там, в темноте, что-то есть, – перевел разговор Морис. – Оно прячется в подвале. Я не знаю, что это. Это какой-то голос, и он проникает в чужие головы!

– Но не во все, – уточнила Персики. – Тебя же этот голос не напугал, так? И нас тоже. И Гуталина. А Гуляша он ужасно разозлил. Почему?

Морис заморгал. Тихий голос – со всей определенностью не его собственные мысли! – снова зазвучал в его голове: «*Я найду способ пробиться в твой разум, КОТ!*»

– Вы это слышали? – спросил Морис.

– Я ничего не слышала, – покачала головой Персики.

«Наверное, нужно оказаться совсем близко, – подумал Морис. – Наверное, если ты побывал рядом с ним, он знает, где твоя голова».

Морис в жизни не видел такой разнесчастной крысы, как Фасоль Опасно-для-Жизни. Крысеныш, сжавшись в комочек под свечой, незрячими глазами уставился на «Приключение мистера Зайки».

– А я так надеялся, что мы способны на большее, – промолвил он. – Но выходит, мы просто... крысы. Как только приключается беда, мы становимся просто... крысами.

Морис чувствовал себя престранно: он не привык испытывать сочувствие к кому-то, кто не является Морисом. Ведь для кота это серьезный недостаток. «Я, должно быть, прихворнул», – подумал Морис. А вслух сказал:

– И я – просто кот, если это, конечно, хоть какое-то утешение.

– О нет. Ты добрый, и я чувствую, что в глубине души ты щедр и великодушен, – возразил Фасоль Опасно-для-Жизни.

Морис старался не смотреть на Персики. «Ох ты ж ешкин кот», – думал он.

– По крайней мере, прежде чем кого-то сожрать, ты всегда спрашиваешь, – подтвердила Персики.

«Признайся им, и дело с концом, – твердили Морисовы мысли. – Ну, валяй, признавайся. Сразу станет легче».

Морис попытался заставить мысли заткнуться. Для пробуждения совести время не самое удачное! И на что коту совесть? Кот с совестью – это уже не кот, а... а хомяк какой-то!..

– Эгм, давно хотел с вами поговорить кой о чем, – пробормотал он.

«Давай, расскажи им все как на духу, – твердила сияющая новообретенная совесть. – Облегчи душу».

– Да? – насторожилась Персики.

Морис смущенно заерзал.

– Ну, сами знаете, сейчас я всегда проверяю еду...

– Да, и это делает тебе честь, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни.

Морис почувствовал себя еще хуже.

– Ну, сами знаете, мы всегда недоумевали, как так вышло, что я Изменился, ведь я не ел никакой магической дряни с помойки...

– Да, – кивнула Персики. – Меня это всегда озадачивало.

Морис неловко затоптался на месте.

– Ну, видите ли... эгм... а вы знали такую крысу, крупную, одно ухо

обкусано, с одного бока белая проплешинка, и бегать быстро не могла, из-за больной лапы?

– Похоже на Приправу, – предположила Персики.

– Да, точно, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни. – Приправа исчез как раз перед тем, как мы познакомились с тобой, Морис. Хороший был крыс. Помню, он еще... ну, страдал дефектом речи.

– Дефектом речи, значит, страдал, – мрачно повторил Морис.

– Он заикался, – уточнила Персики, буравя Мориса холодным взглядом. – С трудом выговаривал слова.

– С большим трудом, – подтвердил Морис. Голос его звучал совсем глухо.

– Но ты с ним вряд ли когда-либо сталкивался, Морис, – промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я по нему скучаю. Замечательный был крыс – если его разговорить.

– Кхе-кхе. Или *сталкивался*, а, Морис? – Персики пригвоздила кота взглядом к стене.

Морда Мориса словно ожила. Сменила несколько выражений, одно за другим. Наконец кот выпалил:

– Ладно! Я его сожрал, о'кей? Целиком сожрал! Кроме хвоста, и зеленой студенистой гадости, и еще того мерзкого фиолетового комочка, про который никто не знает, что это! Я ж был просто-напросто котом! Я еще не научился думать! Я не знал! Я был голоден! Коты питаются крысами, так уж заведено! Я не виноват! А он наелся магической дряни, а я съел его – и тоже Изменился. Представляете, каково это, вдруг посмотреть на зеленую студенистую гадость новыми глазами? Прямо с души выворачивает! Иногда темными ночами мне кажется, я слышу его голос! Вам все ясно? Вы довольны? Я не знал, что он – это кто-то. Я не знал, что я – это кто-то! Я его слопал! Он ел эту дрянь с помойки, а я сожрал его, вот так я и Изменился! Сознаюсь! Я съел его! Я не виноваааат!

Повисло молчание.

– Да, но это же было давным-давно, правда? – спустя какое-то время произнесла Персики.

– Что? Ты имеешь в виду, не съел ли я кого-нибудь за последнее время? *Нет!*

– И ты раскаиваешься в том, что ты сделал? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Раскаиваюсь? А *вы* как думаете? Мне порою кошмары снятся: я срыгиваю, а он...

– Тогда, наверное, все в порядке, – произнес маленький крыс.

– Все в порядке? – взвыл Морис. – Все в порядке, скажешь тоже! А знаете, что самое худшее? Я же кот! Коты ни в чем не раскаиваются! Котов не мучает совесть! Мы никогда ни о чем не сожалеем! Знаете, каково это – каждый раз спрашивать: «Привет, жрачка, а ты говорить умеешь?» Котам так себя вести не положено!

– Мы тоже ведем себя не так, как положено крысам, – возразил Фасоль Опасно-для-Жизни. И снова погрузился. – Вернее, вели себя до сих пор, – вздохнул он.

– Все просто испугались, – вмешалась Персики. – А страх заразителен.

– Я так надеялся, что мы сможем стать чем-то большим, чем просто крысы, – сокрушался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я думал, мы способны стать чем-то большим, нежели твари, которые пищат и гадят, чего бы уж там ни говорил Гуляш. А теперь... где все?

– Хочешь, почитаю тебе из «Мистера Зайки»? – сочувственно предложила Персики. – Сам знаешь, это тебя всегда подбадривает в... в темные времена.

Фасоль кивнул.

Персики подтащила к себе тяжелую книгу и принялась читать:

– «Однажды мистер Зайка и его друг Крысик Кристофер отправились в гости к Старине Ослику, который жил у реки...»

– А прочти ту часть, где они разговаривают с людьми, – попросил Фасоль Опасно-для-Жизни. Персики послушно перелистнула страницу.

– «Привет, Крысик Кристофер! – поздоровался Фермер Фред. – Погожий нынче денек выдался...»

«Это безумие, это бред какой-то», – думал про себя Морис, слушая, как одна крыса читает другой крысе сказочку о густых лесах и прозрачных журчащих ручейках, устроившись рядом с водосточной трубой, по которой течет нечто далеко не столь прозрачное. Какое угодно, только не прозрачное. Ну ладно, будем справедливы, журчать оно немного журчит или хотя бы хлюпает.

Мы по уши в дерьме, мы вылетели в трубу, а у них, понимаете ли, в головах картинки чудесные и несбыточные...

«Посмотри в эти грустные розовые глазки, – проговорили Морисовы мысли внутри его же собственной головы. – Посмотри на эти сморщенные подрагивающие носишки. Если ты сейчас от них сбежишь и бросишь их здесь, каким взглядом ты посмотришь на эти подрагивающие носишки?»

– Так *никаким* взглядом больше не посмотрю! – вслух воскликнул Морис. – В том-то и смысл!

– Что? – встрепенулась Персики, отрываясь от книги.

– Ох, да ничего... – замялся Морис. Ничего тут не поделаешь, как ни верти. Вся его котовья сущность бурно возмущалась против подобного расклада – а толку? Вот что бывает, если начать мыслить, сокрушался кот. Того гляди влипнешь в неприятности. Даже если ты знаешь, что другие могут сами о себе подумать, ты начинаешь думать и за них тоже. Морис застонал.

– Пойдемте посмотрим, что там стряслось с парнишкой, – предложил он.

В подвале царила крошечная тьма. Слышался лишь звук падающих капель да еще голоса.

– Итак, – раздался голос Злокознии, – давай-ка пройдемся по всем пунктам еще раз. Говоришь, никакого ножа при тебе нет?

– Вообще никакого, – подтвердил Кийт.

– И спичек, которые пришлось бы так кстати, чтобы пережечь путы, тоже?

– Тоже нет.

– И никакого острого края рядом с тобою, чтобы перетереть веревку?

– Нет.

– И ты не можешь как-нибудь этак извернуться и просунуть ноги под мышки, чтобы руки оказались спереди?

– Нет.

– И никакой тайной силой ты не обладаешь?

– Не обладаю.

– Ты уверен? Я тебя как только увидела, так сразу и подумала: а ведь он наверняка обладает какой-нибудь поразительной силой, которая, скорее всего, проявится в час страшной опасности. Я подумала: ну нельзя же быть настолько никчемным; конечно, это просто притворство!

– Совершенно уверен. Слушай, я самый обычный человек. Ну ладно, хорошо, меня подкинули во младенчестве. Не знаю почему. Так вышло. Я слышал, такие случаи нередки. Но это не делает меня каким-то особенным. У меня нет никаких загадочных отметин, я ж не овца, и я не думаю, что я герой в изгнании, и, насколько я знаю, никаких изумительных талантов у меня тоже нет. О'кей, я хорошо умею играть на многих музыкальных инструментах. Потому что я много упражняюсь. Но в герои я не гожусь. Я просто перебиваюсь помаленьку, свожу концы с концами. Стараюсь как могу. Понимаешь?

– Ох.

– Лучше бы ты нашла кого-то другого.

– То есть ты вообще ничем не можешь помочь?

– Нет.

Снова повисло молчание. Наконец Злокозня промолвила:

– Знаешь, по многим признакам мне кажется, что это приключение организовано из рук вон плохо.

– Да неужто? – съязвил Кийт.

– Так пленников связывать не положено.

– Злокозня, ты что, не понимаешь? Это никакая не история, – как можно терпеливее объяснял Кийт. – Вот что я пытаюсь тебе втолковать. Настоящая жизнь – не то же самое, что сказка. В ней нет... никакой такой магии, которая тебя хранит и заставляет негодяев в нужный момент посмотреть в другую сторону, и не дает им стукнуть тебя слишком сильно, и внушает привязать тебя там, где под рукой окажется нож, и не позволяет им тебя убить. Да пойми же ты, наконец!

И снова – темнота и молчание.

– А вот моя бабушка и моя двоюродная бабушка были знаменитыми сказочницами, – наконец произнесла Злокозня. Голос ее дрожал и срывался. – Агониза и Потрошила Грымм.

– Ты говорила, – кивнул Кийт.

– Из мамы тоже получилась бы неплохая сказочница, вот только папа сочинительства не одобряет. Поэтому я сменила фамилию на «Грымм» – в профессиональных целях.

– В самом деле...

– Когда я была маленькой, меня часто били за то, что я сочиняю истории, – продолжала Злокозня.

– Били? – удивился Кийт.

– Ну ладно, шлепали, – поправилась Злокозня. – По попе. Но все равно было больно. Отец говорил, соловья баснями не кормят, а уж целый город и подавно. Говорил, чтобы управлять городом, мыслить нужно практически.

– О.

– Тебя что, вообще не интересует ничего, кроме музыки? Негодяй сломал твою дудочку!

– Значит, я куплю новую.

Этот невозмутимый голос приводил Злокознию в бешенство.

– Что ж, тогда я тебе вот что скажу, – заявила она. – Если ты сам не сделаешь из своей жизни историю, ты просто станешь частью чужой истории, вот и все.

– А что, если эта твоя история не срабатывает?

– Тогда ты ее меняешь и меняешь, пока не сложится подходящая.

– Звучит ужасно глупо.

– Ха, а ты посмотри на себя. Ты – всего-навсего размытый силуэт на чьем-то заднем плане. За тебя все решения принимает кот!

– Это потому, что Морис...

– Может, нам пойти погулять, пока вам тут не надоест вести себя по-человечески? – встрял чей-то голос.

– Морис? – вскинулся Кийт. – Ты где?

– Я в водосточной трубе, и, поверь, ночка выдалась не из приятных. Ты вообще представляешь себе, сколько тут старых погребов? – донесся из черноты голос Мориса. – Персики тащит свечу. Тут так темно, что даже я вас не вижу.

– Кто такая Персики? – прошептала Злокозня.

– Еще одна Измененная. Разумная крыса, – объяснил Кийт.

– Как Шпроты?

– Да, как Сардины.

– Ага! – прошипела Злокозня. – Убедился? Вот тебе и история. Я собой довольна, я ликую, я прямо-таки злорадствую. Отважные крысы спасают наших героев... с вероятностью, они перегрызут пути.

– Ах, значит, мы снова стали частью *твоей* истории, так? – откликнулся Кийт. – И какую же роль в твоей истории играю я?

– Я точно знаю: романтической линии в ней не будет, – отрезала Злокозня. – А для комической разрядки ты недостаточно смешон. Прямо и не знаю. Ты, наверное, просто... кто-то. Ну, вроде как случайный прохожий, что-то в этом духе. – В темноте послышался какой-то шорох. – А что они делают? – прошептала девочка.

– Наверное, свечу пытаются зажечь.

– Крысы играют с огнем? – прошипела Злокозня.

– Они не играют. Фасоль Опасно-для-Жизни считает, что свет и тени – это очень важно. Они всегда зажигают свечу в туннелях – всякий раз, когда...

– Фасоль Опасно-для-Жизни? Это что еще за имя такое?

– Тсс! Они просто заучили слова с этикеток на старых банках, с вывесок и тому подобное! Поначалу они вообще не знали, что все эти слова означают, и выбирали те, что, на их вкус, красиво звучат!

– Да, но... Фасоль Опасно-для-Жизни? Звучит так, как будто он...

– Так его зовут. И не смей издеваться над его именем!

– Приношу свои извинения, – надменно отозвалась Злокозня.

Чиркнула спичка. Взвилось свечное пламя.

Злокозния посмотрела сверху вниз на двух крыс. Одна была... ну, просто мелкая крыска, хотя более ухоженная, нежели большинство крыс на ее памяти. Собственно говоря, большинство крыс на ее памяти былидохлыми крысами, но даже живые всегда были... какими-то нервными, дергаными, все время нюхали воздух. А эта просто... наблюдала. И словно бы видела ее насквозь.

Вторая, белая, была еще мельче первой. Она тоже наблюдала за девочкой, хотя точнее было бы сказать, напряженно вглядывалась. Глазки у нее были розовые. Злокознию обычно не интересовали чужие чувства – она всегда считала, что ее собственные на порядок интереснее, но в этой крысе ощущалось что-то грустное и тревожное.

Крыса тащила за собою небольшую книжицу с яркой цветной обложкой; по крайней мере, для человека эта книжица показалась бы небольшой – размером с полкрысы. Злокознии никак не удавалось разобрать название.

– Это Персики и Фасоль Опасно-для-Жизни, – представил Кийт. – А это Злокозния. Ее отец – мэр этого города.

– Здравствуй, – промолвил Фасоль.

– Мэр? Это ведь правительство, так? – уточнила Персики. – Морис говорит, правительство – это опасные преступники: они воруют у людей деньги.

– Как ты научил их говорить? – спросила Злокозния.

– Они сами научились, – отозвался Кийт. – Это тебе не дрессированные зверюшки, знаешь ли.

– Так вот, мой отец ни у кого ничего не ворует. А кто им внушил, будто правительство – это?..

– Прошу внимания, прошу минуточку внимания, – поспешно вмешался Морис. Его голос доносился из канализационного затвора. – Да-да, я тут, внизу. Может, мы, наконец, делом займемся?

– Не могли бы вы перегрызть наши веревки, будьте так добры? – попросил Кийт.

– У меня тут обломок лезвия ножа, – отозвалась Персики. – Чтобы карандаши точить. Может, он лучше подойдет?

– Нож? – удивилась Злокозния. – Карандаши?

– Я же говорил, они – необычные крысы, – подтвердил Кийт.

Чтобы не отстать от Гуталина, Питательная перешла на бег. А Гуталин мчался во всю прыть, потому что пытался поспеть за Сардинами. По части того, чтоб быстро перемещаться по городу из конца в конец, Сардины был чемпионом мира.

По пути они подобрали еще нескольких крыс. Питательная не могла не отметить, что это были крысы по большей части молодые: поддавшись общей панике, они кинулись прочь, но далеко не ушли. Они охотно последовали за Гуталином, явно радуясь новообретенной цели.

А Сардины отплясывал впереди. Он просто не мог иначе. А еще он просто обожал канализационные трубы, крыши и водосточные желоба. «Там собак не водится, – говаривал он, – да и кошка – редкий гость».

Впрочем, никакая кошка не сумела бы догнать Сардины. Жители Дрянъ-Блинцбурга протянули между старинными домами бельевые веревки; Сардины прыгал на них, уцепившись, повисал вниз головой, и, перебирая лапками, передвигался ничуть не медленнее, чем по ровной земле. Он играючи взбегал вверх по стенам, нырял сквозь соломенную кровлю, отплясывал чечетку вокруг дымящихся труб, кубарем скатывался по черепице. Голуби вспархивали с насестов, когда он стрелой проносился мимо, а за ним поспешали остальные крысы.

На луну напозли облака.

Сардины добежал до края крыши, прыгнул, приземлился на какую-то стену под самой застрехой. Пронесся по верхнему краю стены и исчез в щели между двумя досками.

Питательная последовала за ним – и оказалась на чердаке или вроде того. Там кое-где ворохами лежало сено, но основная часть чердака, лишенная пола, просто открывалась вниз, на первый этаж, и представляла собою конструкцию из нескольких массивных балок, что тянулись вдоль всего строения из конца в конец. Снизу сиял яркий свет, слышался гул людских голосов и – Питательная содрогнулась – лай собак.

– Это большая конюшня, босс, – объявил Сардины. – Крысиная яма вон там, под той балкой. Пойдемте...

Они перебрались на древние деревянные перекрытия и осторожно глянули вниз.

Далеко внизу высилась круговая деревянная ограда – словно половина гигантской бочки. Питательная поняла, что они находятся в точности над крысиной ямой: если она сейчас свалится вниз, то приземлится ровно посередине. Вокруг толпились люди. Привязанные вдоль стен собаки самозабвенно облаивали друг друга и вселенную в целом – в обычной песьей манере давая понять, что не заткнутся ни за что и никогда, хоть ты тресни. А чуть поодаль громоздились ящики и мешки.

Мешки шевелились.

– *Кртлк!* Как нам, *кrrp*, отыскать Гуляша в этой куче? – воскликнул Гуталин. В глазах его отражался свет, идущий снизу.

– Ну, зная старину Гуляша, босс, я так скажу: как только он объявится, мы уж в неведении не останемся, – промолвил Сардины.

– А ты сможешь спуститься в яму на бечевке?

– Я готов на все, шеф, – преданно заверил Сардины.

– В яму с собакой, сэр? – переспросила Питательная. – И разве бечевка не перережет вас надвое?

– А у меня тут есть кое-что в помощь, босс, – сообщил Сардины. Он снял с себя толстый моток бечевки и отложил его в сторону. Под ним обнаружился еще один моток, светло-коричневый и чуть поблескивающий. Сардины потянул за один конец, и веревка с тихим «чпок» отдернулась назад.

– Резинка, – пояснил крыс. – Я ее со стола стянул, пока искал бечевку. Я такими и раньше пользовался, босс. Очень удобно при прыжке с большой высоты, босс.

Гуталин шагнул назад, на доски перекрытия. Там валялся на боку старый свечной фонарь: стекло разбилось, а свечу выели давным-давно.

– Отлично, – сказал он. – Потому что у меня есть идея. Если ты сможешь спрыгнуть...

С первого этажа донесся рев. Крысы снова глянули вниз.

Кольцо голов вокруг ограды заметно уплотнилось. Какой-то тип громко разглагольствовал. Время от времени собравшиеся раздражались одобрительными воплями. В толпе мелькали черные цилиндры крысоловов. Сверху они казались зловещими черными кляксами меж серых и коричневых шляп.

Один из крысоловов вытряхнул на арену содержимое мешка. Темные фигурки крыс в панике забегали по арене, пытаясь отыскать внутри круга уголок, чтобы спрятаться.

Толпа чуть расступилась. К краю ямы подошел человек, таща за собою терьера. Снова раздались крики, хохот, и пса вбросили к крысам.

Измененные неотрывно смотрели сверху вниз на круг смерти и на ликующих двуногих.

Спустя минуту-другую Питательная с усилием отвела глаза. Оглянулась на сородичей – и заметила выражение морды Гуталина. А ведь, пожалуй что, глаза его пылают огнем вовсе не от искусственного света! Крыс посмотрел через всю конюшню на огромные, наглухо запертые двери в дальнем конце. Затем покосился на вороха соломы и сена на чердаке и в кормушках и яслях внизу.

Из одной из своих перевязей Гуталин вытащил деревянную палочку.

Питательная повела носом. Красная головка на конце пахла фосфором.

Это была спичка.

Гуталин обернулся и поймал ее взгляд. И указал на кучи сена, раскиданные по всему чердаку.

– Мой план, возможно, не сработает, – сказал он. – Тогда ты отвечаешь за запасной план.

– Я? – пискнула Питательная.

– Ты. Потому что меня уже не будет... рядом, – закончил Гуталин. И вручил ей спичку. – Ты знаешь, что делать, – проговорил он, кивнув на ближайшую сетку с сеном.

Питательная сглотнула.

– Да. Да, наверное, да. Эгм... когда?

– Когда придет время. Ты сама поймешь, – отозвался Гуталин и посмотрел вниз, на кровавую бойню. – Так или иначе я хочу, чтобы они запомнили сегодняшнюю ночь, – тихо проговорил крыс. – Они запомнят, что сделали. И запомнят, что сделали мы. Запомнят до конца... жизни.

Гуляш лежал в мешке. Он чувал поблизости других крыс, и псов, и кровь. Особенно кровь.

Он слышал собственные мысли, но мысли эти были все равно что тихое жужжание насекомых на фоне оглушительных, словно гроза, ощущений. Перед его глазами плясали обрывки воспоминаний. Клетки. Паника. Белая крыса. Гуляш. Так его звали. Странно. Раньше никаких имен не было. Раньше он просто различал других крыс по запаху. Тьма. Тьма *внутри*, позади глаз. Вот эта небольшая часть – Гуляш. А все остальное снаружи – это что-то другое.

Гуляш. Я. Вожак.

Накаленная до красна ярость все еще бурлила внутри него, но теперь она обрела некую форму: так горная расщелина формирует речной поток, сужая его, заставляя течь быстрее, задавая *направление*.

Теперь Гуляш слышал голоса.

– ...Просто подбрось его потихоньку внутрь, никто и не заметит...

– ...О'кей, сейчас я чуток встряхну его, чтоб разозлился...

Мешок резко дернули туда-сюда. Но Гуляш злее не стал. Для новой ярости места уже просто не было.

Мешок закачался в воздухе: его куда-то несли. Рев человеческих голосов зазвучал громче; запахи сделались сильнее. На мгновение наступила тишина, мешок перевернули – и Гуляш выскользнул в громовой шум и в кучу барахтающихся крыс.

Зубами и когтями он пробился наверх – крысы разбегались во все стороны – и увидел, как на арену опускают рычащего пса. Тот схватил

крысу, яростно встряхнул ее и отшвырнул обмякшую тушку в воздух.

Крысы кинулись врассыпную.

– Идиоты! – завизжал Гуляш. – Действуйте сообща! Вместе вы способны обглодать этот рассадник блох до костей!

Толпа смолкла.

Пес уставился на Гуляша сверху вниз, пытаясь собраться с мыслями. Эта крыса только что заговорила. Говорить умеют только люди. И пахнет от нее как-то странно. От крыс разит паникой. Но не от этой.

Тишина звенела как колокол.

В следующий миг Джейко схватил крысу, встряхнул, но не сильно, и швырнул об пол. Он решил устроить проверку: крысы не должны разговаривать как люди, но эта крыса выглядит как крыса – а убивать крыс можно и нужно! – но разговаривает как человек, а если покусать человека, заработаешь хорошую трепку. Псу хотелось определенности. Если он сейчас получит смачного тумака, значит, эта крыса – человек.

Гуляш перекатился на бок и кое-как поднялся. Но в боку его зияла глубокая рана от песьего зуба.

Прочие крысы все еще беспорядочно копошились, сбившись в кучу, как можно дальше от пса, и каждая пыталась оказаться в самом низу.

Гуляш сплюнул кровь.

– Ладно же, – прорычал он, надвигаясь на оторопевшего пса. – Вот теперь ты увидишь, как умирает настоящая крыса!

– Эй, Гуляш!

Он поднял глаза.

За спиною Сардины разматывалась бечевка, а он падал и падал сквозь дымный воздух навстречу беснующейся арене. Он находился точно над Гуляшом, он увеличивался и увеличивался...

...замедлялся и замедлялся...

Сардины застыл в воздухе между псом и крысой. Повисел так секунду. Учтиво приподнял шляпу и сказал: «Добрый вечер!» – а затем обхватил Гуляша всеми четырьмя лапами.

И тут веревка, связанная из резинок, натянулась до предела – и наконец упруго отскочила назад. Поздно, слишком поздно Джейко щелкнул зубами – поймал он только воздух. Крысы уносились вверх все быстрее – прочь, прочь из ямы, – пока не зависли в воздухе на полпути, как раз вне досягаемости.

Пес все еще недоуменно таращился ввысь, когда с другой стороны балки спрыгнул Гуталин. На глазах у потрясенной толпы он стремительно и отвесно летел навстречу терьеру.

Джейко сощурился. Крысы, взмывающие в воздух, – это одно, но крысы, которые сами падают ему в пасть, – это же совсем другое дело! Это – крыса на блюдечке с голубой каемочкой, это вкусная крыса на палочке.

В полете Гуталин оглянулся через плечо. Там, наверху, Питательная лихорадочно что-то завязывала и перекусывала зубами. И так, Гуталин находился на другом конце Сардиновой резинки. Но Сардины загодя все тщательно объяснил. Веса одного лишь Гуталина было недостаточно, чтобы поднять двух других крыс обратно на балку...

Так что как только Гуталин увидел, что Сардины и его барахтающийся пассажир благополучно исчезли в темноте под крышей...

...Он выпустил из лап массивный старый свечной фонарь, который прихватил в качестве добавочного груза, и перегрыз веревку.

Тяжелый фонарь с высоты грохнулся на Джейко, Гуталин приземлился сверху и тут же перекатился на пол.

Толпа безмолвствовала. Безмолвствовала она с тех самых пор, как Гуляша выхватили из ямы. Повсюду над оградой – да, увы, слишком высокой, никакая крыса не допрыгнет! – Гуталин различал лица. По большей части красные. И рты, по большей части открытые. Именно в такой тишине щекастые красные лица переводят дыхание – готовясь в любой момент заорать снова.

Вокруг Гуталина уцелевшие крысы тщетно пытались взобраться вверх по гладкой стене и снова и снова оскальзывались и падали. Идиоты, думал Гуталин. Четверо или пятеро таких, как вы, заставили бы любого пса пожалеть, что он на свет родился. Но вы пытаетесь выкарабкаться, вы паникуете, и вас уничтожают по одной...

Слегка оглушенный Джейко заморгал и вытаращился на Гуталина. В горле его заклокотал рык.

– Что, получил, ты, ккрркк? – произнес Гуталин, достаточно громко, чтобы его слышали зрители. – А теперь я покажу тебе, как крыса может *выжить*.

И Гуталин атаковал врага.

Джейко был неплохим псом – ну, по собачьим меркам. Он был терьером, и убивать крыс ему нравилось само по себе, а если передуть побольше крыс на арене, так его еще и сытно накормят, скажут: «Молодчина песик!» – и пинать станут не слишком часто. Иногда крысы пытались защищаться, но это особых неудобств не причиняло – ведь Джейко заметно превосходил крысу и размерами, и количеством зубов. Большим умом Джейко не отличался, но уж всяко был поумнее крысы, и в любом случае думали за него главным образом нос и пасть.

То-то он удивился, когда челюсти его, клацнув, сомкнулись на этой новой крысе – вот только крысы в пасти не оказалось.

Гуталин не убежал, как полагается крысе. Он уворачивался от врага, как боец. Вот он куснул Джейко под подбородком и исчез. Джейко стремительно развернулся. Но крысы не оказалось и там. На протяжении всей своей карьеры в шоу-бизнесе Джейко душил крыс, которые пытались удрать. Крыса, которая вертится под самым его носом, – это несправедливо!

Зрители дружно взревели. Кто-то заорал: «Ставлю десять долларов на крысу!» – кто-то дал ему в ухо. Еще кто-то полез на арену. Сосед огрел его пивной бутылкой по лбу.

Джейко волчком вертелся на месте и подтягивал; Гуталин метался под песьим брюхом туда и сюда, выжидая своего часа...

И наконец увидел то, что искал, и прынул вперед, и куснул со всей силы.

Джейко закатил глаза. Некая очень личная часть Джейко, которая представляла интерес разве что для самого Джейко, да еще для любой собаки – представительницы прекрасного пола на его пути, внезапно превратилась в маленький сгусток боли.

Пес взвизгнул. Пес щелкнул зубами в воздухе. А затем, во всеобщем шуме, попытался удрать из ямы. Он поднялся на задние лапы, передними опершись на промасленные гладкие доски, и когти его отчаянно заскребли стену.

Гуталин прыгнул терьеру на хвост, взбежал по его спине аж до кончика песьего носа – и перескочил через заграждение.

И приземлился среди множества башмаков и сапог. Зрители попытались затоптать крысу, но для этого соседям пришлось бы потесниться. К тому времени, как люди, расталкивая друг друга локтями, тяжело затопали друг другу по ногам, Гуталин уже исчез.

Но там были и другие псы. Обезумев от возбуждения, они сорвались с цепей и с привязей и кинулись вдогонку за удирающей крысой. Что-что, а гоняться за крысами терьеры умели.

А Гуталин умел бегать. Он пронесся по полу, точно комета, далеко обгоняя рычащих, гавкающих псов, метнулся в тень, высмотрел дыру между досками и нырнул в уютную, безопасную тьму...

«Щелк!» – щелкнул капкан.

Глава 9

Фермер Фред открыл дверь: на пороге столпились все зверята Мохнатой лощинки. «Мы нигде не можем найти ни мистера Зайку, ни Крысика Кристофера!» – закричали они.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

– Ну наконец-то! – воскликнула Злокозня, стряхивая с себя веревки. – Мне отчего-то казалось, что крысы могли бы перегрызть путы и побыстрее.

– Они воспользовались ножом, – напомнил Кийт. – А тебе стоило бы сказать «спасибо»!

– Да, да, скажи им, что я очень признательна, – отозвалась Злокозня, поднимаясь на ноги.

– Вот сама и скажи.

– Извини, но я... я стесняюсь разговаривать с крысами.

– Понимаю, – промолвил Кийт. – В тебе с детства воспитывали ненависть к крысам, потому что они...

– Да нет, дело не в том, – отмахнулась Злокозня, подходя к двери и приныкая к замочной скважине. – Просто это так... по-детски. Сплошное уси-пусси. Прямо как... в «Мистере Зайке».

– В «Мистере Зайке»? – заверещала Персики. Действительно заверещала: эти ее слова прозвучали тихим взвизгом.

– При чем тут «Мистер Зайка»? – спросил Кийт.

Злокозня пошарила в кармане и вытащила сверток с погнутыми булавками.

– Да это книжонки такие, за авторством какой-то дурищи, – объяснила она, тыча булавкой в замок. – Бредовая чушь для малышни. Там есть крыса, заяц, и змея, и курица, и сова, и все они носят одежду и разговаривают с людьми, и все такое миленькое-сладенькое-уютненькое, что аж тошнит. А представляешь, мой отец хранит все это барахло с тех самых пор, как сам был ребенком! «Приключение мистера Зайки», «Мистер Зайка очень занят», «Догадливый Крысик Кристофер»... когда я была маленькая, папа читал мне вслух все до одной, а ведь там даже ни одного интригующего убийства нет!

– Пожалуй, тебе лучше заткнуться, – посоветовал Кийт. На крыс он даже взглянуть боялся.

– Никаких тебе подтекстов, никакой социальной сатиры... – продолжала зудеть Злокозня. – Единственное, что там вообще произошло, – это Уточка Урсула потеряла туфельку – *утка* потеряла *туфлю*, ты вдумайся! – на протяжении всей сказки эту туфлю где только ни искали, и в конце концов пропажа обнаружилась под кроватью. И вы называете это саспенсом? Я – нет. Если так уж надо сочинять нелепые истории про зверюшек, которые притворяются людьми, так можно хотя бы добавить немножечко интересного насилия...

– Ох ты ж ешкин кот, – вздохнул Морис из-за решетки.

Кийт наконец набрался храбрости посмотреть вниз. Персики и Фасоль Опасно-для-Жизни исчезли.

– Понимаешь, у меня язык так и не повернулся им сказать, – промолвил мальчик, ни к кому конкретно не обращаясь. – Они думали, это все правда.

– В Мохнатой лощинке – возможно, – отозвалась Злокозня, выпрямляясь. Замок наконец-то щелкнул. – Но не здесь. Ты вообще представляешь себе человека, который придумал такое название на полном серьезе? Ну, пошли.

– Ты их огорчила, – промолвил Кийт.

– Слушай, может, мы отсюда, наконец, выберемся, пока крысоловы не вернулись? – рявкнула Злокозня.

«Проблема этой девчонки в том, что она вообще не умеет прислушиваться к чужим интонациям, – подумал Морис. – Вообще не умеет прислушиваться, если на то пошло».

– Нет, – сказал Кийт.

– Что – нет?

– Нет, я никуда не пойду, – пояснил Кийт. – Тут происходит что-то скверное: куда страшнее, чем туповатые жулики, ворующие еду.

Дети снова заспорили. Морис наблюдал. Люди, говорите? И ведь считают себя венцами творения! Не то что мы, коты. Мы-то *знаем*, кто тут венец творения. Вы когда-нибудь видели, чтобы кошка кормила человека? Что и требовалось доказать.

– *Как эти двуногие разорались*, – прошипел в его голове тихий голосок.

«Это, никак, моя совесть?» – предположил Морис. Его собственные мысли откликнулись: «Что, я? Нет. Кстати, с тех пор как ты признался насчет Приправы, мне здорово получалось». Кот неуютно переминался с

одной лапы на другую.

– А, ну ладно, – прошептал он, глядя на собственное пузо. – Приправа, а это, часом, не ты?

Морис тревожился на этот счет с тех самых пор, как осознал, что сожрал Измененного. У них ведь есть голоса, так? Предположим, ты одного схарчил? Значит, его голос остался внутри тебя? А что, если... призрак Приправы до сих пор разгуливает внутри него? Прямо хоть спать теперь не ложись, а то мало ли что приснится...

– Нет, – произнес голос, подобный шуму ветра в далеких деревьях. – Это я. Я... ПАУК.

– Ах, паук, значит? – прошептала Морисова мысль. – Паука я одной лапой могу прихлопнуть, даже если три остальных связать мне за спиной.

– Не паук. ПАУК.

Это слово внезапно отозвалось болью. Прежде такого не было.

– А теперь я у тебя в ГОЛОВЕ, кот. Коты, кошки такие же мерзкие, как собаки, гадже, чем крысы. Я у тебя в ГОЛОВЕ, и я больше не УЙДУ.

У Мориса дернулась лапа.

– Я буду жить в твоих СНАХ.

– Слушай, я тут просто мимо проходил, – отчаянно зашептал Морис. – Мне лишние проблемы не нужны. Я ненадежен! Я же кот! Я бы такому, как я, не доверял, а я и есть я! Просто выпусти меня на свежий воздух, и только меня и видели – тью-тью, как ветром сдуло, или, в создавшихся обстоятельствах, как водой смыло, ищи-свищи!

– Ты не хочешь УБЕГАТЬ!

«Точно, – подумал Морис, – я убежать не хочу... Погоди-ка, хочу! Еще как хочу!»

– Я – кот! – пробормотал он. – И никакой крысе меня подчинить не удастся. Ты ж уже пытался!

– Да, – раздался голос Паука, – но тогда ты был СИЛЕН. А теперь твой жалкий умишко бегает по кругу и хочет, чтобы кто-то думал за него. Я могу думать за тебя.

Я могу думать за ВСЕХ.

Я всегда буду с тобой.

Голос затих.

«Ясно, – подумал Морис. – С Дрянь-Блинцбурггом пора прощаться. Концерт окончен. У крыс есть другие крысы, и даже эти двое человек нашли друг друга, а у меня есть только я, и хотелось бы мне вытащить себя куда-то, где со мной не будут разговаривать незнакомые голоса».

– Прошу прощенья, – возвысил он голос. – Мы вообще уходим или

как?

Двое человек оглянулись на решетку.

– Что? – не понял Кийт.

– Я бы предпочел уйти, – пояснил Морис. – Вытащи эту решетку, будь другом! Она насквозь проржавела, на соплях держится. Вот молодчина! А теперь берем лапы в руки...

– Морис, они вызвали дудочника, – промолвил Кийт. – А Клан разбежался по всему городу. Дудочник будет здесь уже утром. *Настоящий* дудочник, Морис. Не притворщик вроде меня. А у настоящих есть волшебные дудочки. Ты хочешь, чтобы на твоих глазах наших крыс постигла такая участь?

Новообретенная совесть отвесила Морису хорошего пинка.

– Ну, не то чтобы на глазах, нет, – неохотно промолвил он. – Нет, пожалуй, лучше не надо.

– Ясно. Значит, убегать не будем, – подвел итог Кийт.

– О? А что же мы будем делать? – осведомилась Злокозня.

– Мы поговорим с крысоловами, когда они вернутся, – сказал Кийт, задумчиво глядя в пространство.

– А с чего ты взял, что они захотят с нами разговаривать?

– Потому что если они не расскажут нам всего, они умрут, – объяснил Кийт.

Крысоловы вернулись двадцать минут спустя. Дверь здания Гильдии отперли, распахнули, пинком захлопнули снова. Крысолов № 2 еще и засовы задвинул.

– Ты, помнится, говорил, какой славный у нас вечер намечается? – буркнул он, привалившись к двери и тяжело дыша. – А расскажи-ка еще раз, потому что я, похоже, что-то пропустил.

– Заткнись! – рявкнул Крысолов № 1.

– Мне дали в глаз.

– Заткнись.

– И я, кажется, бумажник посеял. Двадцать долларов поминай как звали!

– Заткнись.

– И я не успел собрать в яме уцелевших крыс!

– Заткнись.

– И собак мы там тоже бросили! Некогда было их отвязывать! Их наверняка сопрут!

– Заткнись.

– А что, крысы часто по воздуху летают? Или это тайное знание

доступно только подопытным, то есть, прости, самым что ни на есть опытным крысоловам?

– Я тебе сказал – заткнись?

– Сказал.

– Вот и заткнись. Ладно, мы сваливаем. Прямо сейчас, немедленно. Забираем все деньги, стибрим на пристани какую-нибудь лодчонку, и привет! О'кей? Бросаем все, что не успели продать, и делаем ноги.

– Вот прямо так? Завтра ночью вверх по реке приплывет Безрукий Джонни с дружками забрать следующую партию, и...

– Билл, мы уходим. Тут запахло жареным.

– Вот прямо так все бросаем и уходим? Он нам должен две сотни бакс...

– Да! Вот прямо так все бросаем и уходим! Пора в путь! Игра окончена, карты раскрыты... Знает кошка, чье мясо съела! Эгм... Это ты сказал?

– Что сказал?

– Это ты только что сказал: «Эх, если бы!»?

– Я? Нет.

Крысолов обвел взглядом подсобку. Никого.

– В общем, ладно, – промолвил он. – Ночка выдалась долгая. Слушай, когда дело швах, надо бежать. Ясно как дважды два. Просто уходим, лады? Когда за нами явятся, хочу, чтоб нас тут уже не было. А вот встречаться с дудочниками я точно не хочу. Они народ ушлый. Везде свой нос суют. И стоят целое состояние. Люди начнут задавать вопросы, а я бы предпочел, чтобы вопрос они задавали один-единственный: «Куда это подевались крысоловы?» Понимаешь? Умный человек всегда знает, когда выйти из игры. Ну, чего раскис, а?.. Что ты такое сказал?

– Кто, я? Да ничего. Может, по чашке чая? После чашки чая тебе сразу полегчает.

– Это разве не ты сказал: «сам ты киса»? – уточнил Крысолов № 1.

– Я просто спросил: чаю хочешь? Честно! С тобой все в порядке?

Крысолов № 1 пристально воззрился на приятеля, словно пытаясь понять, не врет ли тот. И наконец сказал:

– Да, да, все путем. Сахару три ложки, будь так добр.

– Вот и правильно, – одобрил Крысолов № 2, отмеряя сахар. – Уровень сахара в крови нужно поддерживать. О здоровье забывать не след.

Крысолов № 1 взял кружку, отхлебнул чая и задумчиво уставился на взболтанный напиток.

– Как мы вообще дошли до жизни такой? – рассуждал он вслух. – Ну, я

про все про это, сам понимаешь! Иногда я просыпаюсь в ночи и думаю: что за глупость несусветная, а потом прихожу на работу, и все снова кажется, ну, вполне разумным. В смысле, тырить еду, вину возводить на крыс, да, и разводить крупных бойцовых крыс для крысиной травли, и притаскивать назад выживших, чтобы вывести еще более крупных, да, но... прямо и не знаю... раньше я детишек не связывал, я не из таковских...

– Но мы ж целую кучу деньжищ заработали!

– Ага. – Крысолов № 1 поболтал чай в кружке и сделал большой глоток. – Наверное, в этом все и дело. Это какой-то новый чай, что ли?

– Нет, самый обычный «Лорд Грин», как всегда.

– На вкус какой-то странноватый. – Крысолов № 1 осушил кружку и отставил ее на скамью. – О'кей, пошли заберем...

– Пожалуй, довольно, – раздался голос сверху. – А теперь ни с места и слушайте меня. Если попытаетесь убежать – вы умрете. Если будете слишком разговорчивы, вы умрете. Если будете ждать слишком долго, умрете. Если будете умничать – умрете. Вопросы есть?

С балок сорвались и закружились в воздухе несколько клочьев пыли. Крысоловы запрокинули головы. Сверху вниз на них смотрела кошачья морда.

– Да это ж треклятый кошка того парнишки! – воскликнул Крысолов № 1. – А я говорил тебе, он как-то странно на меня пырился!

– На вашем месте я бы смотрел не на меня, – непринужденно обронил Морис. – Я бы лучше посмотрел на крысиный яд.

Крысолов № 2 обернулся к столу.

– Эй, кто спер часть отравы? – воскликнул он.

– Ой, – ойкнул Крысолов № 1. Этот соображал куда быстрее.

– Спер? – возмутился кот с высоты. – Мы ничего не *прем*. Это же *воровство*. Мы просто переложили яд в другое место.

– Ой, – выдохнул Крысолов № 1, плюхаясь на табуретку.

– Это опасная штука! – заорал Крысолов № 2, озираясь в поисках чего-нибудь тяжелого. – Ты не имеешь права его трогать! Ну-ка, сейчас же говори, где яд?

Крышка люка в полу с грохотом откинулась. Из дыры показалась голова Кийта. Под изумленными взглядами крысоловов мальчуган вскарабкался вверх по приставной лестнице.

Он держал в руках смятый бумажный пакет.

– О нет, – застонал Крысолов № 1.

– Что ты сделал с ядом? – взвыл Крысолов № 2.

– Ну, раз уж вы сами об этом заговорили, – откликнулся Кийт, –

кажется, я пересыпал его в сахар.

Гуталин очнулся. Спина его пылала огнем, он задыхался. Он чувствовал, как челюсти капкана давят на него всей своей тяжестью и как чудовищные стальные зубы впиваются ему в брюхо.

«Странно, что я жив, – думал он. – Лучше б я умер сразу».

Крыс попытался приподняться: стало еще хуже. Он тяжело осел на пол; боль еще немного усилилась.

«Попался, как крыса в ловушку», – думал он.

«Интересно, какая это модель?»

– Гуталин?

Голос доносился откуда-то чуть сбоку. Гуталин попытался ответить, но каждое движение, даже самое легкое, все глубже заталкивало его в стальную пасть.

– Гуталин?

Гуталин слабо пискнул. Слова причиняли слишком резкую боль.

В сухой темноте заскребли лапки: шаги приближались.

– Гуталин!

Пахло Питательной.

– Гнх, – с трудом выдавил из себя Гуталин, пытаясь повернуть голову.

– Ты попал в капкан!

Это было уже слишком: Гуталин не удержался, пусть даже каждое слово отзывалось невыносимой мукой.

– Да... неужели?

– Я сбегая за С-Сардинами, ладно? – пролепетала Питательная.

Гуталин чуял: в крыске нарастает паника. А времени на панику не было.

– Нет! Скажи... мне... – тяжело прохрипел он, – ...капкан... какого... типа?..

– Эгм... эгм... эгм... – забормотала Питательная.

Гуталин сделал глубокий вдох, огнем опаливший его внутренности.

– *Думай* головой, ты, жалкое создание, которое и нагадить толком не умеет!

– Эгм, эгм... он весь проржавел... эгм... Повсюду ржавчина! Похож на... эгм... может стать... эгм... «Спинолом»... – Позади послышалось металлическое царапанье. – Да! Я обкусала ржавчину! Тут сказано: «Спинолом» братьев Ньюджент, модель № 1», сэр!

Гуталин попытался сосредоточиться: неослабный, чудовищный нажим стальных челюстей сдавливал его все сильнее. Модель № 1? Старье! Старо как мир! Самой древней моделью, с которой он когда-либо имел дело, был

«Усовершенствованный «Спинолом» № 7»! А в помощь ему только Питательная, полнейшая *дрртлт*, неумеха, у которой все четыре лапки – левые.

– Ты можешь... разобраться... как?.. – начал было Гуталин. Но перед глазами его уже замаячили пурпурные огни – целый туннель, залитый пурпурным светом. Крыс попытался еще раз, чувствуя, как медленно скользит навстречу огням.

– Ты... можешь... разобраться... как... пружина?..

– Он весь проржавел, сэр! – в голосе Питательной звенела паника. – Похоже, он с блокировкой раздвижного устройства, как «Большой Зубастик» Дженкинса и Дженкинса, сэр, но только без крючка на конце! А эта деталь зачем, сэр? Сэр? Сэр?

Боль постепенно уходила. Вот, значит, как оно бывает, сонно думал Гуталин. Слишком поздно. Она запаникует и сбежит. Мы все такие. В минуту опасности мы бросаемся бежать к первой же норе. Но это уже не важно. А ведь и впрямь похоже на сон, как выясняется. Волноваться не о чем. На самом деле даже приятно. Может, Большая Крыса Глубоко под Землей и вправду существует. Это было бы неплохо.

Гуталин блаженно уплывал в теплое безмолвие. Да, происходит много чего скверного, но где-то далеко отсюда, так что это уже не важно...

Рядом вроде бы послышался какой-то звук: крысиные когти заскребли по каменному полу. «Наверное, Питательная убегает, – подумала некая часть Гуталинова сознания. А другая часть возразила: – Может, это Костяная Крыса».

Эта мысль Гуталина не испугала. Здесь его ничего не пугало. Все плохое, что могло произойти, уже произошло. Гуталин чувствовал: если повернуть голову, он что-то увидит. Но просто парить в этом огромном и теплом пространстве было куда приятнее.

Пурпурный свет постепенно темнел до глубокой синевы, а в самом сердце синевы образовался черный кружок.

Похоже на крысиный туннель.

«Ага, вот где, значит, живет Большая Крыса, – думал Гуталин. – Это ее туннель. Как все оказалось просто...»

В центре туннеля возникла сияющая белая точка – она стремительно увеличивалась.

«Вот идет Большая Крыса, – думал Гуталин. – А ведь она, эта Большая Крыса, наверняка много всего знает. Интересно, что она мне расскажет?»

Светящаяся точка все росла и росла: теперь она и впрямь обрела крысиные очертания.

«Как странно, – думал Гуталин, пока синий свет угасал до черного, – выходит, это все правда. Значит, мы уходим в тунн...»

Послышался шум. Он заполнил собою весь мир. Вновь нахлынула чудовищная, невыносимая боль. А Большая Крыса закричала голосом Питательной:

– Я перегрызла пружину, сэр! Я перегрызла пружину! Она была совсем старая и ослабшая, сэр! Наверное, поэтому вас и не перерезало пополам, сэр! Вы меня слышите, сэр? Гуталин? Сэр? Я вот прямо взяла и перегрызла эту пружину, сэр! Сэр, вы все еще мертвы? Сэр?..

Крысолов № 1 спрыгнул со стула, стиснув кулаки.

По крайней мере, движение началось как прыжок. Но на полпути он зашатался. И снова тяжело осел, схватившись за живот.

– Ох, нет. Ох, нет. Мне сразу показалось, что чай странноват на вкус... – забормотал он.

Крысолов № 2 сделался бледно-зеленого цвета.

– Ты, пакостный гаденыш... – начал он.

– И даже не думай лезть на нас с кулаками, – предостерегла Злокозня. – Иначе никогда уже отсюда не выйдешь. А если нас обидеть, мы, чего доброго, позабудем, где оставили противоядие. У вас просто времени нет на то, чтоб с нами драться.

Крысолов № 1 снова попытался подняться, но ноги его не держали.

– Что это был за яд? – пробормотал он.

– Судя по запаху, тот, что крысы называют «номер три», – объяснил Кийт. – Он был в пакете под этикеткой «Серийный киллер!!!».

– Это *крысы* называют его «номер три»? – не понял Крысолов № 2.

– Они хорошо разбираются в ядах, – заверил Кийт.

– И они рассказали тебе про противоядие, да? – уточнил Крысолов № 2.

Крысолов № 1 негодуя зыркнул на него.

– Билл, мы же сами слышали, как они разговаривают. В крысиной яме, помнишь? – Он оглянулся на Кийта и покачал головой. – Не, – промолвил он. – Ты не похож на мальчика, который своими руками подсыпет человеку яда...

– А как насчет меня? – встряла Злокозня, подавшись вперед.

– Эта – *может!* Эта – все может! – заорал Крысолов № 2, цепляясь за локоть коллеги. – Она ненормальная, эта девчонка. Так все говорят! – Он снова схватился за живот и со стоном сложился вдвое.

– Ты что-то там насчет противоядия говорил, – промолвил Крысолов № 1. – Но ведь от «Серийного киллера!!!» противоядия нет!

– А я вам говорю, что есть, – заверил Кийт. – Крысы его нашли.

Крысолов № 2 повалился на колени.

– Умоляю, сжальтесь, молодой господин! Если не ради меня, то ради моей милой женушки и четырех прелестных ребятишек, которые останутся без папочки!

– Ты не женат, – напомнила Злокозня. – И детей у тебя нет!

– Но ведь в один прекрасный день могу и жениться!

– А что случилось с той крысой, которую ты унес в мешке? – спросил Кийт.

– Не могу знать, сэр. С крыши спустилась какая-то крыса в шляпе, схватила ту и улетела! – забулькал Крысолов № 2. – И тут еще одна крыса спрыгнула на арену, на всех наорала, куснула Джейко за... за непроносимые, выскочила из ямы – и бежать!

– Похоже, с твоими крысами все в порядке, – промолвила Злокозня.

– Я еще не кончил, – продолжал Кийт. – Вы обкрадывали всех и каждого, а вину возводили на крыс, так?

– Да! Точно! Да! Это наших рук дело!

– Вы убивали крыс, – тихо произнес Морис.

Крысолов № 1 резко вскинул голову. Уж больно знакомая нота прозвучала в этом голосе. Такие голоса ему доводилось слышать рядом с крысиной ямой. Они иногда объявлялись в городе – типы в элегантных жилетах, у которых денег куры не клюют: они приезжали из-за гор, зарабатывали на жизнь игрой – а случалось, что и чужими смертями. У них еще такой взгляд особенный и особая манера речи. Их называли «джентльмены-убийцы». А джентльмена-убийцу лучше не злить.

– Да, да, так и есть, это мы, мы! – рыдал Крысолов № 2.

– Ты, Билл, говори, да не заговаривайся, – посоветовал Крысолов № 1, опасливо косясь на Мориса.

– А зачем вы это делали? – не отступался Кийт.

Крысолов № 2 переводил взгляд с босса на Злокознию, а с нее на Кийта, словно пытаясь решить, кого он боится больше.

– Ну, Рон сказал, что крысы все равно все жрут, – объяснил он. – Так что... Рон сказал, если мы избавимся от всех крыс, а еду сопрем сами, ну, это ж не совсем кража, правда? Скорее что-то вроде... перераспределения. Рон знаком с одним парнем; он ночами приплывает вверх по реке на барже и платит нам...

– Это дьявольская ложь! – рявкнул Крысолов № 1. А в следующий миг его затошнило.

– Но вы ловили крыс живьем и запирали их в клетках без еды, –

продолжал Кийт. – Они питались друг другом, эти крысы. Зачем вы это делали?

Крысолов № 1 схватился за живот.

– Я уже чувствую: там что-то происходит! – всхлипнул он.

– Это все твои фантазии! – рявкнул Кийт.

– Правда?

– Ага. Ты что, совсем ничего не знаешь про яды, которыми пользуешься? Твой желудок начнет растворяться никак не раньше чем через двадцать минут.

– Ух ты! – восхитилась Злокозня.

– А вот после того, если захочешь высморкаться, твои мозги... ну, в общем, скажем так: тебе понадобится ну *очень* большой платок, – продолжал Кийт.

– Это гениально! – Злокозня лихорадочно рылась в своем мешке. – Я это запишу!

– А тогда, если вы... словом, просто не ходите в туалет, вот и все. Не спрашивайте почему. Просто не ходите. Через час все будет кончено, только лужа останется.

Злокозня поспешно записывала.

– Мокрая и склизкая, да? – уточнила она.

– И слегка побулькивающая, – подтвердил Кийт, не сводя глаз с крысоловов.

– Это бесчеловечно! – завизжал Крысолов № 2.

– Нет, это очень даже человечно, – возразил Кийт. – Это в *высшей степени* человечно. Ни одно животное в мире не станет поступать так с другим живым существом, а вот ваши яды проделывают это с крысами каждый день. *А теперь расскажите мне про крыс в клетках.*

По лицу помощника крысолова текли струйки пота. Он выглядел так, словно сам угодил в ловушку.

– Так ведь крысоловы всегда ловили крыс живьем для крысиной травли, – простонал он. – Лишний навар не помешает. Чего в том дурного-то? Все так делают! А поскольку крыс надо было поставлять и дальше – спрос-то никуда не делся! – мы стали их разводить. А как иначе? И что плохого в том, если мы и скармливали им мертвых крыс из крысиной ямы? Все знают: крысы жрут крыс, ну, не считая зеленого студенистого комочка! А потом...

– О? Значит, было какое-то «потом»? – невозмутимо осведомился Кийт.

– Рон сказал, что если мы станем разводить тех крыс, которым удалось

выжить в крысиной яме, ну, которых собаки не сцапали, тогда мы получим крыс еще крупнее и отборнее, понимаешь?

– А что, вполне научный подход, – подхватил Крысолов № 1.

– Но какой в том прок? – недоумевала Злокозня.

– Ну, мисс, мы... Рон сказал... мы подумали... я подумал... мы подумали, что... ну, это ведь, строго говоря, не жульничество – подбрасывать таких боевитых крыс к обыкновенным, понимаете, особенно если пес ну совсем отморозок. Что в том дурного-то? Приятно иметь небольшое преимущество, понимаете, когда дело доходит до ставок. Я думал... он думал...

– Что-то вы путаетесь насчет того, чья это была идея, – промолвил Кийт.

– Его, – хором ответили крысоловы.

– *Моя*, – прозвучал голос в Морисовой голове. Тот чуть с балки не свалился. – *Что нас не убивает, делает нас сильнее*, – произнес голос Паука. – *Выживает сильнейший*.

– То есть вы хотите сказать, что, если бы не крысоловы, крыс у нас тут было бы *меньше*? – подвела итог Злокозня. Она помолчала, склонив голову набок. – Нет, не так. Что-то здесь не сходится. Есть что-то еще. Вы нам не все сказали. Эти крысы в клетках, они... они безумны, одержимы...

«Если бы этот жуткий голос звучал в моей голове все двадцать четыре часа в сутки, я бы тоже спятил», – подумал Морис.

– Меня сейчас вывернет наизнанку, – взмолился Крысолов № 1. – Правда стошнит, того гляди стошнит...

– Не стоит, – предостерег Кийт, не сводя глаз с Крысолова № 2. – Тебе очень не понравится. Ну что ж, мистер Помощник Крысолова?

– Спросите их, что там, в соседнем подвале, – подсказал Морис. Кот проговорил эти слова как можно быстрее: он чувствовал, как голос Паука пытается заткнуть ему пасть.

– Ну так что там, в соседнем подвале? – спросил Кийт.

– Да просто старый хлам: поломанные клетки и всякое такое, – заверил Крысолов № 2.

– А что еще? – не отступался Морис.

– Да просто... да только... там... – Крысолов беспомощно открывал и закрывал рот. Глаза его едва не выкатывались из орбит. – Не могу сказать, – выдавил он. – Эгм. Ничего там нет. Да, точно. Там ничего нет, только старые клетки. Да, и еще чума. Не ходите туда, там чума. Вот поэтому туда ходить нельзя, понимаете? Все из-за чумы.

– Он врет, – заявила Злокозня. – Этому противоядия не давать.

– Мне пришлось это сделать! – простонал Крысолов № 2. – Чтобы вступить в Гильдию, нужно создать одного такого!

– Это тайна Гильдии! – рявкнул на него Крысолов № 1. – Мы не выдаем тайн Гильдии... – Он умолк на полуслове и схватился за живот. Внутри громко забурчало.

– Так что такое тебе пришлось сделать? – настаивал Кийт.

– Создать крысиного короля! – выпалил Крысолов № 2.

– Крысиного короля? – резко вскинулся Кийт. – А что такое крысиный король?

– Я... я... я... – забормотал крысолов. – Перестань. Я... я... я не хочу... – По лицу его струились слезы. – Мы... я создал крысиного короля... Перестань, перестань... хватит...

– И он до сих пор жив? – уточнила Злокозня.

Кийт изумленно обернулся к ней.

– Ты разбираешься в таких вещах?

– Еще бы. Про них же столько историй сложено! Крысиные короли – воплощение смертоносного зла. Они...

– Противоядие, дайте противоядие, ну пожалуйста, – взмолился Крысолов № 2. – Мне кажется, будто в моем желудке крысы кругами бегают!

– Ты создал крысиного короля, – повторила Злокозня. – Ох, батюшки. Ладно, мы оставили противоядие в том маленьком подвальчике, где вы нас заперли. На вашем месте я бы поторопилась.

Оба крысолова, пошатываясь, поднялись на ноги. Крысолов № 1 рухнул в люк. Второй приземлился прямо на него. Ругаясь, постанывая и, будем честными, шумно пуская газы, они ринулись к подвалу.

Свеча Фасоли Опасно-для-Жизни еще горела. Рядом лежал плотно набитый бумажный кулечек.

Дверь за крысоловами захлопнулась. Судя по звуку, ее надежно заклинили снаружи куском дерева.

– Противоядия там хватит на одного, – глухо послышался голос Кийта из-за двери. – Но я уверен, вы как-нибудь разберетесь промеж себя – *по-человечески*.

Гуталин жадно хватал пастью воздух: ему казалось, он вовеки не насытится, дыши он хоть целый год. Спину и грудь опоясывало кольцо боли.

– Это изумительно! – восклицала Питательная. – Вы лежали мертвым в капкане, и вот вы снова живой!

– Питательная? – осторожно промолвил Гуталин.

– Да, сэр?

– Я очень... признателен, – хрипло проговорил Гуталин, – только не дури, пожалуйста. Пружина растянулась, ослабла, и... и зубья проржавели и затупились. Вот и все.

– Но вы весь в отметилах от зубов! Никто и никогда не выходил из капкана живым, кроме разве мистеров Писков, а они ведь резиновые!

Гуталин лизнул брюхо. Питательная права. Он весь в дырках, как решето.

– Мне просто повезло, – промолвил он.

– Ни одна крыса еще не выходила из капкана живой, – повторила Питательная. – А вы Большую Крысу видели?

– Кого?

– Большую Крысу!

– А, это... – откликнулся Гуталин. Он уже собирался было добавить: «Нет, в эту ерунду я не верю», но прикусил язык. Он помнил свет, а потом тьму впереди. Тьма вовсе не казалась такой уж страшной. Гуталин почти жалел, что Питательная его вытащила. Там, в капкане, вся боль ушла далеко-далеко. И не нужно было принимать никаких трудных решений. Крыс ограничил тем, что спросил:

– С Гуляшом все в порядке?

– И да, и нет. Ну то есть никаких неизлечимых ран он вроде бы не получил. Доставалось ему и похуже. Но, понимаете, он же был уже очень стар. Прожил почти три года.

– *Был?* – вскинулся Гуталин.

– Он очень стар, я хотела сказать, сэр, – поспешно поправилась Питательная. – Сардины послал меня за вами, потому что без вас нам его обратно не отвести, но... – Питательная с сомнением оглядела эксперта по капканам.

– Все в порядке. Сдается мне, все не так страшно, как выглядит, – поморщился Гуталин. – Ну, пошли наверх, что ли.

В старом здании крыса всегда найдет зацепку для лапок. Никто и не заметил, как крысы карабкаются вверх от яслей до седла, от упряжи к решетчатой надставке с сеном. Кроме того, их никто и не высматривал. Джейко послужил путем к свободе для еще нескольких крыс, а совершенно обезумевшие псы искали беглецов или дрались друг с другом. И люди – тоже.

Гуталин немножко понимал в пиве, ведь в прошлом он промышлял под пабами и пивоварнями. Крысы частенько недоумевали, зачем люди иногда сами, по доброй воле, отключают себе мозги. Крысы, живущие в самом

сердце паутины звуков, запахов и света, не видели в том ни малейшего смысла.

Но сейчас Гуталину показалось, что в этом что-то есть. Сама идея на время забыться, чтобы голова от беспокойных мыслей не гудела... вдруг показалась очень даже привлекательной.

Гуталин почти не помнил жизнь до Изменения, но твердо знал: такой сложной она не была. Ну да, случалось много всего скверного: жить на острие ножа непросто. Но когда неприятности заканчивались, они заканчивались, и на завтра наступал новый день.

О завтрашнем дне крысы не думали. Они знали лишь некое смутное ощущение: должно произойти что-то еще, и еще. Это не значит «думать». И не было таких понятий, как «хорошо» и «плохо», «добро» и «зло». Это все *новые* идеи.

Идеи! Вот каким стал ныне их мир! Важные вопросы и важные ответы – о жизни, и как ее прожить, и к чему ты предназначен. Новые идеи рвались в усталую голову Гуталина.

И вот в его голове, посреди всех этих идей, возникла крохотная фигурка Фасоли Опасно-для-Жизни.

Гуталин никогда не разговаривал подолгу ни с мелким белым заморышем, ни с маленькой крыской, которая хвостом бегала за Фасолью и рисовала картинки про то, что он думает. Гуталину нравились крысы практичного склада.

Но теперь Гуталину подумалось: а ведь Фасоль – тоже охотник за капканами! В точности как я! Он идет впереди нас всех, отыскивает опасные идеи, обдумывает их, уловляет в слова, обезвреживает – и прокладывает нам дорогу.

Фасоль Опасно-для-Жизни нам нужен... нужен прямо сейчас. А то мы все бесцельно бегаем кругами, как крысы в бочке...

Много-много времени спустя, когда Питательная состарилась, усы у нее поседали и попахивало от нее странновато, она надиктовала историю того легендарного восхождения к потолку – и как Гуталин что-то бормотал себе под нос. Гуталин, которого она вытащила из капкана, рассказывала Питательная, стал совсем другой крысой. Как будто мысли его замедлились, но выросли.

А самое странное случилось, когда они добрались до балки. Гуталин убедился, что с Гуляшом все в порядке, а затем подобрал спичку – ту самую, которую еще недавно показывал Питательной.

«Он чиркнул спичкой по какой-то железяке, – рассказывала Питательная, – и прошелся вдоль по балке из конца в конец, держа в лапах

полыхающий факел, а внизу я различала толпу людей, и ясли с сеном, и разбросанную повсюду солому, и все эти люди копошились там, прямо как... ха, прямо как крысы... и я подумала: эй, а ведь если ты уронишь спичку, через пару секунд конюшня будет вся в дыму, а двери-то заперты; и люди, не успев даже понять, что произошло, окажутся в ловушке, как, ха, да, как крысы в бочке, а мы сбежим через водостоки.

Но Гуталин просто стоял там и глядел вниз до тех пор, пока догорала спичка. А затем отложил ее, помог нам спустить вниз Гуляша и больше ни словом о том не помянул. Потом, уже после всей этой катавасии с дудочником, я попыталась его расспросить, а он сказал: «Да. Крысы в бочке». И более ничего к тому не прибавил».

– А что ты на самом деле положила в сахар? – спросил Кийт по пути обратно к потайному люку.

– Каскару, – отозвалась Злокозния.

– Это ведь не яд, нет?

– Нет, это слабительное.

– Что такое слабительное?

– От него... тебя несет.

– Куда несет?

– Не куда, глупый. Просто... несет. В подробностях объяснять не хочу.

– О. Ты хочешь сказать... несет.

– Именно.

– И у тебя случайно нашлась при себе каскара?

– Да, конечно. В большой аптечке.

– То есть ты взяла с собой каскару ровно на такой случай?

– Разумеется. Она ведь всегда может пригодиться.

– Для чего? – любопытствовал Кийт, карабкаясь вверх по приставной лестнице.

– Ну а если бы нас похитили? А если бы мы оказались посреди моря? А если бы нас захватили в плен пираты? У пиратов меню достаточно однообразное, наверное, поэтому они всегда такие злые. Или вдруг мы бы от них сбежали, и доплыли до берега, и оказались на необитаемом острове, где нет ничего, кроме кокосов? А от кокосов бывает запор.

– Да, но... но... ведь произойти может все, что угодно! Если так думать, то на всякий случай придется брать с собою практически все на свете!

– Вот поэтому мешок получился такой большой, – невозмутимо отозвалась Злокозния, протискиваясь в люк и отряхиваясь от пыли.

Кийт вздохнул.

- А сколько ты им подсыпала?
- Много. Но с ними все будет в порядке, если только они не переусердствуют с противоядием.
- А что ты дала им в качестве противоядия?
- Каскару.
- Злокозня, ты страшный человек.
- Да ну? А не ты ли собирался отравить их *настоящим* ядом? А не ты ли так образно описывал, что именно произойдет с их желудками?
- Да, но крысы мои друзья. А некоторые яды именно так и действуют. А ты... вроде как... вместо противоядия дала им новую дозу яда...
- Это не яд. Это лекарство. Им славно прочистит желудок, вот и все. Они еще спасибо скажут.
- Ладно, ладно. Но... дать им каскару вместо противоядия, это как-то... как-то оно...
- Умно? Удачно с сюжетообразующей точки зрения?
- Да, наверное, – неохотно признал Кийт.
- Злокозня огляделась по сторонам.
- А где твой кот? Я думала, он идет за нами.
- Иногда он убредает куда-нибудь. И он вовсе не мой кот.
- Да, это ты его мальчик. Но юноша со смышленным котом может далеко пойти, знаешь ли.
- Это как?
- Ну, самый наглядный пример – это Кот в сапогах, – напомнила Злокозня. – И, уж конечно, все знают про Дика Ливингстона и его удивительного кота!
- Я не знаю, – отозвался Кийт.
- Но это же очень известная история!
- Извини. Я не так давно научился читать.
- Правда? Ну так вот, Дик Ливингстон был нищим мальчишкой без гроша в кармане, а стал лорд-мэром Убергургла, потому что его кот так ловко ловил... эгм... голубей. Город заполонили... голуби, да и, скажу больше, Дик Ливингстон даже женился потом на дочери султана, потому что его кот очистил от... голубей дворец ее отца...
- На самом деле это были крысы, так? – мрачно уточнил Кийт.
- Да, извини.
- Но это же просто история, – отозвался Кийт. – Слушай, а что, действительно есть истории про крысиных королей? У крыс разве есть короли? Я о них никогда не слышал. Как оно все устроено?
- Не совсем так, как ты думаешь. Про крысиных королей известно

испокон веков. Они на самом деле существуют, правда-правда. Вот такие, как на вывеске снаружи.

– Что, крысы, связанные друг с другом хвостами? Но как...

В дверь громко, настойчиво постучали. Судя по звуку, в том числе и ногой.

Злокозня подошла к двери и отодвинула задвижку.

– Да? – холодно осведомилась она. Внутри ворвался ночной воздух.

Снаружи сбились в кучу рассерженные горожане. Их предводитель – судя по его виду, в предводителе он угодил только потому, что случайно оказался в первом ряду, – при виде Злокознии отпрянул на шаг.

– Ой... это вы, мисс...

– Да. Мой папа мэр, знаете ли, – напомнила Злокозня.

– Эгм... да. Кто ж не знает.

– А зачем вам палки? – поинтересовалась девочка.

– Эгм... да вот, с крысоловами хотели потолковать, – объяснил представитель народа. Он попытался заглянуть через плечо девочки, и Злокозня услужливо шагнула в сторону.

– Тут никого нет, кроме нас, – сообщила она. – Вы ведь не думаете, что тут есть потайной люк, а под ним – целые лабиринты подземных подвалов и погребов, где в клетках томятся беспомощные животные и хранятся огромные запасы украденной еды?

Предводитель нервно глянул на нее.

– Вечно вы с этими вашими историями, мисс!

– Что-то случилось? – осведомилась Злокозня.

– Нам кажется, крысоловы... малость набедокурили, мисс, – объяснил предводитель, бледнея под взглядом девочки.

– Да? – поощрила она.

– Они нас всех обвели вокруг пальца: это не крысиная травля была, а чистой воды жульничество! – крикнул кто-то из-за спины предводителя, пользуясь тем, что эта самая спина воздвиглась между ним и Злокознией. – Они небось этих крыс выдрессировали! Одна такая летала по воздуху на веревке!

– А еще одна цапнула моего Джейко за... за... за неназываемые! – возмутился кто-то из глубины толпы. – И не говорите мне, что крысу не натаскали заранее!

– Я не далее как нынче утром видела крысу в шляпе, – поделилась Злокозня.

– Точно, уж больно много нынче странных крыс развелось, – подхватил кто-то. – Матушка говорит, она своими глазами видела, как

крыса *отплясывала* на кухонных полках. А тут еще дед проснулся, потянулся за вставной челюстью – а крыса его этой самой челюстью как тыпнет! Укусила деда его же собственными зубами!

– Она что, надела вставные зубы? – не поняла Злокозня.

– Да нет, просто клацнула ими в воздухе! А одна дама, живущая на нашей улице, открыла дверь в чулан, а там... крысы плавают в миске со сливками. И не просто так плавают, скажу я вам! Их точно выдрессировали. Они разные фигуры выполняют, ныряют, лапками в воздухе дрыгают и все такое!

– Вы хотите сказать, крысы занимались синхронным плаванием? – удивилась Злокозня. – Ну и кто тут истории рассказывает, а?

– А вы точно не знаете, куда эти парни подевались? – подозрительно уточнил предводитель. – Все говорят, они сюда пошли.

Злокозня возвела глаза к потолку.

– Ну хорошо, – созналась она. – Крысоловы и впрямь вернулись, но говорящий кот помог нам скормить им яду, и мы заперли их в подвале.

Горожане переглянулись.

– Да-да, конечно, – отозвался предводитель, поворачиваясь идти. – Так вот, если вы их увидите, передайте им, что мы их ищем. Лады?

Злокозня захлопнула дверь.

– Это просто ужасно, когда тебе не верят, – вздохнула она.

– А теперь расскажи про крысиных королей, – напомнил Кийт.

Глава 10

Настала ночь, и мистер Зайка вспомнил: в Темном лесу таится что-то ужасное!

Из книги «Приключение мистера Зайки»

«Ну и зачем я это делаю? – спрашивал себя Морис, протискиваясь сквозь трубу. – Коты не для того созданы!»

«Потому что мы в глубине души добрые», – подсказала совесть.

«Вовсе нет», – возразил Морис.

«Положим, что и впрямь так, – согласилась совесть. – Но мы же не хотим объяснять это Фасоли Опасно-для-Жизни, правда? Перед его подрагивающим носишкой? *Он-то* считает нас героем!»

«Так вот, я не герой», – подумал Морис.

«Тогда зачем мы шаримся под землей, пытаюсь его отыскать?»

«Ну, это же *самоочевидно!* Именно он мечтает найти крысиный остров, а без него крысы не станут сотрудничать и мне ничего не заплатят», – объяснил Морис.

«Мы – кот! Зачем коту деньги?»

«Затем, что я придумал себе пенсионную программу, – думал Морис. – Мне уже целых четыре года! Как только заработаю кучу денег – все, выхожу из дела, заведу себе уютный домик с большим очагом и милую старушку, которая станет каждый день кормить меня сливками. Я все продумал, вплоть до мельчайших подробностей».

«А зачем мы ей? Мы воняем, у нас драные уши и на лапе какая-то мерзкая проплешина зудит и чешется, вид у нас такой, словно нас в морду пнули... с какой стати милая старушка возьмет в дом нас вместо пушистого котеночка?»

«Ха! Но ведь черные кошки приносят *удачу!*», – думал Морис.

«Правда? Ну, не хочу первым тебя расстраивать, но мы не черные. Мы вроде как грязно-полосатые».

«Есть такая штука, как краска, – думал Морис. – Берешь пару пакетиков черной краски, задерживаешь на минутку дыхание, и «привет, сливки и рыбка» до конца дней моих. Что, классно придумано?»

«А как насчет *удачи?*» – не отступалась совесть.

«А! В том-то и фокус! Если черный кот раз в месяц притаскивает в зубах золотую монету, так я считаю, для хозяина это крупная удача; скажешь, нет?»

Совість заткнулась. Наверное, изумляется гениальному плану, сказал себе Морис.

Поневоле приходилось признать, что строить планы у него получается куда лучше, чем ориентироваться под землей. Морис не то чтобы потерялся: коты никогда не теряются. Он просто не знал, где все остальные. А надо сказать, земли под городом почти не осталось. Подвалы, решетки, трубы, древняя канализация, склепы и руины позабытых строений образовали что-то вроде медовых сот. «Да тут даже люди пройти сумеют, – думал Морис. – Крысоловы так точно».

Повсюду пахло крысами. Кот прикинул, не окликнуть ли Фасоль Опасно-для-Жизни, но решил, не стоит. Если закричать – то сам он, может, и выяснит, где находится мелкий крыс, но заодно оповестит... всех прочих о том, где находится Морис. Те здоровущие крысюки были, сказать по правде... ужас до чего здоровущие; от таких добра не жди. Даже тупая псина и то не факт, что с ними справится.

Теперь кот оказался в небольшом прямоугольном туннеле со свинцовыми трубами. Из труб с шипением вырывался пар, теплая вода капала в желоб, проложенный в дне туннеля. Впереди и сверху виднелась канализационная решетка: она выводила на улицу. Сквозь решетку сочился слабый свет.

Вода в желобе казалась достаточно чистой. Во всяком случае, прозрачной. Мориса мучила жажда. Он нагнулся, высунул язычок...

В воде растекалась тоненькая и яркая красная прожилка...

Крысы возвращались из конюшни обратно в подвалы. Гуляш, похоже, плохо понимал, что происходит, и засыпал на ходу, но у него хватало ума держаться за хвост Сардины. Путь был долгим. Сардины решил, что по бельевым веревкам старому жожаку не пройти. Крысы пробирались вдоль сточных канав и водоотводов, укрытые лишь плащом ночи.

Наконец они добрались до подвала, где уже слонялось несколько крыс. К тому времени Гуталин и Сардины поддерживали Гуляша с обеих сторон: старик едва передвигал ноги.

В подвале все еще горела свеча. Гуталин удивился. Ну да за последний час столько всего произошло.

Гуляш осел на пол и остался лежать там, тяжело дыша. Тело его вздрагивало с каждым вдохом.

– Это яд, шеф? – прошептал Сардины.

– Мне кажется, у него просто силы закончились, – объяснил Гуталин. – Просто закончились силы.

Гуляш открыл один глаз.

– Я... все еще... вожак?

– Так точно, сэр, – откликнулся Гуталин.

– Надо... поспать...

Гуталин обвел взглядом тесное кольцо собравшихся. Крысы подтягивались ближе. Слышно было, как они перешептываются. А еще они во все глаза глядели на Гуталина. А Гуталин озирался по сторонам, пытаясь высмотреть в толпе бледное пятнышко – Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Питательная... говорит... ты видел... туннель... Большой Крысы... – пробормотал Гуляш.

Гуталин сердито зыркнул на Питательную. Та смущенно потупилась.

– Ну, что-то такое видел, да, – ответил он.

– Тогда я засну там, и буду спать... и видеть сны... и уже не проснусь больше, – промолвил Гуляш. И снова уронил голову. – Так... старой крысе... умирать не полагается, – пробормотал он. – Не... так. Не... при свете.

Гуталин поспешно кивнул Сардинам, и тот загасил свечу шляпой. Влажная и густая подземная тьма сомкнулась вокруг.

– Гуталин, – прошептал Гуляш. – Вот что тебе надо знать...

Сардины насторожил уши, пытаясь уловить последние слова вожака, обращенные к Гуталину. Несколько секунд спустя он поежился. Он почувствовал в мире что-то изменилось.

В темноте завозились. Вспыхнула спичка, вновь заплясало свечное пламя, и в мир вернулись тени.

Гуляш лежал неподвижно.

– А нам надо его съесть? – спросил кто-то.

– Он... ушел, – промолвил Гуталин. Отчего-то мысль о том, чтобы съесть Гуляша, показалась ему неправильной. – Закопайте его, – приказал крыс. – И пометьте это место, чтобы мы знали: он там.

Крысы облегченно выдохнули. Как бы Гуляша ни уважали, все-таки от него здорово пахло, даже для крысы.

Какой-то крысенок в первом ряду неуверенно уточнил:

– Эгм... а когда вы говорите «пометьте место», вы имеете в виду, пометить так же, как мы помечаем все другие места, где что-то закапываем?

– Он спрашивает, надо ли нагадить, – объяснила крыса, стоящая рядом.

Гуталин оглянулся на Сардины; тот пожал плечами. Сердце у него упало. Если ты вожак, все ждут, что ты скажешь. А белой крысы по-прежнему нет как нет.

Гуталин был предоставлен сам себе.

Он задумался на миг, а затем кивнул.

– Да, – выговорил он наконец. – Гуляшу бы это понравилось. Это очень... по-крысьи. Но вот еще что сделайте. Нарисуйте над ним вот это.

И Гуталин начертил на земле знак.

– «Он был крысой из многочисленного рода крыс, и он думал о других крысах», – прочел Сардины. – Хорошо сказано, босс.

– А он вернется, как Гуталин? – спросил кто-то.

– Если вернется, то здорово разозлится, если мы его сожрем, – раздался другой голос. Послышалось нервное хихиканье.

– Послушайте, я не... – начал было Гуталин, но Сардины пихнул его в бок.

– Можно пару слов на ушко, шеф? – спросил он, вежливо приподнимая опаленную шляпу.

– Да, да... – Гуталин тревожился не на шутку. На него никогда еще не было устремлено столько внимательных глаз. Они с Сардинами отошли чуть в сторону.

– Ты ведь знаешь, я раньше в театре тусовался, – начал Сардины. – А в театре чего только не нахватаешься. Дело в том, что... послушай, что скажу: ты – вожак, правильно? Вот и веди себя так, будто знаешь, что делаешь, о'кей? Если вожак не знает, что делает, то никто другой тем более не знает.

– Но я разбираюсь только в капканах, – отозвался Гуталин.

– А ты представь себе, что будущее – это такой огромный капкан, – подсказал Сардины. – Причем сыра внутри нет.

– А толку-то?!

– И еще: мой тебе совет, шеф, – подсказал Сардины. – Пусть думают что хотят про тебя и... этот твой шрам. Не надо никого разубеждать.

– Но, Сардины, я же вовсе не умирал!

– Однако ж что-то произошло, так? Ты собирался поджечь конюшню. Я с тебя глаз не спускал. В капкане с тобой что-то произошло. И не спрашивайте у меня что. Я крыса маленькая, я просто чечетку танцую. С меня и довольно, босс. Но есть большие, сильные крысы – Врассоле, и Срок-Хранения, и еще кой-кто, босс, и теперь, когда Гуляш умер, они могут

подумать, что вожаком должен стать кто-то из них. Понимаешь, к чему клоню?

– Нет.

Сардины вздохнул.

– А мне кажется, понимаешь, босс. Нам разве нужны сейчас свары и разборки промеж себя?

– Нет!

– Вот именно. Что ж, благодаря нашей не в меру болтливой малютке Питательной ты – крыс, который посмотрел в лицо Костяной Крысе и вернулся, так?..

– Да, но она...

– Сдается мне, босс, любой, кто сумел переглядеть Костяную Крысу... ну, с таким шутики плохи, верно? Крыс, который носит следы зубов Костяной Крысы как пояс? Ну уж нет, с этим лучше не связываться! Крысы *пойдут* за таким вожаком. А в нынешние времена крысам *необходимо* за кем-то идти. Это ты хорошо придумал насчет старины Гуляша. Закопать, нагадить сверху и оставить знак... что ж, старым крысам это пришлось по душе, и молодым тоже. Все убедились: ты думаешь обо всех и каждом. – Сардины склонил голову набок и нервно усмехнулся.

– Вижу, за тобой, Сардины, глаз да глаз нужен, – откликнулся Гуталин. – Ты мыслишь в точности как Морис.

– Насчет меня не тревожься, босс. Я крыса маленькая. Я танцевать хочу. Вожак из меня никаковский.

«Думать за всех», – повторил про себя Гуталин. Белый крыс...

– А куда запропастился Фасоль Опасно-для-Жизни? – спросил он, оглядываясь по сторонам. – Он разве не здесь?

– Я его не видал, босс.

– Что?! Он нам нужен! У него в голове карта!

– Карта, босс? – озабоченно нахмурился Сардины. – А мне казалось, ты карты в грязи рисуешь...

– Нет, я не про картинку туннелей и ловушек... Я имею в виду карту того... что мы такое есть и куда идем.

– А, ты про дивный остров? Вообще-то я никогда в него не верил, босс.

– Про острова я, по правде сказать, ничего не знаю, – отозвался Гуталин. – Но когда я был в том... месте, мне... пришла в голову одна идея. Между людьми и крысами идет нескончаемая война! С ней надо покончить. Здесь и сейчас, в этом самом месте, с этими крысами... я вижу: это возможно. Очень может быть, это наш единственный шанс. Я вижу

общие очертания этой мысли в своей голове, но вот слов для нее придумать не могу, понимаешь? Так что нам нужна белая крыса: у него есть карта про то, как думать. Мы должны *додумать*ся до правильного выхода. Бегать по кругу и пищать – это уже не метод!

– До сих пор ты отлично справлялся, босс! – Чечеточник потрепал его по плечу.

– Все идет не так, как надо, – пожаловался Гуталин, старательно понижая голос. – Фасоль нужен нам! Он нужен мне!

– Я соберу взводы, босс, только скажите, где начинать поиски, – кротко отозвался Сардины.

– В канализации, неподалеку от подвала с клетками, – объяснил Гуталин. И добавил: – С ним был Морис.

– А это хорошо или плохо, шеф? – уточнил Сардины. – Гуляш, помнится, говаривал: «Насчет кошки не сомневайтесь: кошка всегда...»

– «...Остается кошкой». Да, я помню. Хотел бы я сам знать ответ на твой вопрос, Сардины.

Сардины подошел ближе.

– Шеф, а можно, я кой-чего спрошу?

– Конечно.

– А что такое Гуляш шепнул вам перед смертью? Какое-то тайное знание, ведомое только вожакам, да?

– Он дал мне добрый совет, – отозвался Гуталин. – Добрый совет дал.

Морис заморгал. Очень медленно втянул язычок. Прижал уши и, медленно и бесшумно ступая, двинулся вдоль желоба.

Что-то смутно белело под самой решеткой. Красная струйка брала начало где-то выше по течению, а здесь распадалась надвое, обтекала препятствие и снова закручивалась в единую тонкую ниточку.

Морис потянулся к находке. Ею оказался скрученный в трубочку клочок бумаги – весь размокший и заляпанный чем-то красным. Кот выпустил коготь, подцепил листок, вытащил его на край желоба и аккуратно расправил. И увидел растекшиеся от воды картинки, нарисованные толстым грифелем. Кот знал, что это за картинки. Он их тоже выучил, эти простые до глупости письмена, – как-то раз, когда не нашлось занятия поинтереснее.

– «Крысы не должны...» – начал было он. А дальше расплылась клякса, вплоть до «Мы – не такие, как Прочие Крысы».

– «Ох нет», – ужаснулся кот. Крысы бы их ни за что не бросили, верно? Персики всегда таскала с собой эти Правила, как невеста какое

бесценное сокровище.

– *Кто найдет их первым, я или ты?* – прозвучал чужой голос в голове Мориса. – *А может, я их уже нашел...*

Морис побежал, оскальзываясь на склизком камне. Туннель резко ушел в сторону: кота аж занесло на повороте.

– *Что они за странные существа, КОТ. Крысы, которые считают, что они не крысы. А не стать ли мне таким, как ты? Не уподобиться ли мне КОТУ? Не оставить ли одного из них в живых? НЕНАДОЛГО?*

Морис тихо взвыл про себя. В обе стороны ответвлялись туннели поменьше, но тонкая красная ниточка вела дальше – там, под очередной решеткой, в воде что-то лежало и сочилось красной краской.

Морис осел на пол. Он ожидал... чего? Но это... это же... это же еще хуже. Хуже всего на свете.

В желобе лежала размокшая книга «Приключение мистера Зайки» – и красные чернила струйкой растекались от красного жилета Крысика Кристофера.

Морис выудил книгу кончиком когтя, страницы из дешевой бумаги выпали одна за другой и поплыли по воде. Крысы потеряли книгу. Они убегали? Или... просто ее выбросили? Что такое сказал тогда Фасоль Опасно-для-Жизни? «Выходит, мы просто... крысы»? И сказал так горько и глухо...

– *Где они сейчас, КОТ? Ты можешь их отыскать? Куда теперь?*

«Голос способен видеть то, что вижу я, – думал Морис. – Голос не читает моих мыслей, но видит моими глазами, и слышит моими ушами, и неплохо наловчился догадываться, о чем я думаю...»

Морис снова закрыл глаза.

– *В темноте, КОТ? А как же ты станешь сражаться с моими крысами? Теми, что у тебя ЗА СПИНОЙ?*

Морис широко распахнул глаза и стремительно развернулся. Там были крысы, десятки крыс, некоторые – в половину его роста. Все они не спускали глаз с кота. Морды их были лишены всякого выражения.

– *Молодчина, КОТ, молодчина! Ты видишь пищащих тварей – и не прыгаешь! А как кот научился не быть котом?*

Крысы, все как одна, двинулись вперед. Послышалось тихое шуршание лапок. Морис отступил на шаг.

– *Ты только вообрази себе, КОТ, – раздался голос Паука. – Вообрази миллион умных крыс. Крыс, которые не убегают. Крыс, которые сражаются. Крыс, у которых единый разум и единое видение. Мое.*

– *Где ты?* – спросил Морис вслух.

– Скоро увидимся. Ты иди, киска, иди. Не останавливайся. Достаточно одного моего слова, одного движения мысли, и эти крысы разорвут тебя в клочья. О, ты, вероятно, двух-трех убьешь, но им на смену придут новые. На смену всегда приходят новые.

Морис развернулся и опасно тронулся вперед. Крысы последовали за ним. Он крутнулся на месте. Крысы остановились. Он снова развернулся, сделал пару шагов, поглядел назад через плечо. Крысы шли за ним, словно привязанные.

Здесь в воздухе разливался знакомый затхлый запах застоявшейся воды. Затопленный подвал где-то рядом. Но насколько близко? Разит от него гаже, чем от кошачьих консервов. В какой он стороне? Возможно, на короткой дистанции Морис и сумел бы обогнать этих тварей. Если тебя преследуют кровожадные крысы, у тебя словно крылья отрастают.

«Ты собираешься бежать на помощь белой крысе? – поинтересовалась совесть. – Или подумываешь, не рвануть ли наружу, в солнечный свет?»

Морис вынужден был признать, что солнечный свет еще никогда в жизни не казался настолько привлекательным. Зачем себя обманывать? В конце концов, крысы все равно живут недолго, даже если у них подрагивающие носишки...

– Они близко, КОТ. Сыграем в игру? Коты любят ИГРАТЬ с добычей. А с Приправой ты играл? ДО ТОГО, КАК ОТКУСИЛ ЕМУ ГОЛОВУ?

Морис остановился как вкопанный.

– Ты умрешь, – пообещал он.

– Они ко мне все ближе, Морис. Они уже совсем близко. Кстати, надо ли говорить, что глуповатый с виду парнишка и болтливая дуреха тоже умрут? А ты знаешь, что крысы способны обглодать человека заживо?

Злокозня заперла дверь подсобки.

– Крысиные короли были и остаются загадкой, – начала она. – Король – это несколько крыс, связанных хвостами друг с другом.

– Но как?

– Ну, в историях говорится, что так просто... случается.

– Как оно случается?

– Я где-то читала, будто хвосты у крысиного выводка склеиваются еще в гнезде, если там грязно, и переплетаются, и...

– У крыс обычно рождается шесть или семь крысят, хвостики у них совсем коротенькие, а родители поддерживают гнездо в чистоте, – возразил Кийт. – Интересно, люди, которые сочиняют подобные истории, крыс вообще когда-нибудь видели?

– Не знаю. А может, когда слишком много крыс находится в тесном пространстве, хвосты у них спутываются? В городском музее есть один такой крысиный король – он хранится в огромной банке со спиртом.

– Мертвый?

– Ну, или вдребезги пьяный. А ты как думаешь? – фыркнула Злокозня. – Он состоит из десяти крыс, которые образуют нечто вроде звезды, а посередине – огромный узел из хвостов. И такие находки довольно часты. Самый большой состоял из тридцати двух крыс! Крысиные короли даже в фольклор вошли.

– Но крысолов сказал, что он сам такого *создал*, – твердо заявил Кийт. – Он сказал, что создал крысиного короля, чтобы стать членом Гильдии. Ты знаешь, что такое «мастерское произведение»?

– Ну, конечно. Что-то очень хорошее...

– Я имею в виду, мастерское произведение в прямом смысле слова, – поправил Кийт. – Я ж вырос в большом городе, где на каждом шагу по гильдии. Поэтому я про такие вещи знаю. Мастерское произведение – это то, что ученик делает по окончании своего обучения, чтобы доказать старшим членам гильдии, что он достоин звания мастера, то есть сам может стать полноправным членом гильдии. Понимаешь? Это может быть великая симфония, или великолепная резьба по дереву, или партия вкуснейших хлебов – это его «мастерское произведение», его шедевр...

– Очень любопытно. И что?

– А какое мастерское произведение нужно создать, чтобы стать мастером-крысоловом? Чтобы всем доказать: ты в самом деле способен контролировать крыс? Помнишь знак над дверью?

Злокозня недовольно свела брови: так обычно хмурятся, оказавшись перед неудобным фактом.

– Но ведь связать несколько крыс хвостами при желании кто угодно может, – промолвила она. – Даже я бы справилась.

– С живыми-то крысами? Их же нужно сперва поймать, а тогда в руках у тебя окажутся словно бы кусочки скользкой веревки, которые все время шевелятся, а противоположный конец так и норовит тебя тяпнуть. И сколько крыс ты так свяжешь? Восемь штук? Двадцать? Тридцать две? Тридцать две разъяренные крысы?

Злокозня оглядела неприбранную подсобку.

– А ведь все складывается, – кивнула девочка. – Да. История получается неплохая. Возможно, *настоящих* крысиных королей всего-то и было, что один-два... ну ладно, ладно, допустим, что только один... а люди, прослышав про него, решили: раз уж возник такой ажиотаж, надо

попробовать сделать крысиного короля самим. Ну да. Это как круги на полях. Сколько бы инопланетяне ни признавались, что да, это их работа, всегда находятся твердолобые упрямы, которые твердо уверены: это сами люди ночами выходят на поле со своими садовыми катками...

– Мне просто кажется, что некоторым нравятся жестокие развлечения, – отозвался Кийт. – Как такой крысиный король сможет охотиться? Крысы же станут тянуть в разные стороны!

– Ну так в некоторых историях рассказывается, будто крысиные короли могут подчинять себе других крыс, – рассказала Злокозня. – Вроде как силой мысли. Заставляют крыс носить им еду, бегать в разные места, все такое. Ты прав, крысиные короли передвигаются с большим трудом. Так что они... учатся видеть глазами других крыс и слышать их ушами.

– Только крыс? – уточнил Кийт.

– Ну, в одной-двух историях говорится, будто они и с людьми это могут проделывать.

– Но как? – удивился Кийт. – Неужели такое *на самом деле* случилось?

– Ну, вряд ли такое возможно, правда? – откликнулась Злокозня.

– *Да, возможно.*

– Что да? – переспросила девочка.

– Я ничего не говорил. Это ты только что сказала «да», – откликнулся Кийт.

– *Глупые маленькие умишки. Рано или поздно вход всегда отыщется. Даже кот сопротивляется куда лучше вас! ПОВИНУЙТЕСЬ мне. ВЫПУСТИТЕ крыс.*

– Мне кажется, надо выпустить крыс, – предложила Злокозня. – Это слишком жестоко – держать их в тесных клетках.

– Я как раз подумал о том же, – согласился Кийт.

– *А про меня забудьте. Я – просто сказка.*

– Лично мне кажется, что на самом деле крысиные короли – это просто сказка, – заявила Злокозня, подходя к люку и приподнимая его. – А тот крысолов – дурак набитый. Наболтал невесть чего.

– Я вот думаю, а так ли *надо* выпускать крыс, – задумчиво произнес Кийт. – Вид у них больно голодный.

– Ну, они уж всяко не страшнее крысоловов, так? – возразила Злокозня. – И вообще, скоро приедет дудочник. Он их всех заведет в реку, или что-то в этом духе...

– В реку... – пробормотал Кийт.

– Ну да, он всегда так делает. Это всем и каждому известно.

– Но ведь крысы умеют... – начал было Кийт.

– Повинуйся мне! Не ДУМАЙ! Делай как в сказке!
– Что крысы умеют?
– Крысы умеют... крысы умеют... – Кийт запнулся. – Не помню. Что-то такое насчет крыс и реки. Наверное, это не важно.

Густая, глубокая тьма. И где-то в этой тьме – тихий голосок.
– Я выронила «Мистера Зайку», – пискнула Персики.
– Вот и хорошо, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Это была только ложь. Ложь нас ослабляет.
– Но ты говорил, это важно!
– Это была ложь!
...бесконечная, сочащаяся водой тьма...
– И... Правила я тоже потеряла...
– Что с того? – горько откликнулся Фасоль Опасно-для-Жизни. – Их все равно никто не соблюдал.
– Неправда! Мы пытались. Ну, в большинстве своем. И очень раскаивались, если не получалось!
– И Правила тоже – просто очередная история. Дурацкая история про крыс, которые решили, что они – не крысы, – промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни.
– Зачем ты так говоришь? Ты не в себе!
– Ты же видела, как они разбегались! Разбегались и пищали, позабыв, что умеют говорить... Глубоко внутри мы просто... крысы...
...звонкая, вонючая тьма...
– Да, так, – согласилась Персики. – Внутри мы – крысы, но снаружи? Вот как ты раньше говорил. Пойдем, ну пожалуйста... Давай вернемся. Тебе нездоровится.
– А мне все виделось так ясно... – пробормотал Фасоль Опасно-для-Жизни.
– Приляг. Ты устал. У меня еще осталось несколько спичек. Ты ведь всегда чувствуешь себя лучше при свете...
Изнывая от тревоги и ощущая себя такой потерянной вдали от дома, Персики высмотрела шероховатый участок стены и вытащила из грубой сумы спичку. Красная головка вспыхнула и затрещала. Персики подняла спичку как можно выше.
Повсюду блестели глаза.
«Что самое худшее? – думала Персики, леденея от страха. – Что я вижу глаза? Или что, когда спичка погаснет, я буду знать про глаза, которые по-прежнему здесь, никуда не делись?»

– А у меня только две спички осталось... – пробормотала она про себя. Глаза беззвучно отступили в темноту. Как крысы могут быть настолько бесшумны и неслышны? – дивилась Персики.

– Что-то неладно, – произнес Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Да.

– Тут что-то есть, – сказал он. – Что-то ужасное. Я почувал этот страх в кишкике, которую мы нашли в ловушке. Теперь я чувю его в тебе.

– Да, – кивнула Персики.

– Ты видишь, что нам нужно делать? – спросил Фасоль.

– Да. – Глаза впереди исчезли, но Персики по-прежнему различала их с обеих сторон.

– А что мы можем сделать? – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни.

Персики сглотнула.

– Мы можем пожалеть, что спичек у нас так мало, – произнесла она.

И в темноте позади их глаз раздался голос:

– *Итак, в отчаянии своем вы наконец-то пришли ко мне...*

Свет имел свой собственный запах.

Резкая серная вонь спички летела по сырým, затхлым подвалам, как желтая птица, воспаряла вверх вместе со сквозняками и ныряла в щели. Этот запах, чистый и горьковатый, рассекал застойный подземный смрад словно ножом.

Сардины втянул его в ноздри – и обернулся.

– Спички, босс! – крикнул он.

– Туда! – скомандовал Гуталин.

– Но это путь через подвал с клетками, босс, – предупредил Сардины.

– И что?

– Помнишь, что произошло в прошлый раз, босс?

Гуталин оглянулся на свой взвод. Команда, конечно, оставляла желать лучшего. Еще не все вернулись из потайных убежищ, некоторые подтягивались до сих пор, а кое-кто – надежные, здравомыслящие крысы, – разбежавшись кто куда, угодили в капканы и вляпались в отраву. Но Гуталин отобрал самых многообещающих. Тут было несколько опытных ветеранов, вроде Врассоле и Сардины, но по большей части – молодняк. Может, это не так уж и плохо, подумал Гуталин. Ведь крысы постарше первыми поддались тогда панике. Они не слишком-то привыкли думать.

– О'кей, – начал было Гуталин. – Итак, мы не знаем, что нас... – И тут он поймал взгляд Сардины. Сардины чуть качнул головой.

Ну да. Вожакам «не знать» не положено.

Гуталин оглядел молодые встревоженные морды, вдохнул поглубже и начал снова.

– Здесь, в подвалах, объявилось что-то новое, – промолвил он, и тут Гуталина озарило. – Что-то такое, чего никто не видел прежде. Нечто могучее. Нечто сильное.

Взвод съежился от страха – все, кроме Питательной, которая смотрела на Гуталина сияющими глазами.

– Нечто страшное. Нечто новое. Нечто нежданное, – продолжал Гуталин, подавшись вперед. – Это – *вы*. Вы все. Крысы с мозгами. Крысы, умеющие думать. Крысы, которые не разбегаются в панике. Крысы, которые не боятся темноты, огня, странных шорохов, капканов и яда. Таких крыс, как вы, ничто не остановит, верно?

Теперь слова сами рвались наружу.

– Вы ведь помните, в Книге было про Темный лес? Так вот, мы сейчас – в Темном лесу. Там еще что-то есть. Что-то жуткое. Оно прячется за вашим страхом. Оно думает, что сможет вас остановить, – и оно заблуждается. Мы отыщем его, вытащим за ушко, да на солнышко, и оно пожалеет, что мы на свет родились! А если мы умрем... что ж... – все крысы как одна уставились на синевато-багровую рану на груди Гуталина, – ...смерть – это не так уж и страшно. Рассказать вам про Костяную Крысу? Костяная Крыса поджидает тех, кто отступил и обратился в бегство, кто спрятался, кто дрогнул. Но если вы посмотрите ей в глаза, Костяная Крыса просто кивнет и пройдет мимо.

Вот теперь Гуталин чуял воодушевление своих бойцов. В мире позади их глаз они были самыми храбрыми крысами на свете. Требовалось закрепить эту мысль.

Гуталин непроизвольно коснулся раны. Рана заживала плохо и до сих пор кровила; здоровенный шрам небось до скончания дней останется. Вожак поднял вверх запятнанную кровью лапу, и из самой глубины его существа вдруг пришла идея.

Гуталин прошел вдоль строя, дотрагиваясь до каждой крысы и ставя алую отметину чуть выше глаз.

– А после скажут, – тихо произнес он, – «они пошли туда, они сделали это, и они вернулись из Темного леса, и так они узнают своих».

Он посмотрел поверх крысиных голов на Сардин: тот приподнял шляпу. И чары пали. Крысы задышали снова. Но некая доля магии осталась, давая о себе знать блеском глаз и подергиванием хвостов.

– Ты готов умереть ради Клана, Сардины? – заорал Гуталин.

– Нет, босс! Я готов убивать ради Клана!

– Вот и славно, – подвел итог Гуталин. – Так вперед! Мы любим Темный лес! Он принадлежит нам!

Запах света плыл по туннелям – и наконец достиг морды Мориса. Кот повел носом. Персики! Она же просто помешана на свете. Ведь свет – это по сути дела все, что способен видеть Фасоль Опасно-для-Жизни. Персики всегда таскала с собой несколько спичек. Что за бред! Создания, живущие во тьме, – и носят при себе спички! Ну, если задуматься, не такой уж и бред, но все-таки...

Крысы за спиной у Мориса подталкивали его именно в этом направлении. «Со мной играют, – подумал кот. – Перебрасывают с лапы на лапу, чтобы Паук услышал, как я запищу».

Морис услышал в своей голове голос Паука:

– *Итак, в отчаянии своем вы наконец-то пришли ко мне...*

А ушами уловил голос Фасоли Опасно-для-Жизни, далекий и совсем слабый:

– Кто ты?

– *Я – Большая Крыса, Живущая Под Землей.*

– В самом деле? Ну надо же. Я о тебе... много думал.

В стене обнаружилась дыра, за ней ярко пылала зажженная спичка. Сзади напирала крысы. Морис прошмыгнул внутрь.

Здоровенные крысы кишели здесь повсюду: они теснились на полу, карабкались по ящикам, лепились к стенам. А в самом центре, в круге света от полусгоревшей спички, которую высоко держала дрожащая Персики, чуть впереди нее стоял Фасоль Опасно-для-Жизни – и глядел наверх, на гору ящиков и мешков.

Персики стремительно крунулась на месте. Пламя спички всколыхнулось и полыхнуло жарче. Ближайшие крысы волной отхлынули назад.

– Морис? – воскликнула крыска.

– *Кот не сдвинется с места,* – промолвил голос Паука.

Морис попытался, но лапы его не слушались.

– *Стоять, КОТ. Или я прикажу твоим легким перестать дышать. Видите, крысята? Даже кошка повинуется мне!*

– Да, я вижу, что ты обладаешь силой, – промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни, совсем крохотный в круге света.

– *Умница крыса. Я слышал, как ты говоришь с другими. Ты постиг истину. Ты знаешь, что, глядя в лицо тьме, мы становимся сильнее. Ты знаешь про тьму перед нами и тьму позади наших глаз. Ты знаешь, что мы*

сотрудничаем – либо гибнем. Ты согласен... СОТРУДНИЧАТЬ?

– Сотрудничать? – Морис сморщил нос. – Как вот эти крысы, которых я чую здесь? Судя по запаху, они... сильны и глупы.

– *Но выживает сильнейший*, – отозвался голос Паука. – *Сильные крысы ускользают от крысоловов и прогрызают решетку клеток. И я призываю их к себе, как и вас. А что до их разума... я способен думать за всех.*

– Увы, но я слаб, – осторожно произнес Фасоль Опасно-для-Жизни.

– *Ты интересно мыслишь. Ты тоже стремишься к власти над крысами.*

– К власти? – удивился Фасоль Опасно-для-Жизни. – Я?

– *Ты наверняка уже понял, что в этом мире есть раса, которая ворует, убивает, распространяет болезни и расхищает все то, чем не может воспользоваться*, – прозвучал голос Паука.

– Да, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни. – Догадаться несложно. Эта раса называется «человечество».

– *Молодец. Видишь моих отборных крыс? Через несколько часов явится дурацкий дудочник, заиграет в свою дурацкую дудку, и да, мои крысы побегут за ним из города. А ты знаешь, как дудочник убивает крыс?*

– Нет.

– *Он заводит их в реку, где... ты меня слушаешь?.. где они все тонут.*

– Но крысы отлично умеют плавать, – возразил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– *Да! Крысоловам доверять нельзя! Они ведь не захотят остаться завтра без работы, так? Но двуногие предпочитают верить в сказки! Они скорее поверят в сказки, нежели в правду! Но мы, мы – КРЫСЫ! И уж мои крысы поплывут, не сомневайся! Крысы крупные, крысы особенные, крысы, которые выжили, крысы, в которых заключена часть моего сознания. Они разбегутся по городам, сея разор и гибель, – подобного бедствия люди даже представить себе не могут! Мы сторицей воздадим им за каждый капкан! Двуногие мучили нас, травили ядами, убивали, и все это ныне обрело воплощение во мне, и грядет МЕСТЬ.*

– Обрело воплощение в тебе. Да, кажется, я начинаю понимать, – откликнулся Фасоль Опасно-для-Жизни.

За его спиной затрещала и вспыхнула спичка. Персики зажгла новую от дотлевающего огонька первой. Кольцо крыс, что смыкалось все теснее, снова откатилось назад.

– *Еще две спички*, – промолвил Паук. – *И тогда так или иначе, крысенок, ты будешь мой.*

– Я хочу видеть, с кем я разговариваю, – твердо заявил Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Но ты же слеп, белый крысенок. В твоих розовых глазках я различаю только туман.

– Они видят больше, чем ты думаешь, – произнес Фасоль Опасно-для-Жизни. – И если, как ты говоришь, ты Большая Крыса... тогда покажись мне. Лучше один раз унюхать, чем сто раз услышать.

Послышался шорох, и Паук вышел из теней.

Морису показалось, что он видит крысиную стаю: крысы бежали по ящичкам, – нет, не столько бежали, сколько плавно перетекали, как будто лапками их управляло единое существо. Крысы выползли на свет, перебравшись через какой-то мешок, и Морис заметил, что хвосты их связаны в огромный безобразный узел. А еще – все крысы были слепы. Все восемь крыс встали на дыбы и рванулись, натягивая хвосты. В голове Мориса загрохотал голос Паука:

– Тогда скажи мне правду, белая крыса. Ты меня видишь? Подойди ближе! Да, ты видишь меня в своем тумане. Ты меня видишь. Люди создали меня забавы ради! Дескать, свяжем крыс за хвосты и посмотрим, как они вырываются и барахтаются. Но я – не вырывался. Вместе мы сила! Один разум обладает силой лишь одного разума, два разума обладают силою двух, но три разума обладают силою четырех, а четыре – силой восьми, а восемь разумов... едины: это один разум, сильнее, чем восемь отдельно взятых. Мой час близится. Глупые людишки устраивают крысиные бои, выживают сильнейшие, и тогда уже они дерутся друг с другом, и выживают сильнейшие из сильных... скоро клетки распахнутся, и люди узнают, что такое нашествие! Видишь этого глупого кота? Он хочет прыгнуть, но я играючи его удерживаю. Ничей разум не в силах противостоять мне. Однако ж ты... ты интересен. Твой разум похож на мой: он думает за многих крыс, а не только за одну. Мы хотим одного и того же. У нас обоих есть планы. Мы оба хотим, чтобы крысы восторжествовали. Присоединяйся к нам. Вместе мы будем... СИЛЬНЫ.

Повисло долгое молчание. Слишком долгое, на Морисов вкус.

– Да, твое предложение... не лишено интереса, – выговорил наконец Фасоль Опасно-для-Жизни.

Персики охнула, а Фасоль Опасно-для-Жизни тихо продолжал:

– Мир огромен и опасен, это так. А мы слабы, и я устал. Вместе мы обретем силу.

– Воистину!

– А скажи, пожалуйста, что станет с теми, кто не силен?

– Слабых пожирают. Так было всегда!

– Ага, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни. – Так было всегда. Становится все понятнее.

– Не слушай его! – прошипела Персики. – Он воздействует на твой разум.

– Нет-нет, мой разум в полном порядке, спасибо, – откликнулся Фасоль Опасно-для-Жизни все тем же спокойным голосом. – Да, это очень заманчивое предложение. И мы станем вместе править крысиным миром, так?

– *Мы станем... сотрудничать.* – А Морис подумал про себя: «Да, конечно. Ты сотрудничаешь, а *они* правят. Ты ведь на такое не купишься, ведь нет?»

Но Фасоль Опасно-для-Жизни промолвил:

– Сотрудничать. Да. Вместе мы дадим двуногим бой – какой им и не снился. Соблазнительно. Очень соблазнительно. Правда, при этом погибнут миллионы крыс...

– *Они же и без того погибают.*

– М-м-м, да. Да. Да, это верно. А вот взять вот эту крысу, – спросил Фасоль Опасно-для-Жизни, внезапно указав лапкой на одну из крупных крыс, что за гипнотизированно глядела на пламя, – ты можешь мне сказать, что *она* думает на этот счет?

Паук был явно озадачен.

– *Думает? А зачем ей что-то думать? Она же крыса!*

– А, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни. – Вот теперь все стало совсем понятно. Но ничего не получится.

– *Не получится?*

Фасоль Опасно-для-Жизни вскинул голову.

– Потому что, видишь ли, ты просто думаешь за многих крыс, – объяснил он. – Но ты не думаешь о них. И ты никакая не Большая Крыса, что бы ты ни говорил. Каждое твое слово – ложь. Если Большая Крыса в самом деле существует, а я надеюсь, что да, она не станет говорить о войне и смерти. Большая Крыса воплощала бы все то лучшее, чем мы можем стать, а не худшее из того, что мы есть. Нет, я не примкну к тебе, лжец во тьме. Я предпочитаю наш путь. Мы порою бываем и глупы, и слабы. Но вместе мы сильны. У тебя есть планы на крыс? А у меня есть для них мечты.

Паук, дрожа от ярости, встал на дыбы. В сознании Мориса бушевал голос.

– *А ты небось считаешь себя хорошей крысой? Но хорошая крыса –*

та, что крадет больше прочих! Ты думаешь, хорошая крыса – это крыса в жилетике, это маленький человечек, покрытый шерстью? О да, я знаю про эту вашу дурацкую, дурацкую книжонку! Предатель! Предатель крыс! Не хочешь ли испытать мою... БОЛЬ?

Морис испытал – и сполна. Боль обрушилась на него порывом раскаленного докрасна воздуха. В голове закружился пар. Кот узнал это чувство. Именно так он ощущал себя до того, как изменился. Именно так он ощущал себя прежде, чем стал Морисом. Он был просто котом. Умным котом, но – всего лишь котом.

– Ты бросаешь мне вызов? – завопил Паук, и Фасоль сложился вдвое. – Когда я воплощаю в себе все, что составляет самую суть КРЫСЫ? Я – грязь и тьма! Я – шорохи под половицами, шуршание в стенах! Я – тот, кто подкапывает, и расхищает, и портит! Я – все то, что ты отрицаешь! Твое истинное я! Ты будешь ПОВИНОВАТЬСЯ МНЕ?

– Никогда, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – Ты – только тень.

– Почувствуй мою БОЛЬ!

Морис знал: он – больше, чем кот. Он знал, что мир огромен и сложен и не сводится к вопросу о том, чем доведется в следующий раз пообедать: жуком или куриной ножкой. Мир велик и непрост, и в нем много всего изумительного, и...

Раскаленное докрасна пламя жуткого голоса выжигало ему мозг. Воспоминания отматывались и, кружась, уносились в темноту. Все прочие тихие голосочки – не жуткий голос, но внутренние голосочки Мориса, – те, что докучали ему, спорили промеж себя и объясняли коту, что он делает не так и как на самом деле надо, слабели...

А Фасоль Опасно-для-Жизни по-прежнему стоял там, маленький, дрожащий, и глядел во мрак.

– Да, – сказал Фасоль, – я чувствую боль.

– Ты только крыса и ничего больше. Маленький жалкий крысеныш. А я – сама ДУША крысиного народа. Признай это, маленький слепой крысенок, маленькая слепая ручная зверюшка.

Фасоль Опасно-для-Жизни пошатнулся, и Морис услышал:

– Нет. И я не настолько слеп, чтобы не видеть тьму.

Морис принял: да, Фасоль обмочился от страха. И все равно не стронулся с места.

– Ну да, – прошептал голос Паука. – И еще ты можешь подчинять себе тьму, так? Ты сам так говорил одной мелкой крыске: «Ты научишься справляться с тьмой».

– Я – крыса, – прошептал Фасоль Опасно-для-Жизни. – Но я не

нечисть.

– *НЕЧИСТЬ?*

– Когда-то мы просто бегали и пищали в лесу, среди прочих таких же тварей, – отозвался Фасоль Опасно-для-Жизни. – А потом люди понастроили амбаров и кладовых, битком набитых едой. Мы, конечно, брали что могли. И нас прозвали нечистью: на нас ставили капканы, нас травили ядом, и каким-то образом из этого бедствия родился ты. Но ты – это не ответ. Ты – просто еще одно злое порождение людей. Ты ничего не предлагаешь крысам, кроме новой боли. Ты обладаешь силой подчинять себе чужие умы, когда они устали, или глупы, или расстроены. Ты сейчас в моей голове.

– *Да. О да!*

– И все-таки я стою здесь, перед тобой, – промолвил Фасоль Опасно-для-Жизни. – Теперь, когда я тебя унюхал, я могу противиться тебе. И хотя тело мое дрожит, я могу оградить от тебя часть сознания. Видишь ли, я чувствую, как ты мечешься в моей голове, но теперь все двери для тебя закрыты. Я умею справляться с тьмой внутри себя, а именно там вся тьма и заключена. Ты показал мне, что я больше, чем просто крыса. А если я не буду больше, чем крысой, значит – я вообще ничто.

Множество голов Паука вертелись туда и сюда. От Морисова разума осталось не так уж много, чтобы думать, но коту казалось, что крысиный король пытается принять решение.

Ответ прозвучал ревом:

– *ТАК СТАНЬ НИЧЕМ!*

Кийт заморгал. Он уже взялся за задвижку одной из клеток.

Крысы не спускали с него глаз. Все застыли в одной и той же позе, все следили за его пальцами. Сотни и сотни крыс. И вид у них был... очень голодный.

– Ты что-то услышал? – спросила Злокозня.

Очень осторожно Кийт опустил руку и отступил на пару шагов назад.

– А зачем мы их выпускаем? – спросил он. – Я был словно... во сне.

– Я не знаю. Это же ты у нас крысиный приемыш.

– Но мы же *договорились* их выпустить.

– Я... это было... мне показалось, что...

– Крысиные короли умеют говорить с людьми, так ведь? – спросил

Кийт. – Уж не говорит ли он с нами?

– Но это же реальная жизнь, – напомнила Злокозня.

– А я думал, это приключение, – отозвался Кийт.

– Вот тебе на! А я и позабыла, – воскликнула Злокозня. – Что это с ними?

Крысы словно таяли на глазах. Они уже не стояли на задних лапах как недвижимые сторожкие статуи. Ими, похоже, снова овладевала паника.

И тут из трещин в стенах хлынули другие крысы – они бежали по полу как безумные. Они были куда крупнее тех, что в клетках. Одна тяпнула Кийта за лодыжку; мальчуган пинком отбросил тварь прочь.

– Топчи их ногами, только ни в коем случае не поскользнься! – крикнул он. – От этих крыс добра не жди!

– Наступить на них? – ужаснулась Злокозня. – Фу!

– Ты хочешь сказать, что у тебя в мешке нет ничего против крыс? Это же логово крысоловов! А ты запаслась всем, чем угодно, на случай встречи с пиратами, бандитами и разбойниками!

– Да, но ни в одной книге не рассказывается о приключении в подвале крысолова! – прокричала Злокозня. – Ой! Одна мне на шею прыгнула! Прямо на шею! Ай, их уже две! – Девочка в панике нагнулась, пытаясь стряхнуть с себя крыс, и тут же резко выпрямилась: еще одна крыса подскочила вверх, норовя вцепиться ей в лицо.

Кийт схватил Злокознию за руку.

– Только не падай! Если упадешь, они совсем озвереют! Попробуй добраться до двери!

– Они такие проворные! – задыхалась Злокозня. – Ай, еще одна у меня в волосах запуталась...

– Да не дергайся, ты, глупая самка! – раздался голос у самого ее уха. – Не шевелись, а то укушу!

Послышалось царапанье коготков, что-то просвистело, и на пол полетела крысиная тушка. Еще однадохлая крыса плюхнулась девочке на плечо и соскользнула вниз.

– Вот так! – послышался тот же голос где-то в области затылка. – А теперь не двигайся, ни на кого не наступи ненароком и не мешайся!

– Что это было? – прошипела девочка, чувствуя, как что-то съехало вниз по ее юбке.

– Кажется, ее зовут Большие Скидки, – отозвался Кийт. – Это подоспел Клан!

В подвал врывались все новые крысы, но эти двигались иначе. Держась все вместе, они развернули строй и медленно двинулись вперед. Когда вражеская крыса атаковала, строй тут же смыкался вокруг нее, словно сжимая кулак, – а когда кулак раскрывался снова, крыса была мертва.

И лишь когда уцелевшие крысы почуяли ужас своих товарок и попытались сбежать из подвала, атакующий строй распался на пары крыс, которые с жуткой целеустремленностью загоняли одного улепетывающего врага за другим и укусом повергали наземь.

Не прошло и нескольких секунд, как война уже закончилась. Писк немногих беглецов, которым посчастливилось спастись, затих в стенах.

Крысы Клана разразились нестройными радостными криками, и крики эти означали: «Я – выжил! После всего этого кошмара!»

– Гуталин? – воскликнул Кийт. – Что с тобой случилось?

Гуталин встал на задние лапы и указал на дверь в противоположном конце подвала.

– Если хочешь помочь, открой эту дверь! – закричал он. – Сдвинь ее с места! – Вожак нырнул в канализационную трубу; взвод хлынул за ним. Одна из крыс на бегу отплясывала чечетку.

Глава 11

Там-то он и отыскал мистера Зайку: бедняга запутался в ежевике и в клочья разорвал свою синюю курточку.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

Крысиный король неистовствовал.

Повсюду вокруг крысы схватились за головы, Персики завизжала и отшатнулась назад, последняя горящая спичка вылетела из ее лапы.

Но некий фрагмент Мориса пережил этот рев и эту бурю мысли. Некая крохотная частичка спряталась в клеточке мозга и съежилась там, пока остального Мориса уносило прочь. Мысли отшелушивались и исчезали в крутящемся смерче. Никаких больше разговоров, никаких размышлений; мир перестал восприниматься как нечто внешнее... слои сознания разлетались во все стороны – ураган сдирал все, что составляло его «я», оставляя только разум кота. Очень умного кота, и все-таки... просто кота.

Он просто кот. Вернулся в лес и пещеру, к клыку и когтю...

Просто-напросто кот.

А насчет кота не сомневайтесь: кот всегда остается котом.

Кот заморгал. Он был сбит с толку и зол. Он прижал уши, глаза его сверкнули зеленым огнем.

Он разучился думать. Он и не думал. Теперь он следовал только инстинкту, тому, что действует на уровне ревущей крови.

Он – кот, а вот – копошится пищащая тварь, а что коты делают при виде копошащейся и пищащей твари? Они прыгают...

Крысиный король яростно отбивался. В ката впивались острые зубы, кот запутался в клубке из дерущихся крыс; кот взвыл и покатился по полу. В подвал хлынули новые крысы, такие и собаку загрызут... но прямо сейчас, в эти несколько секунд, этот кот завалил бы и волка.

Кот не замечал потрескивающего пламени: оброненная спичка подпалила солому. Кот в упор не видел, что прочие крысы обратились в беспорядочное бегство. Кот не обращал внимания на густеющий дым.

Он жаждал убивать.

Некая темная река в глубине его существа вот уже много месяцев была

перекрыта плотиной. Слишком долго поток этот беспомощно бурлил и пенился, пока вокруг сновал крохотный пищащий народец. Коту отчаянно хотелось прыгнуть, куснуть, убить. Отчаянно хотелось быть *настоящим котом*. И вот – тайное стало явным, кот выбрался из мешка, и столько древнего боевого задора, и хищной злобы, и мстительности хлынуло по Морисовым венам, что аж когти заискрились.

А пока кот кувыркался, и кусался, и дрался, тихий голосочек на задворках его крохотного разума, что спрятался от греха подальше, последняя малюсенькая частичка, что еще была Морисом, а не кровожадным маньяком, подсказала: «Вот, сейчас! Куси сюда!»

Зубы и когти сомкнулись на узле из восьми связанных друг с другом хвостов – и разорвали его.

Ничтожный ошметок того, что некогда составляло Морисово «я», слышал, как мимо пролетела мысль:

– *Heeee... eeee... eeee!*

И тут же угасла. В подвале кишели крысы, просто крысы, ничего, кроме крыс, – они дрались друг с другом, спеша поскорее убраться с дороги яростного, шипящего, рычащего, хищного кота, к которому вернулась кошачья суть. Кот кусал, рвал, прыгал, когтил... вот он развернулся – и увидел маленького белого крыса, который так и не струсил с места на протяжении всей битвы. Морис выпустил когти...

– Морис! – пискнул Фасоль Опасно-для-Жизни.

Дверь громыхнула один раз, потом другой – Кийт еще раз пнул башмаком в замок. После третьего удара дерево треснуло и проломилось.

В противоположном конце подвала полыхала огненная стена. Языки пламени – темные, недобрые, – смещивались с густым дымом. Клан протискивался сквозь решетку и рассыпался по обе стороны, в ужасе глядя на огонь.

– О нет! Скорее, там за следующей дверью есть ведра! – крикнул Кийт.

– Но... – замялась Злокозня.

– Мы должны потушить пожар! Да быстрее же! Это работа для тех, кто ростом повыше!

Пламя шипело и потрескивало. Повсюду в огне и на полу за его пределами валялись мертвые крысы. Кое-где – не целиком, но кусками.

– Что тут произошло? – спросил Гуталин.

– Похоже, война, шеф, – отозвался Сардины, обнюхивая трупы.

– А мы можем обойти огонь?

– Слишком горячо, босс. Прости, но мы... а это, часом, не Персики?

Персики распростерлась на полу у самого огня, грязная по уши, и что-

то бормотала про себя. Гуталин присел рядом. Персики открыла глаза и посмотрела на него затуманенным взглядом.

– Персики, ты в порядке? А что случилось с Фасолью?

Сардины молча похлопал Гуталина по плечу и указал лапой.

Сквозь пламя двигалась тень...

Тень медленно и неслышно шла между стенами огня. На краткий миг в подрагивающем раскаленном воздухе она показалась огромной, – словно из пещеры выбиралось какое-то чудище, – а затем стала... просто котом. От шерсти его валил дым. Что не обгорело, то покрылось запекшейся коркой грязи. Один глаз был закрыт. Через каждые несколько шагов кот чуть проседал; за ним тянулся кровавый след

Кот тащил в зубах крохотный белый пушистый комочек.

Кот поравнялся с Гуталином и, не оглянувшись, двинулся дальше. Он утробно урчал.

– Это Морис? – не поверил Сардины.

– Он тащит Фасоль Опасно-для-Жизни! – крикнул Гуталин. – Остановите этого кота!

Но Морис уже остановился и сам. Он обернулся, лег, вытянул перед собою лапы, мутным взором посмотрел на крыс.

А затем очень осторожно положил пушистый комочек на пол. Потыкал в него носом раз-другой, проверяя, не шевельнется ли. Но комочек застыл неподвижно. Морис медленно сморгнул. Вид у кота был озадаченный – и словно бы заторможенный. Он зевнул – наружу вырвался клуб дыма. Морис опустил голову на лапы – и умер.

Морису казалось, что мир полнится призрачным светом: так бывает перед самым восходом, когда уже достаточно развиднелось, чтобы рассмотреть предметы, но слишком темно, чтобы различать цвета.

Кот сел и принялся умываться. Вокруг мельтешили крысы и человеки – но словно бы в замедленной съемке. Мориса они не интересовали. Чем бы уж они там ни занимались, да пусть себе делают что хотят. Другие носятся себе туда-сюда, безмолвно, как привидения, но только не Морис. Такое положение вещей кота более чем устраивало. Глаз не болел, шкура не ныла, лапы не измочалены – существенное улучшение в сравнении с недавним положением дел!

А если задуматься, Морис был не вполне уверен, что такое произошло совсем недавно. Явно что-то прескверное. Рядом лежало нечто очень похожее на Мориса, вроде трехмерной тени. Кот уставился на это нечто – и вдруг обернулся: в безмолвном призрачном мире послышался легкий звук.

Под стеной возникло какое-то движение. Крохотная фигурка

размашисто шагала напрямик к жалкому комочку, который был Фасолью Опасно-для-Жизни. Фигурка была размером с крысу, но куда более осязаемая, нежели все прочие крысы, и, в отличие от всех когда-либо виденных Морисом крыс, драпировалась в черный плащ.

Крыса в одежде, подумал Морис. Но эта – явно не из книжки про мистера Зайку. Из-под черного капюшона выглядывал костяной нос крысиного черепа. А на плече это существо несло крохотную косу.

Прочие крысы и человеки, что медленно дрейфовали туда-сюда с ведрами, крысу с косой не замечали. Некоторые проходили прямо сквозь нее. Крыса и Морис, похоже, находились в каком-то своем, отдельном мире.

«Это Костяная Крыса, – подумал Морис. – Это Мрачный Крысец. Он пришел за Фасолью Опасно-для-Жизни. После всего, что я пережил? Да не бывать тому!»

Кот взвился в воздух и приземлился на Костяную Крысу. Крохотная коса отлетела на камни.

– О’кей, мистер, посмотрим, умеешь ли ты разговаривать... – начал было Морис.

– ПИСК!

– Эгм... – пробормотал Морис, в ужасе осознав, что натворил.

Чья-то рука схватила его за шкирку, подняла в воздух – все выше и выше, и наконец развернула. Морис тотчас же прекратил вырываться.

Его держала на весу другая фигура – намного выше первой, ростом с человека, но в таком же черном плаще и с куда более увесистой косой. В лице ощущалась явственная нехватка кожи. Строго говоря, лица на лице тоже остро не хватало. Просто череп – и все.

– ВОЗДЕРЖИСЬ ОТ НАПАДЕНИЙ НА МОЕГО КОЛЛЕГУ, МОРИС, – промолвил Смерть.

– Так точно, сэр, мистер Смерть, сэр! Будет исполнено, сэр! – быстро откликнулся Морис. – Без проблем, сэр!

– ДАВНЕНЬКО НЕ ВИДЕЛИСЬ, МОРИС.

– Не виделись, сэр, – отозвался Морис, слегка расслабляясь. – Соблюдаю осторожность, сэр. Смотрю направо-налево, перед тем как перейти улицу, и все такое, сэр.

– И СКОЛЬКО У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ?

– Шесть, сэр. Шесть. Со всей определенностью. Со всей определенностью, шесть жизней, сэр.

Смерть, похоже, удивился.

– НО ТЕБЯ ЖЕ НЕ ДАЛЕЕ КАК В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ ТЕЛЕГА

ПЕРЕЕХАЛА, РАЗВЕ НЕТ?

– А, это, сэр? Да она ж меня почти не задела, сэр. Пошел себе дальше как ни в чем не бывало, сэр.

– ВОТ ИМЕННО.

– Ох.

– ПОЛУЧАЕТСЯ ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ, МОРИС. ВПЛОТЬ ДО СЕГОДНЯШНЕГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЫЛО ПЯТЬ. А НАЧИНАЛ ТЫ С ДЕВЯТЬЮ.

– Справедливо, сэр. Совершенно справедливо. – Морис сглотнул. Ну ладно, попытка – не пытка! – Тогда скажем так, осталось три, правильно?

– ТРИ? НО Я СОБИРАЛСЯ ЗАБРАТЬ ТОЛЬКО ОДНУ. НЕЛЬЗЯ ПОТЕРЯТЬ БОЛЬШЕ ОДНОЙ ЖИЗНИ ЗАРАЗ, ДАЖЕ ЕСЛИ ТЫ КОТ. У ТЕБЯ ОСТАЛОСЬ ЧЕТЫРЕ, МОРИС.

– А я говорю, возьмите две, сэр, – настойчиво уговаривал Морис. – Две моих, и будем считать, что мы в расчете?

Смерть и Морис поглядели вниз, на тусклый призрачный силуэт Фасоли Опасно-для-Жизни. Его уже обступили другие крысы, пытаются приподнять.

– ТЫ УВЕРЕН? – спросил Смерть. – В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОН ЖЕ КРЫСА.

– Так точно, сэр. Все сложно, сэр.

– ТО ЕСТЬ ОБЪЯСНИТЬ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ?

– Не могу, сэр. Сам не знаю, почему все так, сэр. В последнее время что-то странное творится, сэр.

– С ТВОЕЙ СТОРОНЫ ЭТО ОЧЕНЬ НЕ ПО-КОШАЧЬИ, МОРИС. Я ИЗУМЛЕН.

– Да я и сам просто шокирован, сэр. Надеюсь, никто не узнает, сэр.

Смерть опустил Мориса на пол, рядом с его телом.

– ТЫ НЕ ОСТАВЛЯЕШЬ МНЕ ВЫБОРА. СУММА ВЕРНА, ХОТЯ Я НЕ УСТАЮ ИЗУМЛЯТЬСЯ. МЫ ПРИШЛИ ЗА ДВУМЯ ЖИЗНЯМИ, ДВЕ МЫ И ЗАБИРАЕМ... РАВНОВЕСИЕ СОХРАНЕНО.

– А можно вопрос, сэр? – спросил Морис, едва Смерть повернулся уходить.

– МОЖНО, НО ОТВЕТИТЬ НЕ ОБЕЩАЮ.

– Я так понимаю, никакой Большой Кошки в Небесах нету, правда?

– МОРИС, Я ТЕБЕ УДИВЛЯЮСЬ. КОНЕЧНО, НИКАКИХ КОТОБОГОВ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. БЫТЬ БОГОМ... ЭТО ЖЕ ПОЧТИ РАБОТА.

Морис кивнул. Помимо лишних жизней, у котов есть еще одно

несомненное преимущество: теология не такая замороченная.

– Я ведь ничего из этого не запомню, так, сэр? – спросил он. – А то ж так и со стыда сгореть недолго.

– КОНЕЧНО, НЕТ, МОРИС... Морис?

В мир вернулись краски. Кийт, склонившись над котом, ласково его гладил. Каждая клеточка Мориса саднила и болела. Как может ныть – шерсть? Лапы просто-таки вопили от боли, один глаз превратился в льдышку, а легкие заполнял огонь.

– Мы думали, ты умер! – воскликнул Кийт. – Злокозня уже собиралась закопать тебя в саду! Говорит, у нее и черная вуаль припасена.

– Что, в приключенческом мешке?

– Ну конечно, – кивнула Злокозня. – А если бы мы оказались на плоту посреди реки, где кишмя кишат плотоядные...

– Да, понял, спасибо, – проворчал Морис. В воздухе разило горелым деревом и грязными парами.

– Ты в порядке? – спросил Кийт. В лице его по-прежнему читалась тревога. – Ты ведь теперь – черный кот, приносящий удачу!

– Ха-ха, да, ха-ха, – мрачно откликнулся Морис, с мучительным трудом поднимаясь с пола. – А как там крысеньш? – уточнил он, пытаясь повернуть голову.

– Он был без сознания, прямо как ты, но когда его попытались приподнять, он выкашлял много всякой гадости. Ему плохо, но он постепенно приходит в себя.

– Все хорошо, что... – начал было Морис и поморщился. – Голова плохо ворочается, – пожаловался он.

– Это потому, что ты весь искусан крысами.

– Как там мой хвост?

– Да отлично. Почти весь на месте.

– Ну ладно. Тогда и впрямь все хорошо, что хорошо кончается. Приключение закончилось, настало время для чая с булочками, в точности как девчонка говорит.

– Нет, – покачал головой Кийт. – Есть еще дудочник.

– А нельзя ему просто дать доллар за труды и отправить восвояси?

– С Волшебным Дудочником этот фокус не пройдет, – возразил Кийт. – С Волшебным Дудочником так не разговаривают.

– Неприятный тип, да?

– Не знаю. Похоже на то. Но у нас есть план.

Морис глухо заворчал.

– Это у вас-то есть план? – промолвил он. – Ты, никак, сам его

придумал?

– Да, я, и Гуталин, и Злокозня.

– Хорошо, расскажите мне про этот ваш замечательный план, – вздохнул Морис.

– Мы запрем *кикиков* в клетках, и ни одна крыса за дудочником не последует. То-то он оконфузится, а? – сказала Злокозня.

– И *все*? Это и есть ваш план?

– А что, думаешь, не сработает? – забеспокоился Кийт. – Злокозня сказала, дудочник так устыдится, что уйдет сам.

– Ты вообще в людях не разбираешься, да? – вздохнул Морис.

– Скажешь тоже! Я ведь человек, – напомнила Злокозня.

– И что? В людях разбираются кошки. Нам поневоле приходится. Никто, кроме людей, буфеты открывать не умеет. Слушай, даже у крысиного короля и то был план получше. Хороший план – это не когда кто-то выигрывает, это когда никто не считает, что *проиграл*. Понятно? Вам вот что надо сделать... нет, не сработает, нам потребуется много ваты...

Злокозня торжествующе встряхнула мешком.

– Вообще-то я подумала, что если я окажусь в плену внутри гигантского подводного механического кальмара и мне понадобится законопатить щели...

– То есть ты хочешь сказать, что у тебя в мешке большой запас ваты, так? – напрямик спросил Морис.

– Да!

– Как я мог в тебе усомниться, – фыркнул Морис.

Гуталин воткнул меч в грязь. Вокруг него собрались крысы-старейшины, вот только принцип старшинства поменялся. Среди крыс солидного возраста теперь были и молодые, и каждая – с темно-красной отметиной на голове, и они решительно пробивались в первые ряды.

И все тараторили без умолку. Гуталин чуял облегчение, накотившее, когда Костяная Крыса прошла мимо и не оглянулась...

– Тишина! – рявкнул Гуталин.

Его окрик прозвучал подобно удару гонга. Все красные глаза обратились на вожака. Гуталин смертельно устал, дышал он тяжело, с присвистом, шерсть его покраснела от крови и почернела от сажи. Не вся кровь была его.

– Война еще не закончилась, – промолвил он.

– Но мы только что...

– *Война еще не закончилась!* – Гуталин оглядел круг. – Мы выловили не всех здоровенных бойцовых крыс, – прохрипел он. – Врасоле,

возьмешь двадцать наших и вернешься к гнездам, поможешь их охранять. Большие Скидки и старые самки уже там, они разорвут в клочья любого врага, но я не хочу рисковать.

Врассоле свирепо воззрился на Гуталина.

– Не понимаю, с какой стати ты... – начал было он.

– *Выполняй приказ!*

Врассоле торопливо припал к земле, махнул крысам позади себя и стремглав унесся прочь.

Гуталин оглядел остальных. Кое-кто, ощутив на себе его взгляд, отшатывался назад, словно опаленный пламенем.

– Мы разобьемся на взводы, – объявил вожак. – Все крысы Клана, которые не участвуют в охране гнезд, разобьются на взводы. И в каждом должно быть хотя бы по одной крысе из капканной команды! Возьмите с собой огня. Крысята помоложе пусть бегают посыльными, чтоб вы не теряли связи друг с другом! К клеткам не подходите, эти бедолаги подождут! Прочешите все туннели, все подвалы, все дыры и все углы! Если встретите чужую крысу и она прижмется к земле, берите ее в плен! Но если она вступит в драку – а крупные крысы непременно станут драться, потому что ничего другого они не умеют, – убивайте ее. Палите ее или кусайте! *Убивайте наверняка! Вы меня слышите?*

Крысы согласно загалдели.

– *Я сказал, вы меня слышите?*

На этот раз ответом ему был дружный рев.

– Отлично! И мы не остановимся, пока не очистим туннели из конца в конец! А потом сделаем то же самое снова! Пока эти туннели не станут *нашими!* Потому что... – Гуталин сжал меч, оперся на него на мгновение, чтобы перевести дыхание, а когда заговорил снова, слова его прозвучали не громче шепота. – Потому что мы сейчас в самом сердце Темного леса, и мы обнаружили Темный лес в собственных душах, и... сегодняшней ночью... мы... это нечто ужасное. – Он снова перевел дыхание, и следующие его слова слышали только те, кто стоял совсем близко. – И нам больше некуда идти.

Рассветало. Сержант Доппельпункт, составляющий половину официальной городской Стражи (причем бóльшую), всхрапнув, пробудился в тесной караулке у главных врат.

Он кое-как оделся, умылся в каменной раковине, погляделся в осколок зеркала на стене.

И замер. Послышался слабый, но отчаянный писк, а затем маленькая решеточка над сливным отверстием сдвинулась в сторону, и наружу

выскочила крыса. Здоровенная такая, серая. Крыса взбежала вверх по его руке, а потом спрыгнула на пол.

По лицу сержанта Доппельпункта текла вода. Страж закона ошарашенно наблюдал: из трубы появились три крысы поменьше и кинулись в погоню за первой. В центре комнаты крыса обернулась и изготовилась сражаться, но крысы помельче набросились на нее одновременно с трех сторон. Это была не драка. Скорее похоже на казнь, подумал сержант.

В стене зияла заброшенная крысиная нора. Две крысы схватили тушку за хвост и оттащили ее в дыру, с глаз подальше. А третья остановилась у входа в нору, обернулась, встала на задние лапы.

Сержанту померещилось, будто крыса изучающе на него смотрит. Не так, как животное смотрит на человека, пытаясь понять, опасен ли он. Крыса не казалась испуганной, скорее – заинтересованной. На голове у нее красовалась какая-то красная клякса.

Крыса отсалютовала сержанту. Явно отсалютовала, хотя заняло это не больше секунды. А в следующий миг все крысы исчезли.

Сержант еще какое-то время неотрывно смотрел на дыру; с подбородка его капала вода.

И тут послышалось пение. Пение доносилось из сливного отверстия и отзывалось эхом, словно долетало издалека. Один голос начинал, и целый хор подхватывал:

*Нам не страшны псы и коты!..
...Наш клан с капканами «на ты»!*

*Нет блох у нас и нет чумы...
...пьем яд и сыр ворует мы!*

*А если тронешь крысу, знай...
...мы яд тебе подсыплем в чай!*

*Мы здесь сражались, здесь наш дом...
...И МЫ ОТСЮДА НЕ УЙДЕМ!*

Песня смолкла. Сержант Доппельпункт заморгал и покосился на

пустую бутылку из-под пива, оставшуюся со вчерашнего вечера. На ночном дежурстве он вдруг почувствовал себя так одиноко. И не то чтобы в Дрянью-Блинцбург кто-то вторгся, в конце-то концов. Ведь взять тут нечего.

Но, наверное, рассказывать об этом не стоит. Наверное, ничего такого и не было. Наверное, просто пиво попало некачественное.

Дверь караулки распахнулась, и вошел капрал Кнопф.

– Утречко доброе, сержант, – поздоровался он. – Тут, это... что с вами такое?

– Ровным счетом ничего, капрал! – быстро заверил Доппельпункт, вытирая лицо. – Я лично ничего необычного не видел! Что стоишь столбом? Пора отпирать ворота, капрал!

Стражники вышли из караулки, распахнули городские ворота, и внутрь хлынул солнечный свет. А вместе с ним – длинная, ну очень длинная тень.

«Ох ты ж, батюшки, – подумал сержант Доппельпункт. – Денек-то, похоже, не задался...»

Мимо стражников, не удостоив их и взглядом, проехал всадник верхом на коне – напрямик на городскую площадь. Стражники бросились за ним. Вообще-то людей с оружием игнорировать не полагается.

– Стой! По какому делу приехал? – потребовал капрал Кнопф. Ему приходилось по-крабьи бежать за конем, чтобы не отстать. Всадник, одетый в черное и белое, походил на сороку.

Незнакомец не отозвался ни словом – лишь улыбнулся про себя краем губ.

– Ладно, ладно, может, никаких дел у тебя и нет, но ведь просто назваться ничего не стоит, так? – предложил капрал Кнопф, который отнюдь не искал неприятностей на свою голову.

Всадник смерил его взглядом – и снова уставился прямо перед собою.

Сержант Доппельпункт заметил в воротах небольшую крытую повозку, запряженную осликом. Повозкой правил безобидный старичок. Стражник напомнил себе, что он – сержант, а значит, платят ему больше, чем капралу, а значит, мысли его стоят дороже. А мысль у него была вот какая: вовсе не обязательно проверять на въезде *всех и каждого*, так? Тем более если люди заняты. Проверка должна быть выборочной. А если выборочной, то неплохая идея – выбрать безобидного старичка, который кажется достаточно хилым и дряхлым, чтобы испугаться довольно-таки замызганной формы и проржавевшей кольчуги.

– Стой!

– Хе-хе! Еще чего! – заявил старичок. – Вы там с осликом поосторожнее, если его разозлить, он кусается неслабо. Мое дело

предупредить.

– Ты пытаешься выказать презрение к Закону? – возмутился сержант Доппельпункт.

– Я просто не пытаюсь его скрыть, мистер. Хотите что-нибудь по этому поводу сделать, потолкуйте с моим боссом. Он вон он, верхом на коне. На громадном таком.

Незнакомец в черно-белом спешился у фонтана в центре площади и как раз открывал седельные сумы.

– Пойти и впрямь с ним поговорить, что ли? – пробормотал про себя сержант.

К тому времени, как он поравнялся с незнакомцем – а ноги сержант передвигал как можно медленнее, – тот уже установил у фонтана небольшое зеркальце и теперь сосредоточенно брился. Капрал Кнопф не сводил с чужака глаз. Ему доверили подержать лошадь.

– Почему ты его до сих пор не арестовал? – прошипел сержант.

– А за что, за нелегальное бритье? Я вам так скажу, сержант, арестовывайте его сами!

Сержант Доппельпункт откашлялся. Несколько ранних пташек из числа горожан уже наблюдали за ним с явным интересом.

– Эгм... вот что, послушай, друг. Я уверен, ты вовсе не хотел... – начал сержант.

Незнакомец выпрямился и одарил стражников таким взглядом, что оба непроизвольно отпрянули назад. А затем протянул руку и развязал ремешок, скрепляющий сверток плотной кожи, подвешенный у седла.

Сверток развернулся. Сержант Кнопф присвистнул. По всей длине кожного лоскута на петельках крепились десятки флейт и дудочек. Они матово поблескивали в лучах рассветного солнца.

– О, так вы – дудочн... – начал было сержант. Но незнакомец уже снова отвернулся к зеркалу и буркнул, словно обращаясь к собственному отражению: – Где тут позавтракать дают?

– О, если вам нужен завтрак, миссис Тык из «Синей капусты» вас...

– Сосиски, – заявил дудочник, не отвлекаясь от бритья. – С одной стороны поподжаристой. Три. Сюда. Через десять минут. Мэр где?

– Ступайте вот по этой улице до первого поворота налево...

– Приведите его.

– Эй, но нельзя же... – начал было сержант, но капрал Кнопф схватил его за руку и оттащил в сторону.

– Это же дудочник! – прошипел он. – С дудочником шутки плохи! Вы что, не знаете, на что он способен? Стоит ему продудеть нужную ноту, и у

вас ноги отвалятся!

– Это как при чуме, что ли?

– Говорят, в Швайнешкваркене совет ему не заплатил, а он сыграл на этой своей специальной дудочке и увел всех детей в горы, и больше их никто не видел!

– Молодец какой; как думаешь, а он не мог бы и здесь такое повторить? В городе сразу потише станет...

– Ха! А ты слышал, что случилось в Клатче? Дудочника наняли избавить город от нашествия мимов, а когда ему не заплатили, он заиграл, и все стражники разом пустились в пляс, дотанцевали до реки и утонули!

– О нет! Неужто? Каков злодей! – возмутился сержант Доппельпункт.

– Он запрашивает три сотни долларов, представляете?

– Триста долларов!

– Вот почему городские советы так не любят платить, – пояснил капрал Кнопф.

– Постой-постой! А разве бывает нашествие мимов?

– О, я слышал, это было просто ужасно. Люди боялись на улицу выйти.

– Ну, то есть повсюду эти белые лица и неслышно крадущиеся фигуры...

– Точно. Просто жуть. Кстати, когда я проснулся, у меня тут на туалетном столике крыса отплясывала. Топ-топ-топ, стук-постук...

– Занятно, – отозвался сержант Доппельпункт, как-то странно глядя на капрала.

– А еще эта крыса напевала себе под нос: «Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес». «Занятно» – это еще слабо сказано!

– Нет, я имею в виду, занятно, что у тебя есть туалетный столик. Ты ведь даже не женат.

– Вольно ж вам издеваться над человеком, сержант!

– А зеркало в нем есть?

– Ну хватит уже, сержант. Вы сходите за сосисками, а я сбегаю за мэром.

– Нет, Кнопф. Ты тащи сосиски, а я приведу мэра, потому что мэр придет бесплатно, а миссис Тык потребует денег.

Когда подоспел сержант, мэр уже встал и расхаживал по дому с видом весьма озабоченным.

При появлении сержанта мэр забеспокоился еще больше.

– Ну, что она на сей раз натворила? – спросил он.

– Сэр? – откликнулся стражник. Слово «сэр», произнесенное с такими интонациями, обычно подразумевает «о чем вы?»

- Злокозня не ночевала дома, – объяснил мэр.
  - Вы думаете, с ней что-то стряслось, сэр?
  - Нет, я боюсь, это она, чего доброго, с кем-то стряслась! Помнишь, в прошлом месяце? Когда она выследила Загадочного Всадника Без Головы?
  - Ну, надо признать, что он и впрямь ехал на коне, сэр.
  - Верно. А еще он был маленького роста и с очень высоким стоячим воротником. А еще это был главный сборщик налогов из Минтца. Я до сих пор получаю официальные письма по этому поводу! Сборщики налогов обычно не любят, когда с деревьев на них прыгают юные дамы! А потом еще в сентябре приключилась та история, как бишь ее...
  - «Тайна Зброшенной Мельницы, или Притон Контрабандистов», сэр, – закатил глаза сержант.
  - Когда выяснилось, что это всего-навсего мистер Фогель, секретарь городского совета, и миссис Шуман, жена сапожника: они оказались вдвоем на мельнице просто потому, что оба увлекаются наблюдением за амбарными совами...
  - ...А мистер Фогель как раз снял штаны, потому что порвал их, зацепившись за гвоздь, – подсказал сержант, не глядя на мэра.
  - ...А миссис Шуман прелюбезно взялась их зашить, – докончил мэр.
  - ...При луне, – добавил сержант.
  - У миссис Шуман очень острое зрение! – рявкнул мэр. – И ни она, ни мистер Фогель никоим образом не заслужили, чтобы их связывали и затыкали им рот кляпом; мистер Фогель, кстати, еще и простудился в результате! Мне подали жалобу и он, и она, и миссис Фогель, и мистер Шуман, и снова мистер Фогель, после того как мистер Шуман явился к нему в дом и угрожал ему распоркой, и снова миссис Шуман, после того как миссис Фогель обозвала ее...
  - Только раз – поркой, говорите?
  - Что?
  - Угрожал ему поркой всего-то раз?
  - Распоркой! Это такая раздвижная деревянная нога, очень нужный инструмент в хозяйстве сапожника! Одним небесам известно, что Злокозня учинила нынче ночью!
  - Полагаю, как только бабахнет, вы в неведении не останетесь, сэр!
  - Но тогда зачем я вам понадобился, сержант?
  - Прибыл дудочник, сэр.
- Мэр побледнел как полотно.
- Уже? – охнул он.
  - Так точно, сэр. Он бреется у фонтана.

– Где моя церемониальная цепь? А парадная мантия? А шляпа? Да быстрее же, помогай давай!

– Бреется он, по всему судя, не быстро, – успокоил сержант, выбегая из комнаты вслед за мэром.

– В Клаце мэр заставил дудочника прождать слишком долго, и тот заиграл на дудочке и превратил беднягу в барсука! – закричал мэр, распахивая шкаф. – А, вот они... будь другом, помоги мне одеться!

Когда они, запыхавшись, добежали до городской площади, дудочник сидел на скамейке и внимательно изучал наколотую на вилку половину сосиски. Его окружала огромная толпа – правда, на почтительном расстоянии. Капрал Кнопф стоял рядом, словно школьник, который только что сдал откровенно плохую работу и ждет, чтобы ему сказали, насколько она плоха.

– И это называется?... – проговорил дудочник.

– Сосиска, сэр, – пробормотал капрал Кнопф.

– То есть у вас тут это считается сосиской, да? – Толпа дружно охнула. Дрянь-Блинцбург испокон веков гордился своими традиционными мышино-свинными сосисками.

– Так точно, сэр, – подтвердил капрал Кнопф.

– Изумительно, – обронил дудочник. И поднял глаза на мэра. – А ты?...

– Я мэр этого города, и...

Дудочник поднял руку и кивнул в сторону старичка, что восседал на козлах, широко ухмыляясь.

– Вами займется мой агент, – заявил дудочник. Отшвырнул сосиску, закинул ноги на противоположный конец скамьи, надвинул шляпу на глаза и откинулся назад.

Мэр побагровел. Сержант Доппельпункт нагнулся к нему.

– Про барсука не забывайте, сэр! – напомнил он.

– А... да... – Собрав остатки достоинства, мэр подошел к повозке. – Я так понимаю, плата за избавление города от крыс составит триста долларов? – уточнил он.

– Много вы тут понимаете, – фыркнул старичок. На коленях у него лежала раскрытая записная книжка. – Так, посмотрим... плата за вызов... плюс дополнительный тариф, поскольку сегодня день святого Проднитца... плюс налог на дудочку... город, похоже, среднего размера, стало быть, еще одна надбавка... износ повозки... транспортные издержки, из расчета доллар за милю... Разнообразные расходы, налоги, наценки... – Старичок поднял глаза. – Я вам так скажу, тысяча долларов для ровного счета, идет?

– Тысяча долларов! Но у нас *нет* тысячи долларов! Это возмути...

– Барсук, сэр! – прошипел сержант Доппельпункт.

– Вы не в состоянии заплатить? – уточнил старик.

– У нас просто нет таких денег! Мы вынуждены тратить огромные суммы на закупку продовольствия!

– То есть у вас *вообще* денег нету? – не отступался старичок.

– *Таких* сумм – нет!

Старичок почесал подбородок.

– Хм-м... – протянул он. – Кажется, у нас тут небольшая проблемка, потому что... давайте-ка посмотрим... – Он черкнул что-то в записной книжке и снова поднял глаза. – Вы *уже* должны нам четыреста шестьдесят семь долларов и девятнадцать пенсов за вызов, дорожные расходы и разнообразные прочие статьи.

– Что? Он еще ни одной ноты не сыграл!

– Да, но он *готов* это сделать, – возразил старичок. – Мы проделали долгий путь. А вы не в состоянии заплатить? Ну, вы попали... ключевое слово «попа». Ему ведь придется вывести из города хоть *что-нибудь*, понимаете? Иначе поползут слухи, его перестанут уважать, а если тебя не уважают, так ты, считай, никто и ничто! Если дудочнику не выказывают уважения, то он...

– ...Фуфло, – раздался чей-то голос. – По-моему, он полное фуфло.

Дудочник приподнял край шляпы.

Толпа поспешно расступалась, пропуская Кийта вперед.

– Да? – промолвил дудочник.

– Сдается мне, он и одной-единственной крысы выманить не сумеет, – заявил Кийт. – Он просто обманщик и хвостун! Ха, спорим, я выманю больше крыс, чем он!

Кое-кто счел за лучшее незаметно убраться подальше. Никому не хотелось попасть под раздачу, когда дудочник выйдет из себя.

Дудочник спустил ноги на землю и сдвинул шляпу обратно на затылок.

– Ты дудочник, малыш? – мягко спросил он.

Кийт вызывающе выставил вперед подбородок.

– Да. И не называй меня малышом... старикашка.

Дудочник усмехнулся.

– А, – промолвил он. – Я *знал*, что этот город мне понравится. И ты можешь заставить крысу пуститься в пляс, так, малыш?

– Да уж получше тебя, дудочник.

– По-моему, это вызов, – обронил дудочник.

– Дудочник не принимает вызова от... – заявил было старикашка с повозки, но дудочник жестом велел ему умолкнуть.

– А знаешь, малыш, – проговорил он, – ты ведь не первый пытаешься со мной шутки шутить. Иду я, бывалоча, себе по улице, и тут какой-нибудь постреленок орет: «А ну-ка, сыграй нам на своей пипке, мистер!» – я оборачиваюсь, и это всегда парнишка вроде тебя, глуповатый такой. Что ж, малыш, не хочу, чтобы люди говорили, будто я несправедлив, так что если ты догадаешься извиниться, то, пожалуй, уйдешь отсюда на своих двоих...

– Ты струсил! – Из толпы вышла Злокозня.

– Да ну? – усмехнулся ей дудочник.

– Конечно, струсил, потому что всем известно, как оно бывает. Дай-ка я спрошу этого глуповатого парнишку, которого впервые в жизни вижу: ты сирота?

– Да, – кивнул Кийт.

– То есть ты вообще ничего не ведаешь о своем происхождении?

– Ровным счетом ничего.

– Ага! – возгласила Злокозня. – Вот и доказательство! Мы все отлично знаем, что бывает, когда нежданно-негаданно объявляется загадочный сирота и бросает вызов могущественному тирану, правда? Это же все равно что третий и младший сын короля. Он просто *не может* не победить!

Девочка торжествующе обернулась к толпе. Но толпа все еще сомневалась. Эти люди не прочли столько книжек, сколько Злокозня, и руководствовались скорее опытом реальной жизни, а именно: если кто-то маленький и добродетельный бросает вызов кому-то большому и гадкому, ему очень быстро приходит крындец.

Но откуда-то из задних рядов толпы раздался крик:

– Дайте глуповатому парнишке шанс! Он, по крайней мере, дешевле обойдется! – А кто-то еще подхватил: – Вот именно! – и еще кто-то: – Я с вами, ребята, совершенно согласен! – И никто, похоже, не заметил, что все голоса доносятся почти от самой земли и напрямую связаны с перемещениями взъерошенного кота, у которого половины шерсти недостает. Вместо того поднялся общий гул – гул без слов, ничего такого, что способно навлечь на кого-то неприятности, если дудочник разозлится, просто невнятное бормотание в общем и целом, подразумевающее, что – не в обиду будь сказано, учитывая все точки зрения, все взвесив и хорошенько обдумав, сложив два и два и при прочих равных, люди не прочь дать мальчику шанс, если никто не против, конечно, и не принимайте это на свой счет.

Дудочник пожал плечами.

– Идет, – кивнул он. – Об этом еще долго говорить станут. И что я получу, когда выиграю?

Мэр откашлялся.

– В создавшихся обстоятельствах, кажется, принято предлагать руку дочери? – предположил он. – У нее превосходные зубы, и она станет хорош... она станет женой любому, у кого в доме достаточно свободного места под книжные полки...

– Отец! – воскликнула Злокозня.

– Не сейчас, но впоследствии, понятное дело, – промолвил мэр. – Он неприятный тип, но зато богат...

– Нет, спасибо, я возьму деньгами, – возразил дудочник. – Так или иначе.

– Я же сказал, мы не можем себе этого позволить! – напомнил мэр.

– А я сказал, так или иначе, – повторил дудочник. – А чего потребуешь ты, малыш?

– Твою дудочку, – промолвил Кийт.

– Нет, малыш. Она же волшебная.

– Тогда почему ты боишься поставить ее на кон?

Дудочник сощурился.

– Ладно, идет, – кивнул он.

– А город должен позволить мне решить проблему с крысами, – промолвил Кийт.

– Ну а ты-то сколько запросишь? – уточнил мэр.

– Тридцать золотых монет! Тридцать золотых монет. Ну же, скажи им! – раздался голос из задних рядов.

– Нет, вам это не будет стоить ни пенса, – возразил Кийт.

– Идиот! – проорал голос в толпе. Люди озадаченно заозирались.

– То есть вообще даром? – уточнил мэр.

– Да, даром.

– Эгм... предложение насчет руки моей дочери все еще в силе, если ты...

– *Папа!*

– Нет, так бывает только в сказках, – возразил Кийт. – А еще я верну много украденной крысами еды.

– Они ж ее *созрели!* – запротестовал мэр. – Ты что, им два пальца в пасть засунешь?

– Я же сказал, что решу вашу проблему с крысами, – настаивал Кийт. – Мистер мэр, вы согласны?

– Ну, если ты не требуешь платы...

– Но сперва мне нужно одолжить у кого-нибудь дудочку, – продолжал Кийт.

– У тебя даже дудочки нет? – удивился мэр.

– Моя сломалась.

Капрал Кнопф ткнул мэра в бок.

– У меня со времен армии тромбон заваялся, – сообщил он. – Я сбегаю принесу, а? Мигом обернусь.

Дудочник расхохотался.

– А что, тромбон не считается? – уточнил мэр, едва капрал Кнопф умчался прочь.

– Что? Зачаровывать крыс – тромбоном? Да ладно, ладно, пусть малыш попробует. Попытка не пытка. Ты хорошо играешь на тромбоне, да?

– Не знаю, – отозвался Кийт.

– Что значит «не знаю»?

– Я никогда не пробовал. Я бы куда охотнее сыграл на флейте, или флейте-пикколо, или трубе, или на ланкрской волынке, но я видел, как играют на тромбоне, и мне кажется, ничего сложного в этом нет. Это ж всего-навсего труба-переросток.

– Ха! – фыркнул дудочник.

Стражник уже бежал назад, на ходу надраивая помятый тромбон рукавом, отчего тот становился только грязнее. Кийт взял инструмент в руки, обтер мундштук, поднес его к губам, выдвинул кулису и выдул долгую ноту.

– Вроде работает, – признал он. – Наверное, по ходу дела научусь. – И коротко улыбнулся дудочнику. – Хочешь попробовать первым?

– Да ты этой развалюхой ни одной крысы не зачаруешь, малыш, – фыркнул дудочник, – но я с удовольствием посмотрю, как ты пыжишься.

Кийт снова одарил его улыбкой, вдохнул поглубже и заиграл.

Зазвучала мелодия. Инструмент пищал и хрипел, потому что капрал Кнопф, случалось, использовал его как молоток, но мелодия и впрямь зазвучала – быстрая, прямо-таки лихая. Под такую ноги сами начинают притоптывать.

И нашелся тот, кто не устоял.

Из трещины в ближайшей стене появился Сардины, считая себе под нос: «и-раз-два-три-четыре». Толпа замороженно наблюдала, как крыс самозабвенно отплясывает на мостовой – пока танцор не исчез в водосточной трубе. Только тогда люди заплодировали.

Дудочник покосился на Кийта.

– Эта крыса была в *шляпе*?

– Я не заметил, – пожал плечами Кийт. – Твоя очередь.

Откуда-то из-под складок одежды дудочник извлек первую секцию дудки, совсем короткую. Из кармана достал вторую секцию и вдвинул ее в пазы первой. Секции сощелкнулись – этак звонко, по-военному.

Все еще не сводя глаз с Кийта и ухмыляясь, из нагрудного кармана дудочник достал мундштук и навинтил его на флейту до финального щелчка.

А затем поднес дудку к губам и заиграл.

Со своего наблюдательного поста на крыше Большие Скидки крикнула в водосток:

– Поехали!

И засунула в уши два комочка ваты.

Дежурящий под водостоком Врассоле проорал в канализационную трубу:

– Поехали! – и тоже взялся за затычки.

– ...ехали... ехали... ехали, – разнеслось по трубам эхо.

– Поехали! – объявил Гуталин в подвале с клетками. И затолкал в трубу пучок соломы. – Затыкайте уши, все!

С крысиными клетками сделали что могли. Злокозня притащила одеяла, а крысы потратили целый час, лихорадочно заделывая дыры и трещины грязью. Кроме того, Клан постарался досыта накормить пленников, и хотя это были всего лишь *киикики*, просто душа разрывалась при виде того, как отчаянно они припадают к земле.

Гуталин обернулся к Питательной.

– Ты уши заткнула? – спросил он.

– Простите?

– Отлично! – Гуталин достал два комочка ваты. – Надеюсь, болтливая дуреха не ошибается насчет этих штук, – промолвил он. – Боюсь, мало у кого из наших еще остались силы куда-то бежать.

Дудочник подул снова – и недоуменно уставился на дудочку.

– Ну, хоть одну крысу вымани, – промолвил Кийт. – Любую, на выбор.

Дудочник обжег его свирепым взглядом и дунул опять.

– Я ничего не слышу, – промолвил мэр.

– Люди и не могут ничего слышать, – пробормотал дудочник.

– Может, сломалась, – услужливо подсказал Кийт.

Дудочник попробовал еще раз. Над толпой поднялся ропот.

– Ты что-то подстроил, – прошипел он.

– Да ну? – громко откликнулась Злокозня. – И что же такого он мог

подстроить? Наверное, приказал крысам сидеть под землей, заткнув уши ватой?

Ропот превратился в сдавленный смех.

Дудочник предпринял еще одну попытку. Кийт чувствовал, как у него самого шевелятся волоски на загривке.

Появилась крыса. Крыса медленно двигалась по мостовой, раскачиваясь из стороны в сторону. Доковыляв к ногам дудочника, она опрокинулась на бок и осталась лежать, издавая жужжащий звук.

У людей отвисли челюсти.

Это был мистер Тик-так.

Дудочник ткнул игрушку носком сапога. Заводная крыса несколько раз перекатилась с боку на бок, и тут пружина, которую вот уже несколько месяцев терзали зубья капканов, наконец лопнула. Раздалось «дзыыыыинннн!» – и на мостовую дождем посыпались шестеренки.

Толпа разразилась хохотом.

– Хм-м-м, – промолвил дудочник. Теперь он глядел на Кийта с невольным восхищением. – Ладно, малыш, – промолвил он. – Может, поговорим? Как дудочник с дудочником? Вон там, у фонтана?

– Только чтобы у всех на глазах, – уточнил Кийт.

– Ты мне не доверяешь, малыш?

– Конечно, нет.

– Молодец, – усмехнулся чужак. – Вижу, у тебя есть все задатки дудочника.

У фонтана дудочник присел, вытянул перед собою обутые в сапоги ноги и подал Кийту дудочку. Дудочка была бронзовая, украшенная латуњью – рельефным изображением крыс, – и поблескивала в лучах солнца.

– Вот, – сказал дудочник. – Бери. Хорошая. У меня еще есть. Ну же, забирай. Хочу послушать, как ты на ней сыграешь.

Кийт неуверенно покосился на дудочку.

– Это все обман, малыш, – объяснил дудочник. Дудка сияла подобно солнечному лучу. – Видишь, тут такая скользкая перегородка? Сдвинь ее вниз, и дудочка сыграет особую ноту, которую человеческое ухо не слышит. А крысы – еще как. Просто с ума сходят. Выбегают из всех нор, и ты ведешь их прямо в реку, как овчарка – стадо.

– И это все? – удивился Кийт.

– А ты еще чего-то ждал?

– Ну да. Говорят, ты превращаешь людей в барсуков и уводишь детей в магические пещеры, и...

Дудочник заговорщицки наклонился ближе.

– Реклама, малыш, штука полезная. Здешние городишки с наличкой расстаются куда как неохотно. А что до превращения людей в барсуков и всего такого, так такие вещи случаются где угодно, *только не в здешних краях*. А здешние жители в большинстве своем за всю свою жизнь дальше чем на десять миль из дома не уезжали. Их спросить, так в пятидесяти милях отсюда все что угодно произойти может! А как только история разнесется по свету, так она сама на тебя работать станет. Половину всего того, что люди рассказывают о моих «подвигах», сочинил не я.

– Скажи, а ты, случайно, не знаком с кое-кем по имени Морис? – полюбопытствовал Кийт.

– Морис? Морис? Вроде бы нет.

– Изумительно, – усмехнулся Кийт. Взял дудочку и устремил на дудочника долгий, задумчивый взгляд. – А теперь, дудочник, – объявил мальчик, – сдастся мне, ты выведешь крыс из города. И это будет самое впечатляющее действие за всю твою карьеру.

– Эй? Ты о чем? Ты же победил, малыш.

– Ты выведешь из города крыс, потому что так полагается по сказке, – объяснил Кийт, полируя дудочку рукавом. – А почему ты запрашиваешь такие баснословные суммы?

– Потому что я устраиваю заказчикам роскошное шоу, – объяснил дудочник. – Эффектная одежда, хамство... высокая цена – это тоже часть спектакля. Людям нужна магия, малыш. Если тебя сочтут просто-напросто разряженным крысоловом, тебе очень повезет, если тебя в обед накормят сыром да еще руку пожмут на прощание.

– Мы сделаем это вместе, и крысы *пойдут* за нами, действительно пойдут, прямо в реку. И не беспокойся насчет фокуса с хитрой нотой, у нас с тобой получится еще лучше. Это будет... будет великая... история, – объявил Кийт. – Тебе еще и заплатят. Три сотни долларов, ты говорил? Тебе придется ограничиться половиной, ведь тебе помогаю я.

– Что за игру ты ведешь, малыш? Я ж сказал, ты – победил.

– Победят все. Доверься мне. Они тебя вызвали. Дудочнику надо платить. Кроме того, – Кийт улыбнулся, – мне невыгодно, чтобы люди думали, будто дудочнику платить не обязательно, так?

– А я-то посчитал тебя просто глуповатым парнишкой! – вздохнул дудочник. – Что за сделку ты заключил с крысами?

– Ты просто не поверишь, дудочник. Просто не поверишь.

Врасоле стремглав пронесся по туннелям, продрался сквозь солому и грязь, забившие выход из последней трубы, и впрыгнул в подвал с клетками. При его появлении крысы Клана вытащили затычки.

– Он это делает? – спросил Гуталин.

– Так точно, сэр! Вот прямо сейчас!

Гуталин поглядел вверх, на клетки. *Киикики* заметно присмирели, теперь, когда крысиный король погиб, а им дали поесть. Но, судя по запаху, они отчаянно хотели убратся отсюда подальше. А охваченные паникой крысы бегут за другими крысами...

– О'кей, – объявил Гуталин. – Бегуны, готовьсь! Открываем клетки! Проследите, что *киикики* следуют за вами! Раз-два-три, побежали!

И на этом история почти закончилась.

О, как завопила толпа, когда из всех дыр и водосточных труб хлынули крысы! Как ликовали люди, когда оба дудочника, пританцовывая на ходу, пошли из города, а крысы кинулись следом за ними. Как люди засвистели, когда крысы попрыгали с моста в реку!

Люди не заметили, что несколько крыс так и остались стоять на мосту, подбадривая остальных криками: «Помните, гребите размеренно, с силой!», «Чуть ниже по течению есть отличный песчаный пляж!» и «Прыгайте лапами вперед, тогда о воду не ушибетесь!».

А если бы люди чего и заметили, то вряд ли бы о том сказали. Такие детали в историю просто не вписываются.

И дудочник, танцуя, ушел за холмы и никогда, никогда больше не возвращался в тот город.

Загремели дружные аплодисменты. Все сходились на том, что шоу вышло отменное, пусть и влетело в кругленькую сумму. Зато будет о чем детям рассказать.

Глуповатый с виду парнишка, тот, что вызвал на поединок дудочника, неспешно вышел на площадь. Ему тоже поаплодировали. День, похоже, удался во всех отношениях. Люди призадумались, а не завести ли еще детишек, чтоб на все истории хватило.

И тут горожане осознали, что историй достанет и на внуков: потому что внезапно появились *другие* крысы.

Они выходили из сточных труб, и канав, и трещин. Они не пищали и не бежали. Просто расселись там, на площади, не сводя глаз с людей.

– Эй, дудочник! – крикнул мэр. – Ты, кажется, нескольких проглядел!

– Нет. Мы не из тех крыс, что следуют за дудочниками, – раздался голос. – Мы – крысы, с которыми приходится *договариваться*.

Мэр опустил глаза. У его сапог стояла крыса и глядела на него снизу вверх. Крыса была при мече.

– Отец, – промолвила Злокозня из-за его спины. – Эту крысу стоит выслушать.

– Но она же крыса!

– Да, крыса об этом знает, папа. А еще крыса знает, как вернуть твои деньги и огромные запасы продовольствия и где найти воришек, которые крали еду у всех нас. Кстати, это не она, а он.

– Но он же крыса!

– Да, папа. Но если поговорить с ним вежливо, он сможет помочь нам.

Мэр вытаращился на стройные ряды Клана.

– Нам следует поговорить с крысами? – удивился он.

– Это очень хорошая идея, папа.

– Но они же крысы! – Мэр упрямо держался за эту мысль как за спасательный круг посреди бурного моря, выпустив который камнем пойдешь ко дну.

– Прошу прощения, извините, простите, – слышался голос совсем рядом с ним. Мэр опустил взгляд на чумазого, полуобгоревшего кота. Кот ему ухмыльнулся.

– Этот кот только что заговорил? – уточнил мэр.

Морис заозирался по сторонам.

– Какой такой кот? – уточнил он.

– Ты! Ты только что разговаривал, да?

– Тебе станет легче, если я скажу «нет»? – уточнил Морис.

– Но коты не умеют разговаривать!

– Ну, не обещаю, что смогу произнести эту, как бишь ее, пространную послеобеденную речь, и комического монолога у меня тоже не просите, – отозвался Морис, – и, признаться, я с трудом выговариваю сложные слова вроде «рахат-лукум» и «люмбаго». Но мне неплохо удаются простенькие остроты, и поддержать несложный и поучительный разговор я вполне способен. Кстати, скажу как кот, мне бы очень хотелось узнать, что имеет сказать эта крыса.

– Мистер мэр? – окликнул Кийт, подходя поближе и вертя в руках новую дудочку. – Вам не кажется, что настало время позволить мне решить вашу проблему с крысами раз и навсегда?

– Решить проблему? Но...

– Вам просто нужно поговорить с ними. Созовите городской совет и поговорите с ними уже. Все зависит от вас, мистер мэр. Вы можете раскричаться, поднять шум, кликнуть собак, люди забегают, размахивая метлами, и да, крысы разбегутся. Но далеко они не убегут. И да, они вернуться. – Подойдя к ошеломленному мэру вплотную, Кийт наклонился и зашептал: – А они живут под вашими половицами, сэр. Они умеют пользоваться огнем. И в ядах они тоже здорово разбираются. О да. Так

что... выслушайте эту крысу.

– То есть крыса нам *угрожает*? – уточнил мэр, глядя сверху вниз на Гуталина.

– Нет, мистер мэр, – возразил Гуталин. – Я вам предлагаю... – Он оглянулся на Мориса; кот кивнул. – Предлагаю замечательную возможность.

– Ты и вправду умеешь говорить? И думать тоже? – удивился мэр.

Гуталин смотрел на него снизу вверх. Ночь выдалась долгая. И вспоминать о ней не хотелось. А день предстоит еще более долгий, еще более непростой. Гуталин вдохнул поглубже.

– Я вот что предлагаю, – промолвил он. – Ты сделай вид, будто веришь, что крысы умеют думать, а я обещаю сделать вид, будто верю, что человеки это тоже умеют.

Глава 12

«Молодчина, Крысик Кристофер!» – закричали все зверюшки Мохнатой лощинки.

Из книги «Приключение мистера Зайки»

В ратушу, в зал заседаний совета, набилась целая толпа. Большинство любопытствующих не вместились и теснилось снаружи, вытягивая шеи, чтобы разглядеть поверх чужих голов, что происходит.

Городской совет расселся в одном конце стола. С десятков крыс-старейшин расположились в другом конце.

А посередине обосновался Морис. Просто взял, да и оказался там внезапно, запрыгнув с пола.

Часовщик Хопвик пепелил яростным взглядом остальных членов совета.

– Мы *разговариваем* с крысами! – рявкнул он, пытаясь перекричать общий гвалт. – Да если об этом прознают, мы станем всеобщим посмешищем! «Город, который разговаривал со своими крысами!»! Вы себе это представляете?

– С крысами разговаривать не положено, – заявил башмачник Рауфман, размахивая пальцем перед самым носом у мэра. – Мэр, который свое дело знает, послал бы за крысоловами!

– По словам моей дочери, они заперты в подвале, – отозвался мэр, разглядывая обвиняющий перст.

– Их заперли говорящие крысы? – ухмыльнулся Рауфман.

– Их заперла моя дочь, – невозмутимо отозвался мэр. – Уберите свой палец, мистер Рауфман. Она как раз повела туда стражу. Она выдвигает очень серьезные обвинения, мистер Рауфман. Она утверждает, что под зданием гильдии спрятаны огромные запасы продовольствия. Утверждает, что крысоловы крали еду и перепродавали ее речным торговцам. Глава крысоловов – ваш зять, не так ли, мистер Рауфман? Помнится, вы очень рьяно добивались его назначения, не так ли?

Снаружи возникла суматоха. Внутри протолкался сержант Доппельпункт и, широко усмехаясь, выложил на стол огромную колбасу.

– Одна колбаса – это еще не кража, – запротестовал было мистер

Рауфман.

Толпа снова взволновалась – и расступилась, открыв взгляду то, что, строго говоря, являлось очень медленно передвигающимся капралом Кнопфом. То, что это капрал Кнопф, стало ясно лишь после того, как с него сняли три мешка зерна, восемь связок сосисок, бочонок маринованной свеклы и пятнадцать кочанов капусты.

Под звук приглушенных ругательств и стук падающих кочанов сержант Доппельпункт бодро отсалютовал совету.

– Прошу дозволения взять себе в помощь шестерых штатских, чтобы дотащить остальное, сэр! – воскликнул он, сияя радостной улыбкой.

– А где крысоловы? – осведомился мэр.

– По уши в... неприятностях, сэр, – сообщил сержант. – Я спросил, не хотят ли они выйти, но они сказали, нет, они еще немного посидят там, где есть, спасибо большое, хотя они не отказались бы от глотка воды и чистых брюк.

– Это все, что они сказали?

Сержант Доппельпункт вытащил записную книжку.

– Нет, сэр, сказали-то они многое. Они прямо плакали навзрыд, сэр. Клялись, что во всем сознаются – в обмен на чистые брюки. А еще, сэр, мы нашли вот что.

Сержант отошел в сторону, вернулся с тяжеленным ларцом и с грохотом водрузил находку на полированный стол.

– Действуя на основании информации, полученной от крысы, сэр, мы заглянули под одну из половиц. Тут небось больше двух сотен долларов, сэр. Преступно нажитые средства, сэр.

– Вы получили информацию от крысы?

Сержант вытащил из кармана Сардины. Крыс грыз сухарик, но это не помешало ему вежливо приподнять шляпу.

– А это... вполне гигиенично? – спросил на всякий случай мэр.

– Да, шеф, он как следует вымыл руки, – заверил Сардины.

– Я разговариваю с сержантом!

– Да, сэр. Он славный парнишечка, сэр. Большой чистюля. Напомнил мне моего хомячка: у меня ж в детстве хомячок жил, сэр.

– Что ж, спасибо, сержант, вы молодец, а теперь ступайте и...

– Его Горацием звали, – услужливо сообщил сержант.

– Благодарю вас, сержант, а теперь...

– И до чего ж приятно снова поглядеть на туго набитые защечные мешочки, сэр; прямо вот на душе теплеет!

– Спасибо, сержант!

Сержант ушел, а мэр пристально воззрился на мистера Рауфмана. Тот, надо отдать ему должное, смутился.

– Да я этого типа почти и не знаю, – оправдывался он. – Моя сестра за него вышла, а я-то тут при чем? Я с ним и не вижусь почти.

– Понимаю, – кивнул мэр. – И я не намерен отдавать приказ сержанту обыскать вашу кладовую... – Мэр коротко улыбнулся, фыркнул и добавил: – ...Пока. Так на чем мы остановились?

– Я как раз собирался рассказать вам одну историю, – встрял Морис. Городской совет уставился на кота.

– А ваше имя?.. – полюбопытствовал мэр. Настроение его заметно улучшилось.

– Морис, – представился Морис. – Я – посредник-фрилансер, вроде того. Я вижу, для вас непросто разговаривать с крысами, но ведь люди любят поболтать с котами, так?

– Вроде как в истории про Дика Ливингстона? – откликнулся Хопвик.

– Ага, точно, про этого самого, и... – начал было Морис.

– И как в «Коте в сапогах»? – подсказал капрал Кнопф.

– Ага, точно, уж эти мне книги, – нахмурился Морис. – Как бы то ни было... а кошки могут разговаривать с крысами, о'кей? Так вот, я расскажу вам историю. Но сперва я должен заверить вас, что крысы, мои клиенты, все покинут этот город, если вы того захотите, и назад не вернуться. Вообще никогда.

Люди вытаращились на кота. И крысы тоже.

– Мы уйдем? – удивился Гуталин.

– Они уйдут? – удивился мэр.

– Да, – подтвердил Морис. – А теперь я расскажу вам историю про городок, которому очень повезло. Я еще не знаю, как он называется. Давайте предположим, что мои клиенты уйдут отсюда и спустятся вниз по реке, о'кей? Держу пари, на реке стоит великое множество городов. И где-нибудь непременно найдется городишко, который скажет: а почему бы и не заключить сделку с крысами? И здорово повезет этому городу, потому что там будут соблюдаться *правила*, понимаете?

– Нет, не вполне, – откликнулся мэр.

– Ну так вот, скажем, в этом везучем городке дама, ну, допустим, печет пирожки, и все, что ей надо сделать, это прокричать в ближайший крысиный лаз: «Доброе утро, крысы, один пирожок – для вас, и буду весьма обязана, если остальные вы не тронете», а крысы ответят: «Конечно, хозяйка, без проблем». И тогда...

– То есть, по-вашему, мы должны *подкупать* крыс? – уточнил мэр.

– Это обойдется вам дешевле, чем дудочники. Дешевле, чем крысоловы, – объяснил Морис. – И вообще, это не подкуп, это заработная плата. «Плата за что?» – слышу я крик.

– Я разве кричал? – удивился мэр.

– Вы собирались, – откликнулся Морис. – А я как раз собирался вам объяснить, что это – заработная плата за... за борьбу со всякой нечистью.

– Что? Но ведь крысы и есть неч...

– Лучше не договаривай! – предостерег Гуталин.

– Со всякой нечистью вроде тараканов, – невозмутимо пояснил Морис. – Вижу, у вас их тут немерено развелось.

– Они тоже говорящие? – уточнил мэр. Глядел он как-то затравленно – как любой, кому довелось побеседовать с Морисом хотя бы несколько минут. Во взгляде его читалось: «Меня куда-то несет, я туда не хочу, но не знаю, как сойти».

– Нет, не говорящие, – заверил Морис. – Равно как и мыши, и нормальн... другие крысы. Так вот, в этом везучем городке проблема вредителей канет в далекое прошлое, потому что новые крысы станут вроде как дополнительным полицейским подразделением. Да что там, Клан будет охранять ваши кладовые – простите, я хотел сказать, кладовые того, везучего города. Никакие крысоловы там больше не понадобятся. Вы только представьте себе, сколько денег удастся сэкономить! И это только начало. Разбогатеют резчики по дереву...

– Это с чего бы? – резко вскинулся Хауптманн, резчик по дереву.

– Так ведь крысы станут на них работать, – объяснил Морис. – Крысам постоянно нужно что-то грызть, чтобы зубы стачивались, так почему бы им не делать часы с кукушкой? Часовщики, кстати, тоже внакладе не останутся.

– Это как? – уточнил часовщик Хопвик.

– Маленькие лапки преловко управляют с крохотными пружинками и всякими мелкими детальками, – объяснил Морис. – А еще...

– А они только часы с кукушкой станут делать или они еще много чего умеют? – уточнил Хауптманн.

– А взять сферу туризма, – гнул свое Морис. – Вот, например, Крысиные Часы. Вы же знаете про знаменитые часы в Бонке? На городской площади? Каждые четверть часа появляются миниатюрные фигурки и называют в колокола? Динь-дилинь-дин-дон-дон? Очень популярная достопримечательность, ее еще на всех открытках изображают и все такое. Люди приезжают издалека просто постоять там в ожидании очередного представления. Так вот, в везучем городке звонить в колокола будут крысы!

– То есть ты хочешь сказать, – подхватил часовщик, – если у нас, ну то есть если у везучего городка будут такие специальные громадные часы и крысы, туристы понаедут на них полюбоваться?

– И будут стоять там и ждать по четверть часа на площади, – встрял кто-то.

– А пока они ждут, самое время предложить им сувенирные копии площадных часов, – подсказал часовщик.

Люди призадумались.

– И кружки с изображением крыс, – предположил горшечник.

– И сувенирные деревянные чашки и тарелки ручной... то есть зубной работы, – придумал Хауптманн.

– Пушистых игрушечных крысок!

– Крыс на палочках!

Гуталин шумно вдохнул.

– Отличная идея, – быстро вмешался Морис. – Из жженого сахара, понятное дело. – Он оглянулся на Кийта. – И, наверное, город даже захочет нанять своего собственного дудочника. Ну знаете, в церемониальных целях. «Закажите свой портрет с Официальным Дудочником и его Крысами», и все в таком роде.

– А как насчет небольшого театра? – пискнул голосок.

Гуталин стремительно развернулся.

– Сардины! – одернул он.

– Ну, шеф, я подумал, если всем что-нибудь да перепадет... – запротестовал Сардины.

– Морис, нам надо поговорить, – заявил Фасоль Опасно-для-Жизни, потянув кота за лапу.

– Извините, я вас на минутку оставляю, – промолвил Морис, подмигнув мэру. – Мне необходимо проконсультироваться с моими клиентами. Разумеется, – добавил он, – я вам рассказываю про везучий город. А не про этот, потому что, сами понимаете, как только мои клиенты уйдут, придут новые крысы. На смену всегда приходят новые. И уж они-то разговаривать не станут и соблюдать правила – тоже, они будут гадить в сливки, так что вам придется подыскивать новых крысоловов, таких, которым вы сможете доверять, а денег у вас поубавится, потому что все туристы поедут в тот, другой город. Это так, к слову.

Кот прошествовал в противоположный конец стола и обернулся к крысам.

– А ведь все шло как по маслу! – вознегодовал он. – Я, знаете ли, мог выторговать для вас десять процентов! За ваши портреты на кружках и все

такое!

– И ради этого мы сражались всю ночь? – сплюнул Гуталин. – Чтобы стать домашними любимчиками?

– Морис, это неправильно, – запротестовал Фасоль Опасно-для-Жизни. – Не лучше ли воззвать к общности между разумными видами, чем?...

– Ничего не знаю про разумные виды. Мы тут вообще-то с человеками дело имеем, – напомнил Морис. – Вы про войны слышали? Очень популярное развлечение среди человеков. Человеки сражаются друг с другом. А вот по части общности они как-то не сильны.

– Да, но мы не...

– А теперь послушайте меня, – заявил Морис. – Еще десять минут назад эти двуногие считали вас вредителями. Теперь они думают, что от вас есть польза. Кто знает, в чем я смогу их убедить в течение следующего получаса?

– Ты хочешь, чтобы мы на них *работали*? – возмутился Гуталин. – Мы *отвоевали* себе место в городе!

– Вы будете работать *на себя*, – возразил Морис. – Послушайте, эти люди – не философы! Они... самые обычные люди. Они ничего не понимают в туннелях. Это торговый город. Надо найти к ним правильный подход. Вы же в любом случае не пустите в город чужих крыс и не будете гадить в варенье, так разве вы не заслужили благодарности? – Кот предпринял еще одну попытку. – Да, верно, сперва поднимется крик. Но потом – рано или поздно – вам придется вступить в переговоры. – В глазах крыс по-прежнему читалось непонимание. Морис в отчаянии обернулся к Сардинам. – Помогите мне, – попросил он.

– Он прав, босс. Им надо устроить яркое шоу, – заявил Сардины, нервно приплясывая на месте.

– Они над нами посмеются! – возмутился Гуталин.

– Пусть лучше смеются, чем визжат от страха, босс. Это только начало. Надо танцевать, босс. Ты можешь думать сколько угодно, ты можешь сражаться, но мир непрерывно движется, и если хочешь оказаться в первых рядах – танцевать надо! – Сардины приподнял шляпу и повращал тросточкой. Несколько человек, сидевших в противоположном конце зала, это заметили – и захихикали.

– Видите? – промолвил Сардины.

– Я так надеялся, что где-то есть остров, – посетовал Фасоль Опасно-для-Жизни. – Место, где крысы действительно могут быть крысами.

– И мы видели, к чему это ведет, – отозвался Гуталин. – И знаешь, мне

не верится, что где-то в голубой дали в самом деле есть дивные острова для таких, как мы. Только не для нас. – Он вздохнул. – Если где и есть дивный остров, то это здесь. Но танцевать я не стану.

– Фигура речи, босс, это просто фигура речи, – заверил Сардины, перепрыгивая с лапки на лапку.

В другом конце зала что-то гроыхнуло: это мэр с размаху ударил кулаком по столу.

– Надо мыслить *практически!* – настаивал он. – Хуже, чем есть, уже вряд ли будет! Они умеют *говорить*. И я не собираюсь снова повторять все сначала, ясно? Мы вернули еду, мы вернули большую часть денег, мы пережили дудочника... Эти крысы приносят удачу!

Над крысами склонились Кийт и Злокозня.

– Похоже, отец постепенно примиряется с этой идеей, – промолвила Злокозня. – А как насчет вас?

– Дискуссия продолжается, – откликнулся Морис.

– Я... эээ... простите... эгм... в общем, Морис подсказал мне, где смотреть, и в туннелях я нашла вот это, – пробормотала Злокозня. Заляпанные листы склеились друг с другом, сшитые воедино не самой терпеливой рукой, но в них все еще можно было узнать «Приключение мистера Зайки». – Мне пришлось столько решеток повинычивать, пока я отыскала все страницы до последней, – промолвила девочка.

Крысы посмотрели на книгу. Затем оглянулись на Фасоль Опасно-для-Жизни.

– Это «Приключения мистера Зай...», – начала было Персики.

– Знаю. Я его чую, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни.

Крысы снова уставились на то, что осталось от книги.

– Это все ложь, – промолвила Персики.

– А может, просто красивая сказочка, – возразил Сардины.

– Да, – кивнул Фасоль Опасно-для-Жизни. – Да. – Он обратил свои подслеповатые розовые глазки на Гуталина – тот едва удержался, чтобы не припасть к земле, – и добавил: – А может быть, карта.

Будь это сказка, а не реальная жизнь, люди и крысы пожали бы друг другу лапы и руки и дружно зашагали бы в светлое будущее.

Но поскольку это была реальная жизнь, пришлось составлять договор. Война, что велась с тех самых пор, как люди впервые поселились в домах, не могла закончиться просто-напросто счастливой улыбкой. Не обошлось без специальной комиссии. Ведь предстояло обсудить столько подробностей. В комиссию вошел городской совет и почти все крысы-старейшины. Присоединился и Морис: он важно расхаживал по столу из

конца в конец.

В одном конце стола сидел Гуталин. Ему отчаянно хотелось спать. Рана у него ныла, зубы ныли, он не ел уже целую вечность. На протяжении бесконечно долгих часов спорщики перебрасывались доводами над его поникающей головой. Вожак уже не отслеживал, кто там и что говорит. Ведь по большей части говорили все одновременно.

– Следующий пункт: ношение колокольчиков обязательно для всех котов и кошек. Согласны?

– А мы не могли бы вернуться к статье тридцать, мистер, эгм, Морис? Вы говорили, уничтожение крысы классифицируется как убийство?

– Да. Безусловно.

– Но это же просто...

– Вот что значит слушать вполуха и усом не вести!

– Кот прав, – вмешался мэр. – Ваше замечание неуместно, мистер Рауфман. Мы все это уже обсудили.

– А что, если крыса у меня что-нибудь сопрет?

– Кхе-кхе. Тогда это деяние классифицируется как кража и крыса предстанет перед судом.

– Ах вот как, юная?.. – начал было Рауфман.

– Персики. Я – крыса, сэр.

– И... эгм... и что, стражники смогут спуститься в крысиные туннели?

– Да! Потому что в Страже станут служить и крысы. А как же иначе? – заверил Морис. – Без проблем!

– В самом деле? И что же на этот счет думает сержант Доппельпункт? Сержант Доппельпункт?

– Эгм... не знаю, сэр. Думаю, идея неплохая. Я-то в крысиную нору спуститься не смогу. Конечно, бляхи придется делать поменьше.

– Но вы же не предполагаете, что стражнику-крысе будет дозволено арестовать человека?

– Почему бы и нет, сэр, – пожал плечами сержант.

– Что?

– Ну, если эта ваша крыса принесла присягу и служит в Страже верой-правдой, так нельзя ж ей сказать: ты, дескать, не имеешь права арестовывать никого из тех, кто больше тебя, так? Кстати, крысстражи... или стражкрысы? – могут оказаться весьма полезны. Я так понимаю, у них есть один такой фокус: они взбегают вверх по ноге под брючиной, и там...

– Джентльмены, нам надо двигаться дальше. Предлагаю передать этот вопрос на рассмотрение подкомитета.

– Которого, сэр? У нас их уже семнадцать!

Послышался всхрюк. Это всхрапнул мистер Шлюммер, советник девяноста пяти лет от роду. Он мирно проспал все утро и вот теперь, судя по всхрюку, пробудился.

Мистер Шлюммер уставился на противоположный конец стола и зашевелил усами.

– Тут *крыса!* – воскликнул он, указывая пальцем. – Вы только посмотрите, м-м-м, наглая какая! Крыса! В *шляпе!*

– Да, сэр. Это заседание посвящено переговорам с крысами, сэр, – сообщил член комиссии, сидевший рядом с ним.

Мистер Шлюммер опустил глаза и зашарил рукою в поисках очков.

– Это что у нас тут такое? – спросил он. И пригляделся внимательнее. – Эй, – промолвил он, – а *ты* разве не, м-м-м, тоже крыса?

– Да, сэр. Питательная, к вашим услугам, сэр. Мы здесь для того, чтобы провести переговоры с людьми. И положить конец всем неприятностям.

Мистер Шлюммер вытаращился на крысу. Затем посмотрел через весь стол на Сардины: тот приподнял шляпу. Потом вскинул глаза на мэра; тот кивнул. Старик снова оглядел всех присутствующих; губы его беззвучно шевелились – он пытался понять, что со всем этим делать.

– То есть вы *все* разговариваете? – сказал он наконец.

– Да, сэр, – подтвердила Питательная.

– А тогда... кто же слушает? – спросил он.

– Мы над этим работаем, – отозвался Морис.

Мистер Шлюммер воззрился на него.

– Ты кот? – спросил он.

– Да, сэр, – подтвердил Морис.

Мистер Шлюммер медленно переварил и это.

– Мне казалось, раньше мы крыс убивали? – уточнил он, как если бы уже не был в этом так уверен.

– Да, но, видите ли, сэр, это будущее, – объяснил Морис.

– Правда? – откликнулся мистер Шлюммер. – В самом деле? А я-то всегда гадал, когда ж оно настанет. Ну, ладно. Кошки, значит, теперь тоже разговаривают? Молодцы какие! Безусловно, надо идти в ногу, с... м-м-м... ну, этими, которые куда-то идут. Разбуди меня, когда подадут, м-м-м, чай, ладно, киса?

– Эгм... котов не разрешается звать кисами, если вы старше десяти лет от роду, сэр, – указала Питательная.

– Статья 19(б), – решительно подтвердил Морис. – Запрещено называть котов дурацкими именами, за исключением тех случаев, когда

кота собираются немедленно накормить чем-то вкусным. Это я придумал, – гордо сообщил он.

– В самом деле? – откликнулся мистер Шлюммер. – Честное слово, вот ведь странное будущее. Ну да, наверное, давно пора было навести порядок...

И он поудобнее устроился в кресле и вскорости захрапел снова.

А повсюду вокруг снова заспорили: казалось, дискуссиям не будет конца. Многие говорили одновременно. Кое-кто слушал. Иногда спорщики соглашались друг с другом... и переходили к следующему пункту... и снова начинали спорить. Но стопка бумаг на столе росла и росла и выглядела все более официально.

Гуталин в очередной раз заставил себя проснуться и заметил, что за ним наблюдают. Сидящий на противоположном конце стола мэр устремил на него долгий задумчивый взгляд.

А затем мэр откинулся к спинке стула и что-то сказал секретарю; тот кивнул, обошел стол, минуя спорщиков, и приблизился к Гуталину.

Секретарь нагнулся.

– Ты ме-ня по-ни-ма-ешь? – спросил он, отчетливо произнося каждый слог.

– Да... по-то-му... что... я... не... и-ди-от, – отозвался Гуталин.

– О, эгм... мэр хотел бы поговорить с вами один на один в своем кабинете, – промолвил секретарь. – Дверь вон там. Я могу помочь вам спуститься, если хотите.

– Я могу укусить вас за палец, если хотите, – откликнулся Гуталин. Мэр уже направлялся к двери. Гуталин соскользнул вниз и последовал за ним. Никто не заметил их ухода.

Выждав, сколько надо, чтобы не прищемить Гуталину хвост, мэр аккуратно закрыл дверь.

В кабинете было тесно и неприбрано. На всех ровных поверхностях громоздились стопки бумаг. Вдоль нескольких стен выстроились стеллажи; книги и бумаги заполняли все полки, а дальше впихивались поверх первого ряда и куда придется.

Мэр, двигаясь с подчеркнутой осторожностью, уселся в огромное, довольно-таки потрепанное вращающееся кресло и поглядел вниз на Гуталина.

– Боюсь, я сейчас все испорчу, – промолвил он. – Мне подумалось, не побеседовать ли нам... промеж себя. Можно, я подниму вас с пола? Ну, то есть разговаривать с вами было бы куда проще, если бы вы сидели на моем столе.

– Нет, – отрезал Гуталин. – А с вами говорить было бы куда проще, если бы вы легли на пол. – Крыс вздохнул. Он слишком устал для подобных игр. – Если вы опустите на пол раскрытую ладонь, я на нее встану, и вы сможете поднять меня до уровня стола, – предложил он. – Но если вы задумали какую-нибудь подлость, я откушу вам палец.

Мэр с превеликой осторожностью поднял гостя на нужный уровень. Гуталин соскочил на завалы бумаг, пустых чайных чашек и старых ручек, что загромождали обтянутую потертой кожей поверхность, и встал, глядя снизу вверх на смущенного хозяина.

– Эгм... а в вашей работе канцелярщины много? – любопытствовал мэр.

– Записи ведет Персики, – признался Гуталин.

– Это та маленькая самочка, которая, прежде чем заговорить, всегда откашливается? – уточнил мэр.

– Да, она.

– Она очень... категорична, не так ли? – продолжал мэр. Гуталин видел: бедняга аж вспотел от волнения. – Она уже изрядно запугала некоторых членов совета, ха-ха.

– Ха-ха, – откликнулся Гуталин.

Вид у мэра был ужасно несчастный. Он, похоже, отчаянно пытался найти нужные слова.

– Вы... эгм... благополучно обустроились? – поинтересовался он.

– Пройлой ночью я сражался с псом в крысиной яме, а потом, кажется, ненадолго застрял в капкане, – ледяным тоном сообщил Гуталин. – А потом мы немножечко повоевали. А так не жалуюсь, спасибо.

Мэр озабоченно воззрился на него. И впервые на своей памяти Гуталин почувствовал жалость к двуногому. Глуповатый с виду парнишка был совсем не таким. Мэр выглядел не менее уставшим, чем крысиный вожак.

– Послушайте, – промолвил Гуталин, – я думаю, все получится, если вы меня об этом хотели спросить.

Мэр просиял.

– Вы так думаете? Споры все не утихают.

– Вот поэтому я и думаю, что все получится, – кивнул Гуталин. – Люди и крысы спорят. Вы не подсыпаете яду в наш сыр, а мы не гадим вам в варенье. Всем будет непросто, но начало положено.

– Мне хотелось бы кое-что прояснить для себя, – промолвил мэр.

– Да?

– Вы же действительно могли отравить наши колодцы. Вы могли

поджечь наши дома. Дочка говорит, вы очень... продвинутые. И вы ничем нам не обязаны. Почему вы этого не сделали?

– А зачем? Что бы мы стали делать потом? – спросил Гуталин. – Пошли бы в другой город? И все началось бы сначала? Если бы мы вас перебили, что бы мы от этого выиграли? Рано или поздно нам все равно пришлось бы вступить в переговоры с двуногими. Так почему бы и не с вами?

– Я рад, что мы вам симпатичны! – сказал мэр.

Гуталин открыл было рот, чтобы сказать:

«Симпатичны? Нет, мы просто не ненавидим вас достаточно сильно. Мы вам не друзья».

Но...

Не будет больше крысиных ям. Никаких капканов, никакого яда. Ну да, ему еще предстоит объяснить Клану, что такое полицейский и почему крысы-стражники обязаны гонять крыс, которые нарушают новые Правила. Клану это не понравится. Совсем не понравится. Даже крысе с отметинами зубов Костяной Крысы придется куда как непросто. Но, как говаривал Морис, ты в чем-то уступишь, они в чем-то уступят, баш на баш. Никто при этом сильно не проиграет, зато все здорово выиграют. Город будет процветать, у всех подрастут дети, и внезапно все станет *нормально*.

А ведь все любят, когда все *нормально*. И никто не хочет, чтобы нормальное положение дел менялось. Попытаться стоит, подумал Гуталин.

– А теперь вопрос задам я, – проговорил он. – Вы пробыли вожаком... как долго?

– Десять лет, – вздохнул мэр.

– Тяжко приходится?

– Ох да. Ох да. Со мной вечно все спорят, – пожаловался мэр. – Хотя должен сказать, что если эта наша новая система сработает, споров чуть поубавится. Но работенка не из легких.

– Ужасно глупо постоянно орать, просто чтобы заставить кого-то что-то сделать, – посетовал Гуталин.

– Это точно, – вздохнул мэр.

– И все ждут, что ты все за них решишь, – сказал Гуталин.

– Да уж.

– Мой предшественник дал мне перед смертью один совет, а знаете какой? «Никогда не ешь зеленый студенистый кусочек!»

– Это полезная подсказка? – спросил мэр.

– Да, – кивнул Гуталин. – Но от *него* всего-то и требовалось быть большим и сильным и драться со всеми другими крысами, которые рвутся в

вожаки.

– В городском совете все примерно так же, – вздохнул мэр.

– Что? – удивился Гуталин. – Вы кусаете их в шею?

– Пока еще нет, – сознался мэр. – Но мысль хорошая.

– Просто все оказалось куда сложнее, чем я когда-либо думал! – растерянно признался Гуталин. – Потому что после того, как ты научился орать, ты должен научиться не орать!

– И ты опять прав, – кивнул мэр. – Именно так оно все и работает. – Он положил руку на стол ладонью вверх. – Вы мне позволите?

Гуталин взошел на борт и поплыл по воздуху, удерживая равновесие: мэр перенес его к окну и ссадил на подоконник.

– Видите реку? – спросил он. – Видите дома? Видите людей на улицах? Я должен сделать так, чтобы все это работало. Ну, не считая реки, понятное дело, река сама как-то справляется. И каждый год оказывается, что я недостаточно настроил против себя людей, чтобы они выбрали в мэры кого-то другого. И я снова берусь за дело. И это куда сложнее, чем я когда-либо думал.

– Что, и для вас тоже? Но вы же человек! – изумился Гуталин.

– Ха! По-вашему, от этого легче? Я-то думал, что крысы рыщут себе на воле, свободны и дики!

– Ха! – откликнулся Гуталин.

Оба смотрели в окно. Внизу, на площади, прогуливались Кийт и Злокозня, о чем-то увлеченно беседуя.

– Если хотите, – спустя какое-то время предложил мэр, – я могу поставить вам маленький рабочий столик здесь же, в моем кабинете.

– Я буду жить под землей, но все равно спасибо, – отозвался Гуталин, собравшись с духом. – Маленькие рабочие столики – это уж больно в духе мистера Зайки.

Мэр вздохнул.

– Да, наверное... Эгм... – Судя по его виду, он собрался поверить гостю какую-то постыдную тайну. Так оно в каком-то смысле и было. – Вообще-то в детстве я ужасно любил эти книжки. Ну то есть я понимал, что все это чушь, но все равно приятно было думать, что...

– Да-да, – кивнул Гуталин. – Но зайчик ужасно дурацкий. Кто и когда слышал, чтобы зайцы разговаривали?

– О да, зайчика я терпеть не мог. Всем нравятся второстепенные персонажи. Крысик Кристофер, и Фазан Фил, и Змейс Олли...

– Да полно, – хмыкнул Гуталин. – Он же щеголял в воротничке и галстук!

– И что?

– А на чем они, по-вашему, держатся? Змея, она ж как трубка, гладкая и скользкая...

– Знаете, я об этом как-то не задумывался, – признался мэр. – И вправду глупо. Олли же выползет из любого воротничка, да?

– И жилеты крысам не годятся.

– Нет?

– Нет, – подтвердил Гуталин. – Я пробовал. Пояса для инструментов – штука полезная, но не жилеты, нет. Фасоль Опасно-для-Жизни так расстраивался. Но я ему сказал, нужно мыслить *практически*.

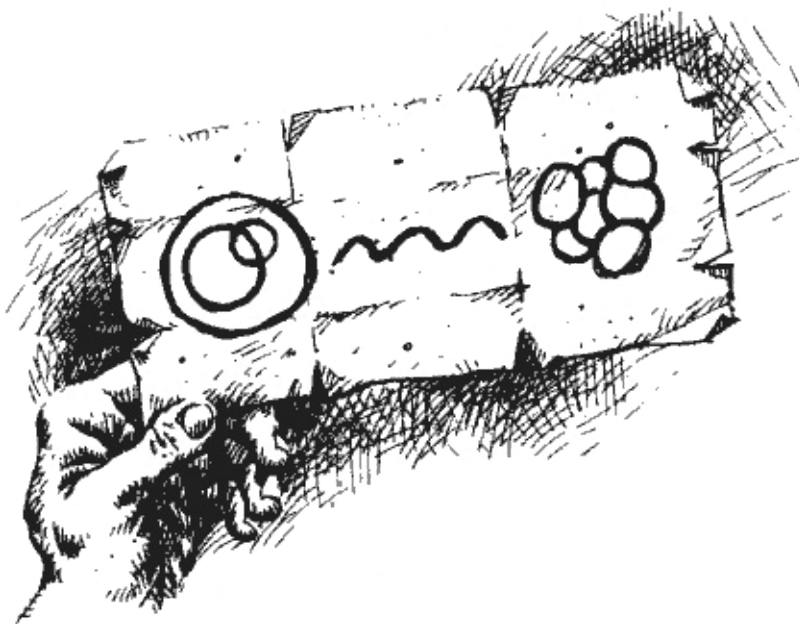
– Вот это же самое я постоянно твержу своей дочери, – закивал мэр. – Истории – это просто истории. Жизнь достаточно сложна и без них. Для реального мира нужно строить планы. Фантазиям там просто нет места.

– Точно, – согласился крыс.

Так человек и крыса говорили и говорили, пока долгий световой день не перетек в вечер.

Под табличкой, где значилось: «Речная ул.», какой-то человек аккуратно прорисовывал картинку. Совсем внизу, чуть выше мостовой, так что рисовать приходилось стоя на коленях. Рисовальщик постоянно сверялся с клочком бумаги в руках.

Картинка выглядела так:

Кийт рассмеялся.

– Что тут смешного? – не поняла Злокозня.

– Это же крысиный алфавит, – объяснил Кийт. – Тут сказано: «Вода +Быстро+Камни». Улицы же мощеные, так? Поэтому крысы воспринимают их как камни. Получается – «Речная улица».

– «Двуязычные надписи на всех табличках, указателях и дорожных знаках». Статья 193, – кивнула Злокозня. – Быстро сработано. По этой статье договоренность была достигнута всего-то два часа назад. Значит, в крысиных туннелях тоже будут крохотные указатели на человеческом языке?

– Надеюсь, нет, – покачал головой Кийт.

– Почему нет?

– Потому что крысы обычно помечают свои туннели, нагавив в нужных местах.

Злокозня нимало не изменилась в лице – к вящему изумлению Кийта.

– Вижу, нам всем придется существенно пересмотреть свои ментальные стереотипы, – задумчиво проговорила она. – Однако как странно все вышло с Морисом: ведь мой отец сам его заверил, что в городе полным-полно добрых старушек, которые будут просто счастливы взять его в дом...

– А он заявил, что так оно ему совсем неинтересно?

– Ну да. А ты-то понял, что он имел в виду?

– Отчасти. Он имел в виду, что он – Морис, – объяснил Кийт. – Мне кажется, он был счастлив по уши, пока расхаживал по столу из конца в конец и всеми командовал. Он даже сказал, что крысы могут оставить все деньги себе! Дескать, какой-то там внутренний голосок объяснил ему, что на самом деле деньги принадлежат крысам!

Злокозня словно бы задумалась на какое-то время. А потом как бы между прочим обронила:

– Да, кстати... а ты ведь остаешься, да?

– Статья 9, «Штатный Дудочник», – кивнул Кийт. – Мне выдадут церемониальный костюм, который мне ни с кем не придется делить, шляпу с пером и дудочковое довольствие.

– Это... очень даже недурно, – кивнула Злокозня. – Эгм...

– Что?

– Когда я сказала тебе, что у меня есть две сестры, эгм, это была не совсем правда, – призналась она. – Эгм... ну то есть это и не ложь, конечно, но просто... эгм, небольшое преувеличение.

– Да.

– Я имею в виду, в *строгом смысле слова* правильнее было бы сказать, что на самом деле никаких сестер у меня нет.

– А, – кивнул Кийт.

– Но зато у меня миллион друзей, сам понимаешь, – заверила Злокозня с разнесчастным видом.

– Изумительно, – откликнулся Кийт. – У большинства наберется от силы несколько десятков.

– А у меня – целый миллион, – подтвердила Злокозня. – Но, безусловно, место для еще одного друга всегда найдется.

– Это хорошо, – кивнул Кийт.

– И, эгм, есть еще Статья 5, – напомнила Злокозня, все еще слегка нервничая.

– Ах ну да, – вспомнил Кийт. – Та, что всех озадачила. «Шикарное чаепитие с кремовыми булочками и медаль», верно?

– Ага, – кивнула Злокозня. – Иначе конец будет какой-то неправильный. А ты, эгм, составишь мне компанию?

Кийт кивнул. И оглянулся на город. Приятное вроде бы место. И размер подходящий. Здесь можно найти свое счастье...

– Только один вопрос... – промолвил он.

– Да? – кратко осведомилась Злокозня.

– А сколько нужно времени, чтобы стать мэром?

Есть в Убервальде один такой городок, где всякий раз, как часы отбивают четверть, выходят крысы и звонят в колокола.

А люди смотрят, аплодируют, покупают сувениры – зубной работы чашки, и тарелки, и ложки, и часы, и все такое прочее, от чего никакого толку нет, кроме как купить и привезти домой. Люди посещают Крысиный музей, едят крысбургеры (гарантированно без крысятины), приобретают маскарадные крысиные ушки и сборники крысиной поэзии на крысином языке, и говорят: «Ух ты!» – когда видят названия улиц на крысином, и удивляются, какой это чистый город...

А один раз в день городской Дудочник (он, по правде сказать, довольно юн) играет на своих дудочках, а крысы танцуют под музыку, обычно «паровозиком». Это очень популярное развлечение. А по особым праздникам маленькая крыса-четечник организует крупномасштабные танцевальные спектакли: сотни крыс в блестящих, синхронное плавание в фонтанах, великолепные декорации.

А еще там читаются лекции о крысином налоге, и о том, как вся эта система работает, и как крысы построили под человеческим городом свой

собственный город, и бесплатно пользуются библиотекой, и даже иногда отправляют своих крысят в школу. И все говорят: «Как это прекрасно, как все замечательно организовано, просто *изумительно!*»

А потом туристы в большинстве своем возвращаются в свои родные города, и расставляют капканы, и рассыпают яды, потому что в отдельных случаях образ мыслей не изменить и топором. Но некоторые начинают смотреть на мир новым взглядом.

Система несовершенна, но она работает. С историями всегда так: нужно выбирать те, которые выдержат испытание временем.

А ниже по течению реки красавец кот, в шерсти которого осталось всего-то несколько проплешин, прыгнул с баржи, вальяжно прошелся по пристани и вступил в большой процветающий город. Он потратил несколько дней на то, чтобы приструнить местных котов и освоиться на новом месте, а главное – посидеть-понаблюдать.

Наконец кот увидел то, что искал. И проследовал из города за каким-то парнишкой. Тот нес через плечо палку, а на конце палки болтался завязанный в узел носовой платок: персонажи историй обычно носят в таком все свое состояние. Кот усмехнулся в усы. Если знать их мечты, то людьми можно вертеть как хочешь.

Кот проследовал за мальчишкой до первого милового камня на дороге, где паренек остановился передохнуть. И услышал:

– Эй, глуповатый парнишка! Хочешь стать лордом-мэром? Не, не туда смотришь, я тут, внизу...

Потому что одни истории заканчиваются, но старые истории продолжаются, и если хочешь оказаться в первых рядах – танцуй под музыку!

Примечание автора

Думаю, за последние несколько месяцев я прочел о крысах куда больше, чем пошло мне на пользу. Я не включил в книгу многое из того, что является чистой правдой (по крайней мере, люди так утверждают), – а то, чего доброго, читатели решат, что я все выдумал.

Известны случаи, когда крысам удавалось спастись из крысиной ямы – тем же способом, к которому прибег Гуталин, воспользовавшись беднягой Джейко. Если вы не верите мне, то пусть свидетелями будут старина Альф, и Джимма, и дядюшка Боб. Как видите, я почерпнул свои сведения из самых достоверных источников.

Крысиные короли действительно существуют. *Откуда* они берутся, это загадка; в моей книге Злокозня упоминает несколько теорий. Я благодарю доктора Джека Коуэна за гипотезу более современную и куда более удручающую, а именно: на протяжении веков люди жестокие и изобретательные располагали слишком большим количеством свободного времени.

---

notes

Примечания

1

Сперва вы размазываете масло по хлебу. Потом счищаете масло. Потом съедаете хлеб.

Обращение «сэр» очень трудно перевести на крысиный язык. Покрысиному слово «сэр» – это вовсе не слово; крыса просто на миг припадает к земле, давая понять, что в данный момент припавшая к земле крыса готова считать вторую крысу за главного, но и та пусть не позволяет себе лишнего.

3

Единица измерения у крыс. Равна примерно одному дюйму (2,54 см).

Один такой магазинчик крысы обнаружили в городе Щеботан и там разжились запасом мистеров Тиктаков. Тиктаки стояли на полке, маркированной «Игрушки для вашей киски», рядом с пищащими резиновыми крысами, чрезвычайно образно названными «мистер Писк». Крысы уже пробовали обезвреживать капканы, тыкая в них палкой с привязанной на конце резиновой крысой, но, когда капкан захлопывался, писк всем действовал на нервы. А вот участь мистера Тиктака никого не волновала.